

Екатерина **ВИЛЬМОНТ**

Сплосщенная
ЛебедаЯнь!

Annotation

Казалось бы, все в жизни Ярославы плохо – ушла от мужа, мать выгнала ее на улицу, но героиня находит в себе силы радоваться жизни. И судьба благоволит ей.

Случайная встреча, которая поначалу только пугает ее, перевернет всю ее жизнь.

- [Екатерина Николаевна Вильмонт](#)
 -
 -
 - [notes](#)
 - [1](#)
-

Екатерина Николаевна Вильмонт

Сплошная лебедянь!

© Вильмонт Е.Н., 2016

© ООО «Издательство АСТ», 2016

* * *

Погода была отвратительная. Снег с дождем, слякоть, ледяной ветер. И пробки, пробки, будь они прокляты! Хотелось скорее попасть домой, но пробка на Садовом кольце казалась безнадежной. Тут, у Курского вокзала, пробки всегда какие-то безнадежные. И чего я поехал на машине? Не развалился бы и в метро спуститься. Нет, все-таки, наверное, развалился бы, сам себе со смехом сказал Иван Алексеевич. Страшно хотелось есть. Сегодня из-за совещания с партнерами не удалось пообедать. От этого настроение было еще хуже. Что за жизнь у меня дурацкая? Скоро полтинник, а я один как перст. Дома никто не ждет. То, что всегда казалось ему большой удачей, выигрышем в жизни, вдруг стало тяготить. Он включил радио. Новости одна кошмарнее другой... Опять террористы где-то что-то взорвали... Опять... Не хочу! Он поменял станцию. «Почему да отчего на глазах слезинки, это просто ничего, по любви поминки...» – пел прелестный женский голос с сильным акцентом. Дина Дурбин! Он вдруг обрадовался. Как хорошо! У него была большая коллекция дисков со старыми фильмами. Он обожал Дину Дурбин. Вот доберусь до дома, согрею ужин, приготовленный домработницей Полиной Яковлевной, и посмотрю «Сестру его дворецкого»! Именно там Дина Дурбин волшебным образом поет попурри из русских песен и романсов.

– Это просто ничего, по любви поминки... – напел он.

Да нет никакой любви. У меня нет. И не было. Всю жизнь скакал по красивым белокурым девочкам. И все как-то легко, без драм и трагедий. И слава богу! В этот момент позвонила сестра. Она живет в Новосибирске.

– Ванечка, я завтра прилетаю в Москву. Сможешь встретить?

– В котором часу? – деловито осведомился он.

– По расписанию в одиннадцать тридцать, но погода...

– Ох, грехи наши тяжкие. Нет, Лиза, сам не смогу, пришлю водителя.

Надеюсь, остановишься у меня?

– А я не помешаю твоим шалостям?

– Да какие там шалости, смех один! Ключи у тебя есть. Как вы там все? Я соскучился!

– Все расскажу при встрече.

– Ты в командировку?

– Конечно, но на работе предупредила, что задержусь у любимого братца. Билетики мне достань...

– А ты куда хочешь?

– Ну, что там у вас самое модное?

– Ох, боюсь, самое модное тебе не понравится.

– Над классикой издеваются? Нет, это не хочу!

– Ладно, я посоветуюсь с понимающими людьми. Ох, Лиза, я так рад, что ты приедешь! Посидим, поболтаем...

– Пельменями тебя накормлю!

– Это не обязательно, сестра. Жаль, сам не смогу встретить. График кошмарный, вздохнуть некогда.

– А как там Глеб?

– Цветет и пахнет! Хотя сейчас кризис и нам всем достается. Ладно, Лиза, мне звонят по другому телефону. Все, до встречи!

Ему действительно звонили. Выяснилось, что ведущий одной из новостных программ в пьяном виде сбил человека, его забрали в полицию, срываются все завтрашние выпуски и вообще настал конец света. И спасти канал может только Иван Алексеевич Верещагин.

– В таком случае, вызывайте Кнурова, а я отмазывать этого пьяного идиота не буду. Сбил человека – изволь отвечать, – жестко бросил в трубку Верещагин.

– Но Кнуров же неопытный, а Малеванного обожает публика. И потом у него мать при смерти... ее это убьет...

– Он насмерть сбил человека?

– Да нет же... Иван Алексеевич, – рыдала женщина в трубке, – умоляю вас, вытащите его хотя бы до суда...

– А почему вы мне звоните? Направьте туда юристов...

– Иван Алексеевич, лучше вас это никто не сделает! Поезжайте туда, а Епифанова я подошлю. Только ради его матери...

И ради тебя, старой дуры, – выругался про себя Верещагин. Все знали, что Мария Валерьяновна влюблена в Малеванного.

– О господи! За что? – проворчал Иван Алексеевич. – Ладно, в каком он отделении? Ради его матушки попробую его вытащить, но от эфира на

месяц отстраняю. И лучше пришлите не Елифанова, а Зарецкую. На ментов она уж точно произведет впечатление.

– Спасибо, спасибо вам огромное, Иван Алексеевич!

– Но моя смерть от голода будет на вашей совести.

Черт бы их всех побрал! Он представил себе разговор с ментами, которых хлебом не корми, дай отыгаться на известном человеке. Впрочем, так Малеванному и надо. Обнаглел совсем, скотина...

К счастью, пробка рассосалась, но вместо того, чтобы ехать домой, он развернулся и покатил по указанному Марией Валерьяновной адресу. И хорошо, что у меня нет жены, кому какое дело, когда я вернусь сегодня домой... – вдруг обрадовался он. Но есть хотелось страшно. Он подъехал к ближайшей «Азбуке вкуса», поставил машину на аварийку, схватил в магазине упаковку пирожков с мясом и бегом вернулся в машину. Вся операция заняла от силы три минуты. Вкусно, однако, и уж точно не отравишься. Пирожки были совсем свеженькие, и как будто домашние. Умяв три пирожка, он запил их водой. Ладно, пора ехать!

...В результате домой он попал только в половине второго ночи. Сил не было вообще. Он рухнул на диван в гостиной и в который уж раз порадовался тому, что не женат. И, не раздеваясь, уснул на диване.

Конечно, утром болела голова, вид был кошмарный, времени заехать в бассейн уже не было. Черт бы побрал этого пьяного кретина! Там все оказалось не так уж страшно, человек, которого он сбил, пострадал минимально, и если бы не пьяная наглость Малеванного, все могло бы закончиться куда быстрее. Но он обхамил полицейских, с одним даже полез было в драку, и если бы не красота юриста Вали Зарецкой и не дипломатические таланты самого Ивана Алексеевича, Малеванный мог бы схлопотать себе вполне реальный срок.

Едва он сел в машину, как позвонил Глеб, старый друг и генеральный продюсер канала.

– Вань, что там за хрень с Малеванным?

– Да козел он конченный! Но ты не волнуйся, я все уладил. И отстранил его на месяц от эфира. Попробуем Васю Стрижака и если потянет, уволим Малеванного к чертям.

– Не возражаю!

– Вот и славно, Глебушка. Сегодня прилетает Лиза.

– Да? Это здорово! Может, привезешь ее к нам в субботу?

– Да с удовольствием. Она о тебе спрашивала.

– Вот и славно! А я предупрежу Наташку.

День, как всегда, был нервным, суматошным, то и дело приходилось что-то улаживать и если бы не верная секретарша Виолетта Геннадьевна, он и не вспомнил бы об обеде.

– Иван Алексеевич, уже три часа. Я, конечно, могу подать вам кофе с бутербродами, но лучше бы вам спуститься и поесть горячего. Вам нужна язва желудка?

Эта фраза действовала на него магически.

– Да, язва мне ни к чему. Ладно, спущусь.

– Идите, я вас прикрою в случае чего.

Он вдруг подумал, что второй день без горячего, это как минимум грустно. В кафе основная масса народу уже схлынула. Он заказал себе суп-пюре из шпината и телячий шницель. Его столик стоял в углу за загородкой. Это был уголок для руководства, отгороженный изящной соломенной шторкой. А отключу-ка я телефон на эти полчаса. А то ведь не дадут спокойно поесть. Официантка Ларочка быстро принесла ему суп и вазочку с гренками.

– Вот, Иван Алексеевич, как вы любите, прямо с огня!

– Спасибо, Ларочка!

– Приятного аппетита!

Суп был действительно обжигающе горячим, как он любил. Ах, хорошо... А вечером увижу Лизу... Он обожал старшую сестру, которая его вырастила. Их родители рано умерли и Лиза заменила ему мать, она была старше на семь лет. А он после школы уехал в Москву, и пустился в самостоятельную жизнь. Но поскольку голова у него всегда была на месте, к тому же он был очень способен к учению, все хватал на лету, то его легко приняли в институт стали и сплавов, где он проучился только полгода, понял, что ему скучно, и пошел на факультет журналистики. Он и туда легко поступил и там ему было весело. Там он познакомился и подружился с Глебом Кузьминым, а так как начиналась уже новая эпоха, то они вдвоем затеяли какой-то мелкий бизнес, приносящий сперва совсем ерундовые деньги, но постепенно дела пошли в гору. Они оба оказались людьми нового времени. Прогорели несколько раз, но не теряли ни куража, ни уверенности в своем светлом будущем. Потом они открыли небольшую газетку, так, никакой политики, просто информационный листок, но этот листок вдруг стал пользоваться успехом.

– Знаешь, Ванька, о чем я мечтаю? – спросил однажды Глеб.

– Знаю, брат. О телевидении. И вот что я тебе скажу! Иди!

– Куда?

– На телевидение!
– А ты?
– А я пока буду заниматься газетой. Нам же надо на что-то жить! А там посмотрим!

Они были удачливыми парнями. У Глеба на телевидении тоже все складывалось неплохо, а газета из информационного листка постепенно превращалась в солидное издание, но в один отнюдь не прекрасный день газету у них «отжали». Правда, оба уже успели обзавестись неплохими квартирами. Квартиру Ивана они сдали, он перебрался к Глебу и тоже пошел на телевидение.

– Ничего, Глебка! За двух битых целый взвод небитых дают!

И вот сегодня они совладельцы успешного телеканала «Супер». Глеб, отец двоих взрослых сыновей, не так давно женился второй раз по страстной любви. А Иван так всю жизнь и прожил холостяком. Веселым беспечным холостяком. Но оба были крутыми профессионалами, Глеб Витальевич был сильнее в вопросах финансов, а Иван Алексеевич слыл непревзойденным дипломатом. И они сумели сохранить дружбу. Оба свято верили в мужское братство. Никогда ни одна женщина не вставала между ними. Уж очень разные у них были вкусы.

Доедая суп, Иван Алексеевич вдруг услышал голоса из-за шторы. Говорили явно молодые девушки.

– А как тут насчет мужиков?

– Да полно!

– А холостые есть?

– Как не быть!

– Нет, я имею в виду кого-нибудь с положением, с бабками, а не сопливых ассистентов...

– У нас даже один из совладельцев канала холостой! И мужик кстати жутко интересный!

– Это кто же?

– Верещагин Иван Алексеевич.

– Сколько лет?

– Где-то под полтинник.

– Уууу, совсем старый! – разочарованно протянула девушка. – А помоложе нету?

– Да ты его хоть видела?

– Нет, а что?

– Классный мужик! Высокий, стройный, глаза зеленые, ресницы – умереть, не встать, нос с легкой горбинкой, волосы русые, пушистые...

– А он не голубой?
– С ума сошла!
– А чего ж никто его к рукам не прибрал?
– Да пытались... Без толку.
– Так, может, импотент?
– Да ты что! Девицы у него не переводятся. Но только на работе он ни с кем никогда не крутит.

Иван Алексеевич решил схулиганить. Он встал, подошел к девушкам и весело заявил:

– Это правда, на работе никогда ни с кем! Приятного аппетита, девочки!

И ушел. Девицы остались в полном ошалении.

– Ни фиги себе! Это он и есть?

– Ага!

– И вправду интересный... Да что ты так сбледнула? Ты ж ни одного дурного слова о нем не сказала!

– Все равно... Как-то стремно...

...А Иван Алексеевич был очень доволен. Вкусная горячая еда и весьма лестные отзывы молоденькой девушки способствовали хорошему настроению. Он позвонил сестре.

– Лизаня, ты уже водворилась?

– Нет еще, стоим в пробке. Но уже недалеко.

– В субботу мы с тобой приглашены к Глебу. Пойдешь?

– С удовольствием.

– Вот и хорошо!

– А тебя когда ждать?

– Боюсь, не раньше часов девяти. Прорва дел.

– А ты обедал?

– Да, только что поел. Спасибо за заботу, сестренка. Все, побежал на очередное совещалово!

Вечером, когда он уже надел куртку, чтобы ехать домой, зазвонил телефон. Кому я еще понадобился? На дисплее высветилось: «Дина». Это была одна из его девушек.

– Алло! – не слишком радостно откликнулся он.

– Ванечка, любимый! Я так соскучилась!

– Я польщен!

– Ты еще на меня сердишься? Ну, прости, я погорячилась, не надо

сердиться.

- Мне казалось, это ты на меня сердишься.
- Да нет, я подумала, что ты был прав...
- Вот и хорошо. Извини, я сейчас спешу!
- Ваня, может, мы встретимся?
- Я не могу! Ко мне приехала сестра и я еще ее не видел.
- Да? А твоя сестра надолго?
- На неделю. Позвони мне через недельку.

Дина отличалась от его обычных дам. Как правило, он западал на молоденьких девиц, белокурых и голубоглазых. Глеб называл их «твоя Сольвейг». Верещагин чрезвычайно ценил северный тип женской красоты. Дина к этому типу не принадлежала. Она была жгучей брюнеткой, к тому же не юной, ей было за тридцать. Иван сам удивлялся, почему она вдруг его зацепила. А потом пришел к выводу, что Сольвейг, видимо, ему просто приелись. К тому же Дина была неглупа, достаточно образована и вдобавок эффектна и даже экстравагантна.

А может, стоит познакомиться ее с Лизой? И вообще, может, пора уже наконец жениться? Дина ко всему прочему хорошо готовит. Что-то я утомился от холостой жизни. Надо подумать. Вполне приличная пара может из нас получиться. Она явно стремится замуж... Он хотел было тут же позвонить Дине, но решил сначала поговорить с сестрой. И вообще, поспешишь – людей насмешишь... Но и особо медлить тоже не стоит. У нас и так разница в возрасте солидная... Да, Иван Алексеевич, засиделись вы в холостяках. Да не просто, а в старых холостяках. Одно несомненное достоинство у Дины есть – с ней не скучно, даже помимо постели. Решено, поговорю с Лизой и познакомлю их. А может, позвонить Глебу и попросить разрешения привести в субботу не только Лизу, но и Дину?

– Ванюшка! – воскликнула сестра, заключая его в объятия. – У тебя такой усталый вид! Ты сегодня хоть обедал?

– Обедал, обедал, не волнуйся! А ты?

– И я поела. А сейчас будем ужинать. Мой руки и приходи на кухню. Твоя Полина Яковлевна испекла дивный пирог. Хорошая женщина. Тебя обожает. Хотя ты вообще такой, все бабы тебя обожают.

– Ну так уж и все... Послушай, сестренка...

– Ты хочешь познакомиться меня с какой-то твоей дамой?

– Откуда ты знаешь?

– Да я вообще всегда знаю, что ты собираешься мне сказать. И кто она? Нет, сколько ей лет?

- Тридцать четыре.
- Ваня, что с тобой? Старый стал? – засмеялась Лиза. – По-моему раньше ты даже не смотрел на девушек старше двадцати пяти?
- Да, видно старый стал... Нынешние молоденькие девушки все помешаны не на мужчинах, а на соцсетях и гаджетах, я не знаю, о чем с такими говорить...
- А как зовут твою даму?
- Дина.
- Она замужняя?
- Нет, разведенная.
- И чем занимается?
- Она переводчик-синхронист в крупной фирме.
- То есть она неплохо устроена?
- Да, вполне. Корыстного интереса тут не просматривается.
- Ты ее любишь, Ваня?
- Да нет, наверное, я как-то этого вообще не умею. Знаешь, я за всю жизнь видел только одну женщину, которую, вероятно, смог бы полюбить. Но ей на меня было наплевать с высокого дерева. Она безумно любила другого. Я видел ее всего каких-нибудь полчаса... Она была так неправдоподобно красива... Помню, я еще подумал тогда – и почему эта женщина не моя...
- А что ж ты не попытал счастья?
- А у меня не было ни единого шанса.
- Ладно, я поняла. А давно ты с этой Диной крутишь?
- Да уж почти год.
- А она тебя любит?
- Уверяет, что да.
- А детей у нее нет?
- Нет.
- Красивая?
- Эффектная.
- У тебя в телефоне есть ее фотография?
- Да нет. Зачем?
- Вань, но ведь ей, наверное, это обидно?
- Слушай, Лиза, я более чем взрослый, дико замотанный мужик, мне не до того. Еще не хватало! – уже раздраженно бросил Иван Алексеевич.
- У нее есть жилье?
- Есть. Двушка на проспекте Вернадского.
- Ну, хорошо, приводи ее, я налеплю пельменей...

– Да ну, охота была возиться! Лучше сходим в хороший кабак. Там вы будете как бы на равных. А то дома это вроде как смотрины.

– Ванька, как это у тебя получается?

– Что именно? – улыбнулся он.

– То ты как слон в посудной лавке, а то такой тонкий бываешь?

– А я, сестренка, разный, но при тебе я всегда лучше, чем без тебя. Ты на меня хорошо влияешь. Ну, хватит обо мне. Давай, рассказывай, как семья, как мой племянник, не женился еще?

– Вань, да он уж развелся!

– А второй раз не женился?

– Да нет, не хочет!

Елизавета Алексеевна была ученым-биологом, доктором наук и профессором Новосибирского университета. Ее муж и сын были программистами высочайшего класса. И несколько лет назад с подачи сына Анатолия организовали свою фирму, вполне успешную, вопреки предсказаниям Елизаветы Алексеевны. Оба были так безмерно увлечены своим делом, что собственно на семью времени у них почти не оставалось. Елизавета Алексеевна воспринимала это как должное, а вот молодая жена Анатолия мириться с таким положением вещей не захотела и ушла от мужа. А тот как будто и не заметил утраты. Елизавету Алексеевну это огорчало, она хотела внуков.

– Зачем тебе внуки? – удивлялся младший брат. – Когда тебе ими заниматься? Абсурд!

– А, может, были бы, я бы вышла на пенсию...

– Лиза, не смей меня! А как же твои гениальные студенты? Не зря же они тебя мамкой кличут! На кого ты их покинешь?

– Ну так пока у меня внуки и не намечаются. Я вообще беспокоюсь, все ли с Толиком в порядке. Даже никаких девушек вокруг...

– А ты почему знаешь?

– Виктор говорит.

– Ой, да что твой Виктор сам замечает? Просто они типичные представители современной науки.

– Много ты знаешь о современной науке! Смешно! Скажи лучше, ты мне билеты в театр добыл?

– Конечно. Вот завтра ты идешь в «Современник», послезавтра в театр Вахтангова. А в субботу мы приглашены к Глебу. И еще в воскресенье можно пойти в цирк. Говорят, у Запашных какое-то потрясающее представление...

– Ну что ж... Да, а когда же у нас смотрины?

– А что если в воскресенье мы пообедаем вдвоем, а потом я отвезу вас обоих в цирк?

– А сам не пойдешь?

– Нет, у меня в воскресенье вечером дела.

– Какие дела в воскресенье вечером?

– Что ты понимаешь в современном телевидении, тем более в условиях кризиса и информационной войны? – лукаво улыбнулся Иван Алексеевич.

– О да, в этом я разбираюсь вероятно еще хуже, чем ты в науке. Ну что ж... По крайней мере наедине с твоей Диной я лучше сумею в ней разобраться. А она-то согласна?

– Я ее еще не спрашивал, но, думаю, будет в восторге.

– Наглая морда! Вообще-то в твоём весьма солидном возрасте такая наглость уже непозволительна. Хотя должна признать, что смотришься ты еще шикарно!

– А вот мы сейчас проверим, позволительна ли мне такая наглость.

И он набрал номер Дины.

– Привет, подруга! Ты не хотела бы в воскресенье днем пообедать где-нибудь со мной и моей сестрой?

– С твоей сестрой? – голос у Дины дрогнул. – С чего бы это? Хотя я с удовольствием!

– Просто вот подумал, пора вас познакомить.

– Буду очень рада.

– А после обеда отправлю вас вдвоем в цирк, говорят, у Запашных какое-то грандиозное представление.

– Я с восторгом! Я тоже слышала... А сам не пойдешь?

– Увы, буду занят.

– Короче, я согласна.

– Отлично. Все, до воскресенья, я еще позвоню, уточню насчет часа. Скорее всего мы за тобой заедем.

Итак, он хочет познакомить меня с сестрой! И что сей факт означает? Жениться надумал? Наконец-то! Теперь надо во что бы то ни стало обаять эту сестру. Иван ее обожает. Ее мнение для него важно. Конечно, если б он любил меня по-настоящему, не стал бы спрашивать совета у сестры. Но все-таки вектор выбран правильно. Его сестрице уже хорошо за пятьдесят, она ученая тетка, наверняка начитанная, значит, надо блеснуть эрудицией... Чем они тогда увлекались? Хемингуэй, Ремарк? Нет, это для людей постарше... А, знаю, надо нажимать на Маркеса и еще не помешает

немножко Солженицына... Ну, еще они помешаны были на поэзии. Ну, это мне вполне по силам. Ах, если все получится... У меня может быть сказочная жизнь... Верещагин очаровательный мужик, легкий, веселый и, похоже, очень небедный. Я и сама не нищая. Но мне нужен муж, а он вполне статусный муж. Подружки обзавидуются. И надо устроить свадьбу... Только очень стильную, не больше тридцати человек, но самых-самых. И красное свадебное платье, максимально экстравагантное. И свадебное путешествие в какое-нибудь совсем не избитое место. Надо будет посоветоваться с Миленой. Тьфу, вот дура, размечталась. Рано еще. А пока надо продумать, как одеться в воскресенье. Дневной обед и цирк. Все должно быть скромно, но дорого и достойно. Ничего кричащего. А если я найду общий язык с сестрицей, надо будет позвать их к себе и закатить шикарный ужин, чтобы Елизавета Алексеевна поняла, что ее любимый братец будет всегда накормлен и не абы как...

- ...Она обрадовалась? – любопытствовала Елизавета Алексеевна.
- Кажется, да.
- Вот и хорошо.

На другой день Елизавета Алексеевна с утра отправилась по своим делам. Иван хотел ее подвезти, но у них не совпадали графики.

- Ладно, Лиза, но вечером я заберу тебя из театра.
- Вот за это спасибо!
- Договорились!

Дина понравилась Елизавете Алексеевне. Красивая, элегантная, со вкусом, явно хорошо воспитанная, может, немного жестковата, но это и хорошо. Зачем Ване мямля? Вместе они смотрятся просто шикарно. Она вполне начитанная для современной молодой женщины. Словом, похоже, то что надо. Ну и дай им Бог!

После действительно великолепного циркового представления Иван Алексеевич встречал дам.

- Я вижу мои дамы довольны?
- О да!
- Может, поужинаем где-то? – предложил он.
- Извини, Ваня, но мне завтра очень рано на работу! – отказалась Дина.
- Ну, нет так нет! Мы сейчас тебя отвезем.
- Да, Ваня, я тоже что-то притомилась от столичной жизни! Хотя

впечатлений масса! Но уже хочу домой. Москва, конечно, хороша, но дома лучше.

– Вот так всегда! То рвешься в Москву, жаждешь побегать по театрам, а потом просишь прощенья!

– Ну, что делать, вот такая у тебя неправильная сестра.

– Да? А по-моему ты до ужаса правильная, – рассмеялся Иван Алексеевич. – Дина, а как тебе показалось, правильная у меня сестра или неправильная?

Дине в этом вопросе почудился подвох.

– Ну, правила у всех разные, но сестра у тебя ровно такая, как надо!

– О! – воскликнула Елизавета Алексеевна. – Я польщена!

...Когда они уже отъезжали от Динино дома, Иван спросил:

– Ну, как она тебе?

– Вполне! Неглупая, красивая, самостоятельная. Хватит тебе, Ванька, в холостяках бегать, пора остепениться.

– Думаешь, из меня выйдет степенный супруг?

– А куда ты денешься? Возраст у тебя уже степенный...

– Скажи, а как по-твоему, Глеб, он степенный?

– Глеб отец семейства, в любой момент может стать дедом...

– Ну, тут мне за ним не угнаться, – рассмеялся Иван Алексеевич.

Когда-то в ранней молодости он перенес тяжелую болезнь, в результате врачи приговорили его к бесплодию. По юности лет он чуть ли не обрадовался этому, еще бы, гуляй не хочу. Повзрослев, он еще обследовался, но приговор не отменили. И посоветовали взять ребенка из детдома. Но жизнь на телевидении так закрутила его, что он и не думал о семье, говорил в шутку: «я женат на телевидении». Его личная жизнь была достаточно беспечна. Он умудрялся легко, без трагедий, расставаться с девушками благодаря прекрасному чувству юмора и врожденному таланту дипломата. Глеб, впечатленный его дипломатическими выкрутасами в делах канала, нередко качал головой:

– Ну, Ванька, в тебе умер Талейран! И почему ты не пошел в МГИМО?

– Радуйся, что я туда не пошел! Кто бы тебя сейчас примирил с этим козлом Гамовым?

– Как всегда прав! – хохотал Глеб. – Но как тебе удастся нащупать именно ту кнопку, на которую надо нажать?

– Интуиция!

Проводив сестру, Иван Алексеевич из аэропорта поехал домой. Выйдя

из машины, поднял глаза и увидел темные окна своей квартиры. Раньше его всегда радовал вид темных окон, а сейчас вдруг отчего-то стало тоскливо. Никто не ждет... Наверное и впрямь пора жениться. И Дина вполне подходящая кандидатура. Вон, даже Лизе понравилась, а это не так-то просто. Достаточно молодая, хозяйственная, не дура, красивая, в постели с ней хорошо, а что еще собственно нужно? Любовь? А я не знаю, что это такое. Дожил до таких лет и ни разу не любил... Наташка, жена Глеба, говорит, что любовь это своего рода талант, а я, видно, этим талантом обделен. А народная мудрость по этому поводу гласит: стерпится, слюбится. Непременно слюбится. И как приятно будет приходить домой, видеть свет в окнах, и знать, что тебя ждет жена, красивая, умная, любящая... А что если не стерпится и не слюбится? Разведемся. Ей есть куда уйти, она вполне независимая самостоятельная женщина. Хотя почему не слюбится? Вот ездили мы летом в Италию на десять дней. Все там было прекрасно. Она умеет быть тактичной, и я не помню, чтобы она меня раздражала. Чем не жена? Да, надо жениться и чем скорее, тем лучше, а то, чего доброго, выскочу в окно, как Подколесин... Или ее уведут. И он набрал номер Дины.

– Привет!

– Ваня? Привет!

– Слушай, а выходи за меня замуж.

– Что?

– Хочешь за меня замуж?

Она рассмеялась.

– Я разве спросил что-то смешное?

– Я согласна, Ванечка!

– А почему ты смеялась?

– От радости! И потом я почему-то была уверена, что если ты все же сделаешь мне предложение, то обязательно по телефону!

– Ты разочарована?

– Да ни капельки!

– Тогда, может, завтра и подадим заявление?

– Можно!

– Значит, завтра в одиннадцать я за тобой заеду...

– Хорошо!

– Вот и отлично!

– Тогда спокойной ночи, невеста!

– Спокойной, жених!

Как хорошо, что она не спросила, люблю ли я ее. Она вообще за год нашего знакомства не задала мне этого дурацкого вопроса. И не обиделась на телефонное предложение... Молодчина! То, что надо!

А Дина закружилась по квартире. Наконец-то! Но надо отпроситься на работе. Причина более чем уважительная! Она позвонила своей начальнице, с которой была в доброприятельских отношениях.

- Леночка, прости, что звоню вечером...
- Да ничего. Что-то случилось?
- Можно мне завтра взять отгул? Хотя бы на первую половину дня?
- А в чем дело?
- Завтра в одиннадцать я подаю заявление в ЗАГС.
- Да ты что? Поздравляю! И с кем?
- С Верещагиным!
- Дозрел, значит?
- Выходит, дозрел. Тут приезжала его сестра, ученая дама из Новосибирска, он нас познакомил и я, видно, ей понравилась. Он сегодня отвез ее в аэропорт, и только что позвонил и сделал предложение.
- По телефону?
- Да какая разница! Мы уже более чем взрослые люди.
- Тоже верно! Ладно, Динка, можешь завтра не приходиться.
- Вот спасибо, Леночка!
- Скажи, а ты после свадьбы намерена работать?
- Господи, конечно! Я вовсе не собираюсь становиться домохозяйкой.
- А свадьба будет?
- Будет, но скромная и изысканная. Без всякой этой пошлости, без конкурсов, тамады...
- Надеюсь, я получу приглашение?
- Считай, уже получила!
- Ну что ж, Динка, поздравляю. Из вас получится здорово эффектная пара. А свадебное платье?
- Красное, максимально экстравагантное...
- Шикарно! А Верещагин в курсе?
- Нет пока. Вот подадим заявление, тогда и обсудим.

* * *

Яся, конечно, не ждала, что мать встретит ее восторженно, но чтобы

так...

Открыв дверь, она замерла.

– В чем дело? Откуда ты?

– Мама, я ушла от Вилли.

– И что? Приперлась сразу ко мне?

– Мама!

– Что мама? У меня, между прочим, своя личная жизнь. А ты рвалась замуж за иностранца...

– Я не рвалась за иностранца, я просто любила его...

– А теперь разлюбила?

– Мама, может, ты вступишь меня в квартиру?

– Заходи. Сегодня можешь переночевать, а завтра будь добра найти себе жилье. На меня не рассчитывай! На что и где ты собираешься жить? Это что, все твои вещи?

Яся так устала, что только кивнула. Господи, как я могла даже подумать, что она изменилась? Я всегда ей мешала... В конце концов ей нет еще пятидесяти, выглядит она, по-моему, лучше меня... Ага, а вот и мужские тапочки стоят. Кто бы сомневался... Но все равно к горлу подступил комок.

– Если ты голодна, можешь сварить себе кашу. Я после пяти не ем и вообще у меня строгая диета!

– А мужика своего ты не кормишь?

– Это тебя вообще не касается. Хорошо, что у тебя нет детей. И все же, что ты собираешься делать?

– А вот это, мама, уже тебя не касается. Я думала, ты покапустишь меня...

– Нет. Не пущу.

– Ты вышла замуж?

– Представь себе.

– И даже не сочла нужным поставить меня в известность?

– А зачем? Тебе же до меня нет дела.

– Но я...

– Ты хочешь сказать, что имеешь право на долю в квартире?

– Не бойся, судиться с тобой я не стану. И завтра с утра уйду. Но ты превзошла даже самое себя. Я все-таки не ожидала, что ты выкинешь меня на улицу.

– Не драматизируй!

Она вышла из кухни, где Яся поставила на плиту кастрюльку с гречневой крупой. Интересно, она хотя бы даст мне кусочек масла?

Мать вернулась с конвертом в руках.

– Вот тут деньги, на первое время. Пока устроишься. Тут пятьдесят тысяч.

– Спасибо. Как только заработаю, верну.

– Можешь пока не спешить. У меня сейчас всякие процедуры, это займет полтора часа, а ты пока поешь и ложись спать. Я положила белье в маленькой комнате. Пока!

– Извини, у тебя есть кусочек масла?

– Ты ешь сливочное масло? Нет, я его не держу. Вот, есть оливковое.

– Терпеть не могу! Может, молоко есть?

– Да. Вот, возьми! Посуду потом поставь в посудомойку! Спокойной ночи.

Господи помилуй, от какого монстра я родилась? Она и раньше была жесткой, неласковой, холодной, но чтобы так зачерстветь...

Однако Яся была голодна, и с наслаждением съела большую тарелку каши с молоком. А внутри как-то застыла. И вдруг вспомнила о старой подруге, Варьке Захарчук. И тут же набрала ее номер.

– Яська! – закричала та. – Ты что, в Москве?

– В Москве!

– Вот здорово! Надолго?

– Да похоже навсегда.

– Ушла от своего Вилли?

– Ушла. Варь, скажи, ты сможешь принять меня на несколько дней?

– Да с восторгом!

– Меня матушка практически выставила на улицу.

– Да ты что? А где ты сейчас? – всполошилась Варька.

– До утра у нее. А утром...

– Слушай, закажи такси и приезжай прямо сейчас! Или у тебя денег нет? Ничего, я заплачу!

– Нет, деньги есть. И она мне сплюнула пятьдесят тысяч. Ох, Варька, и вправду... Мне так тут тошно...

– Все. Собирайся и приезжай!

Мысль о том, что она скоро увидит Варьку, добрую, теплую, безмерно ее обрадовала. И она решила не заказывать такси. Выйду и поймаю, чтобы лишней минуты не провести в этой квартире. Слез не было.

Она поставила посуду в посудомойку и, не прощаясь, ушла. Такие матери тоже бывают.

– Яська! – завопила Варя, открыв дверь. – Яська, как же я рада!

Она заключила подругу в объятия, теплые, искренние... Как хорошо, хоть кто-то рад ей...

– Ты голодная?

– Нет, я поела у нее.

– Чему ты, собственно, удивляешься? Для меня твоя мать всегда была каким-то... айсбергом... от нее веяло могильным холодом. Тем самым айсбергом, о который разбился «Титаник»... Но чайку-то выпьешь? Можно было бы чего покрепче, но мне завтра на работу. Идем, покажу тебе твою комнату...

Варька жила в большой трехкомнатной квартире, оставшейся ей от родителей. А муж ее два года назад умер от инфаркта. Ему было всего тридцать восемь лет.

– Знаешь, Яська, ты живи у меня сколько хочешь. Мне же лучше... не так грустно. Давай, развесь свои вещи, переодевайся и приходи на кухню. Чай будем пить. С вишневым вареньем! Сама варила!

– Ну, рассказывай, почему вдруг решила бросить своего?

– Сама не знаю. Просто вдруг все стало тошно... Не прижилась я там по-настоящему.

– Но у тебя же нет языковых проблем?

– Языковых нет, но есть... ментальные...

– То есть?

– Знаешь, как это ни смешно, но Вилли в последнее время стал частенько попрекать меня моим русским происхождением. Так глупо... Раньше мы с ним как-то и думали и поступали одинаково. Мы понимали друг дружку...

– А может у него завелась другая?

– Может и завелась, но я ничего не замечала. Словом, что-то разладилось... И еще... Недалеко от нашего городишки обосновались мигранты... и как это ни дико, в этом он тоже обвинял меня...

– Да ты что? А ты-то тут при чем?

– Ну, они ж там многие думают, что во всем виновата Россия.

– А ты как представитель России?

– Ну да. Конечно, эти мигранты и вправду кошмарная проблема...

– Кто бы спорил, но ты уж точно не виновата, – грустно рассмеялась Варя. – Я только никогда не замечала, что твой Вилли дурак.

– Да раньше вроде не был... Но, видимо, его представление о миропорядке нарушилось, а кого в этом обвинишь? Русскую жену. Один раз он даже ударил меня. Позавчера. И вот я тут. Все. Сыта по горло

Европой.

- А что думаешь делать на родине?
- Попробую найти работу. Сниму квартиру.
- Даже не думай. Живи здесь!
- Спасибо, Варька, пока поживу, но когда устроюсь... Мы ж с тобой еще молодые бабы, у нас могут завестись мужики...
- Русские? – засмеялась Варька.
- Ясен пень, только русские!
- Это не политкорректно! Надо говорить «российские».
- Поправка принимается.
- Как думаешь работу искать?
- Разошлю резюме, а как еще?
- Я поговорю в издательстве, ты же классный переводчик, три языка. Правда, за переводы платят мало, но на первых порах... А там, глядишь, что-то еще наклюнется, и, кстати, можешь давать уроки. И внутренние рецензии можешь писать...

Варя работала редактором в крупном издательстве.

– Слушай, Яська, а я что вспомнила... У нас одна девушка уходит в декрет, примерно через два месяца, и я завтра же закину удочку, может, тебя возьмут на ее место, хотя бы временно... Все-таки три языка.

– Практически четыре, я еще освоила фламандский.

– Я ни за что не ручаюсь, но что-нибудь из этого все-таки выйдет.

Поговорю с людьми...

– Варька, – вдруг разревелась Яся, – как же я люблю тебя...

– И я... – тоже пустила слезу Варвара. – Слушай, а ты предупредила Вилли, что уходишь?

– Нет! Оставила ему записку, что решила освободить его территорию от русского присутствия...

– Так и написала?

– Ага!

– Молодец, Яська! Скажи-ка, а ты машину водишь?

– Машину? – удивилась Яся. – Вожу, а что?

– Понимаешь, от Славки осталась машина, стоит в гараже у друзей за городом.

– И что?

– Заберем ее и будешь ездить.

– Куда?

– А куда понадобится. Может, еще на работу вместе ездить будем. Вот было бы здорово! У нашего издательства есть своя стоянка. Я договорюсь.

– Ну не знаю, Варька. Я в Москве боюсь ездить...
– Да ерунда, поездишь дня три, освоишься.
– А какая машина-то?
– Да ничего особенного, «рено».
– Ну не знаю... Может, лучше ты ее продашь?
– Нет, продавать не хочу. Славкина машина. Но и гноить ее там тоже как-то неправильно! Вот что... Я сейчас позвоню своим друзьям и ты завтра же за ней съездишь.
– А где мы ее тут ставить будем?
– Да приткнем во дворе, – безмерно воодушевилась Варвара. Если она чего-то хотела, то всегда этого добивалась. – Будем ездить в магазины, и вообще... Алло? Милка, привет! Слушай, как ты смотришь на то, что завтра приедет моя подруга и заберет машину? Да, решила! Нет, подруга будет ездить, она пока у меня живет... Да, та самая, из Бельгии, она оттуда слиняла. Я сейчас дам ей трубку и ты объяснишь, как тебя найти.

И на другое утро, проводив Варю, Яся отправилась на Белорусский вокзал. Она не была в Москве целых три года. За это время город здорово изменился. И в лучшую сторону. Как удачно, что у нее в первый же день нашлось достаточно важное дело. И вообще настроение было прекрасное. Я не пропаду! И я почти уверена, что Варька найдет мне работу. И она явно искренне рада моему появлению. А мать... Бог ей судья!

Подруга Мила вполне соответствовала своему имени. Встретила Ясю приветливо, усадила за стол, сварила чудный кофе, расспрашивала о Варваре, радовалась, что она сейчас будет не одна.

– Знаете, ей было тоскливо одной в этой большущей пустой квартире, а о вас она всегда говорила с такой любовью...

Слышать это было приятно.

Славкин «рено» стоял в теплом гараже, рассчитанном на три машины. И завелся мгновенно. Только бензина было мало.

– Тут недалеко колонка, всего три километра... А давайте я вам налью немножко из канистры, чтобы вы спокойно до колонки доехали!

– Вот спасибо!

– И советую все же отогнать ее на сервис. Как-никак столько времени стояла без дела, мало ли...

– Да, обязательно!

– Я вам дам адрес, там добросовестные люди работают.

– Спасибо вам огромное!

– Господи, за что? Варвара же в машинах не разбирается, откуда ж ей знать про сервис?

– Тоже верно! – радостно рассмеялась Яся.

И еще раз рассыпавшись в благодарностях, выехала из гаража.

Дорога была хорошая, ехать было приятно. Она добралась до бензозаправки, залила полный бак и позвонила Варьке.

– Привет! Можешь говорить?

– Ага!

– Я забрала машину! Еду в Москву. Твоя Мила просто прелесть!

– Да, она чудная баба! А я, кстати, уже надыбал тебе перевод!

– Да ты что!

– С фламандского! Они как услышали, до потолка подпрыгнули! Роман в десять листов, за полтора месяца осилишь?

– Ну, я не знаю... Смотря какой текст... Но если надо, значит, должна успеть, буду сидеть хоть круглые сутки!

– Только учти, за это плохо платят.

– Ничего, лиха беда начало! – ликовала Яся.

Фантастика, просто фантастика, только вчера я прилетела в Москву и у меня уже есть работа...

– Варька, я заеду за тобой!

– Класс! Не буду толкаться в метро!

– И еще я приглашаю тебя в кафе! В какое, сама выберешь!

– Может, не надо?

– Надо, Варька, надо! А завтра отгоню машину на сервис. И возьмусь за перевод! Я тебя не подведу, Варька!

– Я гляжу, ты вовсе не горюешь?

– А чего мне горевать? Мне сейчас так легко и хорошо на душе, ты и представить себе не можешь...

– Да? Значит, ты и мужика сейчас встретишь.

– Ага! Мужика и его товарища.

– Какого товарища?

– Для тебя! Без товарища я не согласна!

– Да ну, я на мужиков и смотреть не хочу.

– Захочешь!

Вечером Яся и в самом деле заехала за Варей. Та выбежала из подъезда, победно вскинув руку с небольшой яркой книжкой.

– Держи! Это ж как повезло! Они только вчера получили книжку и думали, кому бы ее отдать, а тут я... Ну, ты насчет кафе не передумала?

– Нет, конечно!

– Тогда поехали! Ох, как хорошо, не надо лезть под землю!

– Но пробки у вас тут нешуточные!

– Это да, сегодня, я смотрю, еще ничего, едем, хотя час пик... Ну, да нам всегда найдется о чем поболтать в пробке. Мне, кстати, звонила Милка. Она от тебя в полном восторге!

– Да ты что?

– И пригласила нас с тобой на Новый год!

– Уже?

– Что уже?

– Ну, до Нового года еще больше месяца.

– Ну и что? Я люблю заранее знать, что будет. А у них в Новый год хорошо! Дом большой, комнат много, баня сказочная, семья чудесная... Милкин муж сын космонавта, очень крупная шишка в космической науке, точнее не знаю, но клевейший мужик, свекор со свекровью потрясная пара, обожают друг друга, и все такие дружные, как не в наше время...

– А дети у Милы есть?

– Есть. Двойняшки. Петька и Витька. Рыжие. Смешные до ужаса.

– Сколько им?

– Шесть.

– А Мила не работает?

– Нет. Она занимается детьми и домом. И гости у них всегда такие славные. И елку во дворе наряжают. Я после Славкиной смерти у них на Новый год не была. А как мне Николай помог, когда Славка умер. Знаешь, я иногда насмотрюсь на наших авторов, на начальство, и складывается впечатление, что кругом одни уроды. А съезжу к Милке, и легче становится.

– Ну, мне с моей матерью вообще кажется...

– Да наплюй ты! Она всегда была такой. Погоди, она еще позвонит, попытается как-то оправдать свой поступок.

– Она? Да ни в жисть! Ох, Варька, я все-таки непроходимая дура...

– А в чем?

– Почему я, собравшись в Москву, не позвонила тебе, а поперлась к матери?

– А это на уровне инстинкта – мне плохо, надо к маме...

– Но я уже взрослая баба, какая мама? Дура я, непроходимая дура!

– Да брось! Все же прекрасно! Я тебе рада без ума, у меня даже настроение сегодня с утра другое было... Не вдовье, что ли... Вот, давай сверни налево, там клевая кафешка и стоянка есть.

Едва они заказали ужин, у Яси зазвонил телефон. Номер был какой-то непонятный.

– Алло! Что все это значит? – узнала она голос мужа.

– Что именно?

– Ты где вообще?

– В Москве.

– И надолго?

– Да навсегда! Я ушла от тебя, Вилли!

– Что за бред!

– Это не бред, а вполне осознанный поступок! Мне не нравится, когда на меня поднимают руку...

– Прости, это было в первый и последний раз.

– Конечно в последний. Я не вернусь.

– Да? И на что ты будешь жить?

– А я уже нашла работу. И, кроме того, тебя это уже не должно волновать.

Они говорили по-французски, и Варя только таращила глаза. Наконец, он отвязался.

– Твой звонил? Прощения просил?

– Просил, но как-то неубедительно, формально. Знаешь, я услышала его голос и ничто во мне не дрогнуло. Все! С этим браком покончено!

Ей давно не было так хорошо! Вот уже три недели она жила у Вари. И с удовольствием многое делала по дому – убирала и готовила, несмотря на Варькины вопли. В магазины они ездили вместе. И еще Яся работала. С утра до вечера. И ей было уютно жить. Впервые за последние полтора года. По вечерам за ужином подруги болтали обо всем на свете. Как-то Яся спросила:

– Варь, скажи, а зачем издавать такой роман? Это дико скучно, претенциозно и вообще, на мой взгляд, гадость.

– А сейчас на такое спрос! В Европе это бестселлер! А мне сдается, что у нас... Помнишь, кто-то сказал: все жанры хороши, кроме скучного. А у нашей так называемой элиты все наоборот, все жанры плохи, кроме скучного! Хотя издательство у нас большое, есть разные направления... Но ты особо не умничай, переводы, что дают.

– Но тебе-то я могу сказать?

– Мне, конечно, можешь! А как, кстати, у тебя продвигается дело?

– Да текст нетрудный, я уже больше половины сделала, к сроку управлюсь.

- А что это у тебя в сотейнике?
- Баранье рагу.
- Да ты что! Это должно быть вкусно... Ой, а запах какой! Ты вообще готовишь гениально! Ой, мама, сроду ничего вкуснее не ела! Ох, боюсь, я на таких харчах разжирею на фиг!
- Не разжиреешь, у тебя конституция хорошая.
- Яська, у меня благодаря тебе настолько меньше денег уходит... Я покупала все готовое, мне лень было для себя стряпать. И живот не болит больше. Как здорово, что ты приехала, Яська!
- И мне, Варька, давно не было так хорошо и спокойно.

* * *

Иван Алексеевич познакомил Дину со своими самыми близкими друзьями Глебом Кузьминым и его женой Наташей Завьяловой. Они встретились вечером в хорошем ресторане. Дина была очень красива и весела в этот вечер. Разговор получился оживленный, было уютно и непринужденно. Дине кто-то позвонил и она, извинившись, вышла из-за стола.

– Да, Ванька, – заметил Глеб, – хороша, ничего не скажешь! Женись и не раздумывай! После всех твоих бесчисленных Сольвейг совсем другой коленкор! Она у тебя уже живет?

– Пока нет. Я-то не против, но Дина говорит, что переберется ко мне только после свадьбы.

Наташа иронически вскинула бровь, но промолчала, а мужчины не заметили.

– Кстати, Дина великолепно готовит... – зачем-то произнес Иван Алексеевич. И вдруг почувствовал себя дураком. А почему... Пойди, пойми.

Дина вернулась за стол.

– Извините, это по работе. Наташа, я большая ваша поклонница, записываю ваши передачи и на досуге смотрю. Это всегда интересно и абсолютно небанально. И еще – у вас всегда такие красивые платья... – с милой улыбкой добавила Дина.

– Спасибо, – улыбнулась в ответ Наташа. – Но платья эти поставляет фирма...

– Я понимаю, но они всегда вам к лицу.

– О, – вклинился в разговор Глеб Витальевич, – если б вы знали,

Диночка, сколько времени и нервов стоят Наташе эти примерки! Поначалу вообще был ужас, но потом она победила фирмачей и они уже стали ориентироваться на ее вкус. Да, кстати, ребята, вы на Новый год никуда не смыливаете?

– Нет.

– Тогда я приглашаю вас на Новый год и новоселье одновременно.

– Какое новоселье? – искренне изумился Верещагин.

– А мы купили дачу!

– Что ж ты молчал?

– Да всем в основном Наташка занималась, – счастливо смеялся Глеб Витальевич.

– И что за дача?

– Старый дом в генеральском поселке. Большущий, деревянный, такая прелесть... – воодушевилась Наташа. – Два этажа, все в прекрасном состоянии, я только косметический ремонт сделала и сантехнику поменяла, а так все по-старому. Очень уютно!

– Ну, вы тихушники! И что же вам дарить на новоселье?

– Паровую швабру! – сразу ответила Наташа.

– Господи, а что это такое? – вытаращил глаза Иван Алексеевич.

– Я знаю! – заявила Дина. – Очень удобная штука! У моей подруги есть, она не нарадуется.

– С ума сойти! – в один голос воскликнули мужчины.

– Ваня, я возьму это на себя, – вызвалась Дина.

– О, это здорово, а то я в таких вещах не разбираюсь, – обрадовался Иван Алексеевич.

– ...Наташ, ну как она тебе? – спросил уже по дороге домой Глеб Витальевич.

– Честно? Не понравилась.

– Почему? – поразился Кузьмин.

– Она его не любит. Да и он ее тоже.

– А он вообще... На моей памяти никого никогда не любил по-настоящему.

– Да, такое случается, но если бы она его любила, все могло бы сладиться, и он к ней привязался бы, тоже ведь уже далеко не мальчик, живет бобылем... Но это не тот случай.

– А с чего ты взяла, что она его не любит? Мне так не показалось. Она так на него смотрит...

– Как на свое весьма благополучное будущее, и не более того, – сухо

ответила Наташа.

- Наташка, ты ведь любишь Ваньку?
- Очень. Он чудесный человек.
- Вот! Ты просто подсознательно ревнуешь.
- Глеб, что за чушь! Я люблю Ивана как друга!
- А я и имел в виду дружескую ревность.
- Ладно, поживем – увидим. Вот приедут к нам на Новый год, тогда и поглядим. Как она с ребятами будет общаться. Леня очень тонко чувствует людей, и обожает Ивана.
- Да, а Аська будет с нами?
- Нет, Артур ее увозит в Австрию на лыжах кататься.
- Жаль.
- Мне тоже жаль, но я не могу ее не пустить. И она жаждет провести каникулы с папой. Он хороший отец.
- Да, и человек оказался приличный. Боже, как я его ненавидел, пока ты была его женой...
- Но я уже два года твоя жена.
- И я счастлив.

* * *

- Скажи, Яська, – как-то вечером спросила Варвара, – а почему у тебя нет детей?
- А у тебя? – ответила Яся вопросом на вопрос.
- А мы собирались. Славка говорил: вот встанем на ноги... Встали. И тут у него инфаркт... Ну, а у тебя?
- Понимаешь, мне нельзя.
- Почему?
- Потому что я урод!
- Что?
- Я выросла в ненормальной семье, я не знаю ничего про материнскую любовь... Я боюсь, что не смогу дать ребенку то, что ему необходимо...
- Что за бред! – закричала Варька. – Ты именно что была бы прекрасной матерью, все время помнила бы, как нельзя... А Вилли твой тоже не хотел детей?
- Я не знаю. Поначалу, когда мы только поженились, он много говорил о детях, о том, что сперва поживем еще для себя, а потом обязательно...
- А ты ему о своих идиотских сомнениях говорила?

– Пыталась, но он как-то отмахнулся, сказал, что это влияние русской литературы...

– Понятно.

– Вообще, если он был чем-то недоволен, во всем было виновато мое происхождение. А уж в последнее время особенно... Да ну, не хочу я о нем говорить.

– Но ты все-таки любила его?

– Не знаю. Мне казалось, что любила, но, возможно, просто хотела уехать подальше от матери... И вот, скажи, Варь, какого черта я к ней поперлась? Забыла, что нужна ей, как прошлогодний снег...

– Да ладно, наплюй! Сейчас у тебя все хорошо! А вообще, мы с тобой неправильно живем!

– То есть?

– Мы ж еще молодые, нам нужна любовь...

– А где ж ее взять?

– Искать надо!

– А где ее искать? Чай, не грибы. Вот у вас в издательстве есть мужики?

– До фиги!

– Ну и?

– Нет, это не то. Знаешь, мы издаем одну писательницу, она сама уже старая, но всегда внушает нам, что свою судьбу можно встретить за любым углом, но к этой встрече надо быть готовыми.

– Это как?

– Ну, всегда быть в тонусе, не распускаться, выглядеть на все сто...

– Варька, ты это к чему?

– А давай запишемся в салон красоты? Приведем себя в божеский вид. Маникюрчик, то, се... Тем более у Милки наверняка будут всякие интересные гости.

– Мне нравится ход твоих мыслей, хватит уже вдоветь!

– Знаешь, я вспомнила, в прошлом году мы ездили в Лондон на книжную выставку. Нас там было довольно много, ну, естественно, мы постарались хорошо выглядеть, и вдруг к одной нашей девушке подошла англичанка, работавшая на выставке, и говорит:

– Ведь у вас в России, кажется, кризис?

– Да, и что?

– «А я вот смотрю, у вас все девушки такие ухоженные, причесанные, с хорошим маникюром...» По их представлениям, мы, очевидно, должны ходить грязные, нечесанные, вонючие? Скажи, ты вот жила в Европе?

- Да эта тетка просто дура, вот и все!
- Может быть... Ну что, записываемся в салон?
- Валяй! Будем красивые и неотразимые!
- И надо еще шить новые платья! – воодушевилась Яся. – Ты же гениально шьешь!
- Да я уж и забыла, когда последний раз шила...
- А ты вспомни!
- И ты поедешь на Новый год в моем платье?
- А почему нет?
- Яська! Тащи стремянку!
- Зачем?
- На антресолях стоит еще мамин чемодан с отрезами. Варькина мать была известной в Москве портнихой. Чемодан оказался битком набит аккуратно завернутыми в пергаментную бумагу кусками тканей.
- С ума сойти, сколько! – ахнула Яся.
- Маме эти ткани привозила ее сестра, моя тетя Саша. Ее муж был дипломатом. К сожалению, они погибли в автокатастрофе под Парижем. А мама тряслась над этими отрезами и только самым любимым клиенткам их продавала. С ума сойти, даже панбархат...
- А что такое панбархат?
- Вот, видишь, на шифоне бархатные цветы или узоры...
- Ну, выглядит достаточно старомодно.
- Тем лучше, сойдет за винтаж! Вот, глянь, зеленый, тебе пойдет...
- Нет, я буду себя чувствовать дурой. Такие штуки надо уметь носить, а я не умею. Мне вот этот кусок нравится... Это что?
- Креп. Да, кстати, панбархат шить сложно, а гладить... Ну его к бесу. Пусть лежит, пока не войдет опять в моду.
- Они долго и со страстью выбирали ткань, наконец остановились. Яся на бежевом крепе, а Варька на фиолетовом тяжелом шелке, потом они рылись в Интернете в поисках фасонов и выкроек...
- Как думаешь, будем шить длинные?
- Мне – нет, а ты как хочешь! Зачем шить платье на один раз? – горячилась Яся.
- Ну, подкоротить-то всегда можно!
- А зачем зря ткань переводить?
- Ишь, какая ты разумная, – хохотала Варька.
- Эх, Варвара, тебе бы не редактором быть, а кутюрье.
- На кутюрье не потянула бы. И потом мама жаждала видеть меня

филологом. И, кстати, я хороший редактор. Но я считаю, что бежевый креп это скучновато. Цвет, безусловно, благородный, но к Новому году как-то блекло...

– Думаешь?

– Думаю. Конечно, можно сделать цветной пояс или...

– Варь, а у тебя нет каких-нибудь обрезков?

– Обрезков? Зачем?

– Есть у меня одна идея...

– Вообще-то точно... У мамы был мешок с обрезками...

Она опять полезла на антресоли и вытащила довольно объемистый мешок из синего атласа.

– На, держи! Что ты будешь с этим делать?

– Я одно время ходила на курсы, училась делать цветы, у меня получалось...

– Цветы? Это сейчас здорово модно!

– Варь, я заберу этот мешок, покумекаю.

– Да бери. Я такой мелкой работой не могу заниматься, мне размах нужен.

А у Яси вдруг зачесались руки. Она вытряхнула из мешка лоскутки. Чего там только не было! И шелк и кружева и бархат...

– Варь, в Москве есть магазины рукоделия?

– Конечно! Между прочим, на соседней улице. А что тебе там надо?

– Да многое! Завтра смотаюсь!

Утром Яся отвезла Варю на работу и помчалась в магазин рукоделия. За ночь она придумала два цветка, себе и Варьке. Это не были какие-то определенные цветы, розы или орхидеи. Эта была фантазия на цветочную тему. Себе она сделала композицию из дивного темно-коричневого бархата с листочком коричневого же атласа и кремовым кружевом, а Варьке маленький сиреневый с зеленым цветочек, очень скромный и изящный. И если Ясин цветок был призван стать главным в ее наряде, то Варькин лишь слегка оттенял роскошный цвет ее платья. Яся так воодушевилась, что еле дождалась возвращения подруги.

– Варька, ты очень голодная?

– Да нет вроде, а что?

– Жажду показать тебе свои цветы!

– Валяй!

– Вот, это на мое платье, а это на твое.

– И ты сама это сделала?

- А то кто же!
- Офигеть! Практически профессиональная работа! Блеск! И с каким вкусом! Слушай, а ведь там в мамином чемодане есть кусок точно такого бархата. Давай, сейчас примерку сделаем, раздевайся!
- Яся надела скроенное платье, Варя приколола к нему цветок.
- Понимаешь, Яська, тут необходим пояс, иначе цветок очень нагло выглядит, а если сделать узкий поясок, все будет в меру.
- А, пожалуй, ты права! Но жалко кромсать кусок...
- Да чепуха, отрежем всего ничего! И потом тут все равно на платье не хватило бы, разве что на жакет. Слушай, туалет будет сногшибательный. Только не вздумай никому там сказать, что мы это сами сварганили.
- Ерунда, не те люди, как я понимаю, чтобы думали о брендах.
- А вообще-то ты права!
- Затем Варя примерила свое платье и Ясин маленький цветок как нельзя лучше оттенял его.
- Супер! Слушай, Яська, а мы с тобой могли бы этим подрабатывать.
- Знаешь, я пыталась. Выкладывала в Интернет, но как-то не пошло...
- Ладно, поживем-увидим! Вот если тебя не возьмут к нам в штат, будешь делать цветы на заказ. Короче, мы не пропадем в любом случае, две молодые бабы с руками и с мозгами не пропадут, это однозначно!

* * *

Новый год неумолимо приближался. На канале в это время всегда все сходят с ума. Кроят и перекраивают сетку на долгие праздничные дни. По другим каналам просто гоняют старые и очень старые фильмы, но на сей раз «Супер» специально к этому времени подготовил несколько «убойных» музыкальных программ, четыре новеньких мини-сериала и две новые игры. «В Новом году у нас все новое!» – заранее оповещали они своих зрителей. Хотя по этому поводу было сломано немало копий.

– Да это же верный провал! Кто это станет смотреть! Люди в эти дни просто пьют, жрут, дрыхнут, до них вообще ничего не доходит!

– А мы проведем эксперимент. Для непьющей части населения. – горячился Кузьмин. – Нельзя всегда рассчитывать только на быдло.

– Глеб Витальевич прав! – поддержал его Верещагин. – Кто в основном смотрит старые фильмы? Женщины, и по большей части пожилые. Почему мы считаем, что им не хочется посмотреть что-то новенькое, свежее? Приятную мелодраму, хороший детективчик? Конечно,

пускать в это время масштабный боевик, допустим, не имеет смысла. А вот, например, «Статус мужа», по-моему, то, что надо!

– Доигрывание покажет, – пожал плечами кто-то.

– Разумеется! – согласился Кузьмин. – Но я же говорю – эксперимент! Если он провалится, значит, в следующий раз будем гонять «Карнавальную ночь» и «Чародеев»!

– Глеб Витальевич, но такие эксперименты в условиях кризиса...

– Вот именно в условиях кризиса! Старье не отвлечет зрителя от тревожных мыслей, а новинка может захватить... К тому же, если мне не изменяет память, и «Чародеи» и «Ирония судьбы» были показаны впервые именно в Новый год! И вообще, риск благородное дело!

Короче говоря, решение было принято.

– ...Слушай, Дина, перебирайся-ка ты ко мне, а то перед Новым годом по Москве вообще не проедешь... А я уж как-то привык с тобой общаться, так сказать, на постоянной основе. Ну глупо же, мы ж не дети.

– Может, ты и прав!

– Ты собери все, что тебе нужно, а я за тобой приеду ночью, чтобы быстрее добраться.

– Ну хорошо, если ты настаиваешь...

Дина ликовала. Он сам настоял, я его не подталкивала, видит Бог! А жить в такой шикарной квартире да с таким шикарным мужиком это мечта!

Иван приехал за ней в половине второго ночи.

– Ну вот, располагайся. Я тут освободил для тебя этот шкаф и в стенном в прихожей тоже полно места. Словом, осваивайся, а потом все переустроишь по своему желанию. У меня только два условия.

– Внимательно слушаю!

– Ничего не трогать в кабинете. У меня на столе все навалено, но не вздумай там наводить порядок. Я в своем беспорядке прекрасно ориентируюсь.

– Принимается! А второе условие?

– Постарайся найти общий язык с Полиной Яковлевной. Она чудесная женщина и мне не хотелось бы ее терять.

– Да ради бога! Я тоже работаю, поэтому почти не буду с ней соприкасаться. Но если я когда-нибудь захочу что-то приготовить, она не обидится?

– Да нет, конечно! Она очень рада, что я женюсь, и вообще, у нее золотой характер. Вот такие мои, по-моему, несложные условия?

– Да, условия весьма скромные, – засмеялась Дина.

- А у тебя есть условия?
- Да пока нет. Какие условия на чужой территории? Ох, Ванечка, я так счастлива! А ты?
- Да, пожалуй, тоже, – улыбнулся он.

Ну вот, я и женатый человек, сказал себе Иван, следующим вечером подъезжая к дому. Окна его квартиры были освещены. А ведь это приятно... Меня встретит красивая женщина, покормит ужином... Странно, я, кажется, совершенно в нее не влюблен... И что это значит? Он прекрасно знал все признаки влюбленности у себя. Их не было. Но я же рад тому, что там Дина? Рад! Может, это не влюбленность, а любовь? Хотя... Как колбасило Глеба от одного только упоминания о Наташке. Но я другой! А может я просто устал? Да, скорее всего...

Дина встретила его, сияющая, красивая, в каком-то причудливом наряде спокойного зеленого цвета с мягким лиловым рисунком.

- Какая ты нарядная!
- Это просто домашнее платье.
- О! Я оценил. Покормишь? Я сегодня не обедал.
- Идем!

Стол в просторной кухне был изящно сервирован, даже стояли цветы в маленькой вазочке. Приятно, черт побери!

– Ужин приготовила Полина Яковлевна. Она и впрямь очень славная тетка.

- Отлично! Знаешь, я пойду сперва переоденусь.
- Хорошо, а я пока все разогрею. Ты же любишь с пылу с жару.
- О да! А суп есть?
- Есть! Протертый.
- Хорошо!

Он пошел переодеваться. Молодец Динка! Помнит, что и как я люблю, и смотреть на нее приятно... Но почему же нет трепыхания? Или я уже оттрепыхался? Выдохся? Скорее всего. А тем более перед Новым годом, когда на канале все просто на ушах стоят, а тут еще Глеб со своими экспериментами...

- Ванечка, я купила паровую швабру!
- Да ты что! Умница! И сколько я тебе должен?
- Ваня, я обижусь, мы же вроде как муж и жена.
- Да, ты права, прости, я просто еще не привык. Вот, я пока буду класть деньги в верхний ящик стола, а потом сделаю тебе карточку.
- Спасибо, но я ведь тоже зарабатываю.

– Разумеется, но пусть это будут твои деньги, трать их на себя или на что захочешь.

Этот разговор почему-то был ему неприятен, хотя Дина не сказала ни одного неверного слова. В чем же дело? Вероятно в том, что он никогда прежде не вел подобных разговоров. А дальше все было очень мило. Вкусный ужин вдвоем. Обсуждение предстоящих праздников.

– А скажи мне, Ванечка, как мне одеться на Новый год?

– То есть?

– Ну, я же не знаю, как у них принято. Нужно вечернее платье?

– Да боже упаси! Новый год на даче...

– Дачи бывают разные.

– Ну, в принципе, если ты хочешь надеть вечернее, надевай. Но я лично поеду в свитере. Думаю, Наташка тоже вряд ли будет в вечернем. Это же сугубо семейный праздник на новой старой даче.

– Я поняла. Ванечка, а мы у себя елку поставим?

– Елку? А что, роскошная идея! У меня сроду в доме елки не было! Ух, хорошо! Только чур, живую, чтобы пахла! Я пошлю водителя, он купит наверняка хорошую, у него самого трое детишек и он каждый год им елку покупает. Я видел, он в этом понимает. Но у меня нет никаких игрушек.

– О, это я возьму на себя, – обрадовалась Дина. – А что тебе положить под елку?

Он непонимающе взглянул на нее.

– Ну, под елку принято класть подарки.

– А, понял. Да не знаю... В таком случае, что тебе положить под елку?

– Ну, ты сам реши, – лукаво улыбнулась она.

– Ладно, решу.

На другой день на студии он столкнулся с Наташей.

– Привет! Как дела? Как Дина?

– Уже перебралась ко мне. Я рад.

– Рад? И слава богу!

– Наташ, один вопрос.

– Валяй!

– Посоветуй, что мне подарить Дине на Новый год?

– Что-нибудь дорогое и статусное.

– Статусное? Это что? – перепугался он.

– мех, украшение...

– Да? А как определить... статусное оно или нет?

– Господи, Вань, ты как с луны...

- Наташ, помоги!
- Вань, советую купить украшение какой-нибудь известной фирмы. Картье, например, или Тиффани... Или Булгари... Да мало ли. С кем ты советовался, когда покупал мне брильянтовый бантик? Он был чудесный.
- А статусный?
- Ой, Ванька, умора!
- Ну, я когда его покупал, не думал, статусный он или нет.
- Ладно, забудь про статусность. Купи просто что-то красивое.
- Она тебе не понравилась? – вдруг спросил Верещагин.
- Да почему?
- Что ж я тебя не знаю? Но ты ошибаешься, она классная...
- Ванька, я страшно за тебя рада. И вот еще что. Когда поедешь в магазин выбирать подарок, присылай мне фотки, а я скажу, то это или не то.
- Наташ, умоляю, выбери часок, съезди со мной, ей-богу, это меньше времени и нервов займет, чем я буду слать тебе картинки.
- Прав! Ладно. Сегодня у меня съебок нет, давай в обед сходим в наш торговый центр, и заодно перекусим. По крайней мере по пробкам не будем маяться.
- Наташка, я тебя обожаю! Ты настоящий друг.
- А ты думал!

* * *

- Тридцать первого слегка подморозило и выпал снег.
- Ой, Яська, смотри! Погода как по заказу!
- Да, красотища!
- Яся пекла пирожки с капустой и с мясом. Варька помогала их лепить и смазывать яйцом. Большую часть решили взять с собой, а немножко оставить себе. А еще Яся наделала разных цветов из Варькиных лоскутков в подарок всем женщинам. Получилось очень красиво. Покупать что-то попросту не было денег. А так подарки будут совместные. От них обеих. Яся еще упаковала цветы в аккуратные коробочки и завернула в красивую бумагу. Этому она научилась, когда работала полгода в магазине сувениров.
- Варь, как думаешь, мы дома оденемся, или возьмем наряды с собой?
- С собой! Там наверняка еще придется помогать по хозяйству.
- Поняла!
- Платья в чехлах положили на заднее сиденье, чтобы не помялись.

Настроение у обеих было просто роскошное. Они собирались выехать в шесть часов. Варька уже одетая, в шубе, проверяла, все ли электроприборы выключены, а Яся натягивала сапоги, как вдруг зазвонил ее телефон. Номер был совершенно незнакомый.

– Алло!

– Ярослава? – узнала она голос матери. Настроение сразу упало до нуля.

– Да. Я слушаю.

– Ты где?

– А в чем дело?

– Мне оборвал телефон твой муж.

– Почему тебе?

– Просит повлиять на тебя.

– Будь добра, передай ему, что ты на меня влияния не имеешь! С наступающим!

– Как ты смеешь мне хамить?

– Ты дала мне это право, выгнав меня на улицу. Матери так не поступают, а значит ты мне не мать.

И Яся отключила телефон. Ее трясло.

– Ну, Яська, ты даешь! Круто!

– Не могу! Я не могу слышать ее голос! Она явно собиралась еще прочесть мне нотацию...

– А чего она звонила-то?

– Вилли ей пожаловался. Господи, зачем я им? Они же меня не любят. И я их тоже.

– Слушай, Яська, а может... Может, она хотела перед Новым годом наоборот примириться с тобой, прощения попросить?

– Ага, щас! Слышала бы ты ее интонацию.

– Так может ей просто трудно было... Ну-ка перескажи дословно, что она сказала.

– Изволь.

Яся передала ей начало разговора.

– Да, на покаяние как-то не похоже. Ты расстроилась?

– Почему-то да... А впрочем, бог с ней! Поехали!

* * *

– Дина, какие у вас красивые серьги! – заметила Наташа.

– Это Ванечка мне подарил.

– О! У него отличный вкус!

Иван с трудом сдержал смех. Серьги выбрала Наташа.

За столом их было шестеро. Глеб с Наташей, два его сына, Юра и Леня, и Иван с Диной. Иван радовался, что народу немного и будет спокойно. Так и оказалось. Вкусно, уютно, весело. А Дина была разочарована. Чтобы у продюсеров телеканала не было в гостях каких-то знаменитостей, это же нонсенс. И ей ужасно не нравилась Наташа. Тоже мне, строит из себя простушку... И хотя явно не демонстрирует свою неприязнь, но я-то чувствую. Вот сука! Но я должна делать вид, что я в восторге. Ничего, я умею делать вид... Но в следующий раз я Новый год буду встречать по-другому. Ванька он простой... Я сумею с ним сладить, он еще с восторгом будет плясать под мою дудку.

И она с завидным рвением помогала Наташе по хозяйству, хотя в этом не было особой нужды, так как Юра и Леня тоже не сидели сложа руки.

Проводили Старый год, встретили Новый. Потом оделись и побежали на двор, поплясали возле елки, поиграли в снежки и около четырех стали разбредаться по комнатам. Иван был явно очень доволен. Дина легла и почти мгновенно уснула, она выпила много шампанского, настоящего Абрау-Дюрсо. А Ивану вдруг стало жарко. Он осторожно вышел на площадку и открыл дверь на балкон. Было свежо и прекрасно. Он вдохнул легкий морозный воздух... И вдруг увидел сверху, как на соседнем участке откуда-то, видимо из бани, выскочило несколько абсолютно голых женщин. Они кричали, купались в снегу, обтирались снегом... Его взгляд приковала одна... Рубенс! – подумал он. В ярком свете фонарей было видно, что у нее довольно длинные волосы, скорее всего рыжеватые... Он смотрел как замороженный.

– Ой, девочки, кто-то смотрит! – крикнула одна. Все завизжали и бросились прочь, а рубенсовская задержалась, помахала ему рукой и тоже скрылась.

Ивану показалось, что он сейчас сойдет с ума. Что именно эта женщина нужна ему, а ведь он даже не разглядел ее лица. Идиот, сказал он себе. Пьяный идиот. Он вернулся в комнату, где спала Дина. Практически его жена. Не сходи с ума, Ваня, сказал он себе, мало ли что спьяну померещится. А оденется эта баба, и ничего хорошего в ней не будет. Да, скорее всего! А Дина... она вполне хороша, хоть это и не Рубенс, а скорее... Модильяни.

На завтрак все собрались за столом около двенадцати. Иван вдруг

спросил:

– Глеб, а кто ваши соседи?

– Слева я пока не знаю, а справа космонавт, фамилию не помню, но здесь постоянно живет семья его сына, он какой-то ученый. Я пока знаком только с его женой, муж приезжает поздно, детей возят в школу в Москву. Вполне славная женщина. Подробнее пока не знаю.

– Папа, а давай сходим к ним по-соседски, познакомимся, а? – предложил вдруг Леня.

– А что, отличная мысль! – обрадовался Кузьмин. – В Новый год это милое дело! Наташ, как ты смотришь?

– Хорошо смотрю! – улыбнулась Наташа. – У нас остался нетронутый торт.

– Что, все пойдем? – вмешался Иван.

– А почему бы и нет? Нас не так уж много!

– Нет, так не годится. Мало ли что там... Пусть пойдут папа и Наташа! – заметил Юра.

– Пожалуй, Юра прав, – кивнула Наташа. – Глеб, идем и позовем их к нам на печеную картошку!

– А если они противные? – предположила Дина.

– Да почему противные? Я уверен, что очень даже славные люди!

Глеб с Наташей ушли. Буквально через десять минут у Ивана зазвонил телефон. Глеб.

– Вань, бери всех и валите сюда! – очень веселым голосом закричал он. – Нас всех приглашают!

Иван обрадовался.

– Нас всех зовут к соседям! Пошли!

На соседнем участке возились в снегу дети, а на крыльце стояла женщина в накинутой на плечи дубленке.

– Гости дорогие, милости просим! – радушно улыбалась она. – Давайте знакомиться! Я Людмила!

– А я Иван! А это Дина, Юра и Леонид! Сыновья Глеба Витальича.

Почему он не сказал, что я его жена? – оскорбилась Дина, но промолчала.

В огромной комнате было полно народу. Все сидели за длиннющим столом.

– Вот, господа, прошу любить и жаловать! Это Иван Верещагин, мой старый друг и сопродюсер, а это его жена Дина. А эти парни мои сыновья...

Хозяин дома, мужчина лет пятидесяти с хорошим интеллигентным лицом, радостно приветствовал вновь прибывших и представил свою семью и гостей. Иван исподтишка разглядывал дам за столом, но давешней рубенсовской женщины не обнаружил. Ну и слава богу! Все выпили за знакомство, кто-то рассказал дурацкий, но вполне смешной анекдот, словом, было хорошо и весело. И вдруг хозяин дома спросил:

– Мила, а где же Яся?

– А и вправду! Куда она девалась?

– Она на кухне, – сказала девочка лет восьми.

– Иван Алексеевич, не в службу, а в дружбу, вы ближе всего к выходу, приведите сюда нашу Ясю.

Иван с готовностью вскочил. И направился в кухню. Ему вдруг стало страшно. Ее зовут Яся? Какое чудесное, ласковое, теплое имя... Дверь в кухню была полуоткрыта. Он толкнул ее. Да... это она! Она стояла спиной к нему и задумчиво глядела в окно. Она показалась ему вдруг такой одинокой и беззащитной...

– Простите, вы Яся?

Она резко обернулась.

– Да.

– Яся, вас просят к столу... Позвольте представиться, Иван Верещагин.

– Очень приятно, Ярослава.

Одетой она понравилась ему ничуть не меньше, хотя и не казалась такой по-рубенсовски роскошной. У нее было прелестное лицо – веснушчатое, доброе. Красавицей не назовешь, но отрывать взгляд от этого лица не хотелось.

– Яся, вас ждут! – напомнил он.

– Да-да, спасибо, я сию минуту приду.

У нее горестные глаза, подумал Иван, совершенно очарованный.

– Нет, Яся, мне поручили вас привести, и я должен исполнить поручение.

– Ну что ж! – улыбнулась она.

Он подал ей руку. Она кивнула и подала свою. Какая теплая и нежная рука...

А за столом получилось так, что она оказалась по одну сторону с ним и он ее не видел.

– Вань, кто эта баба? – шепнула Дина.

Слово «баба» покорило его, но он ничего не сказал. Просто пожал плечами, не знаю, мол...

– Яся, вы почему ничего не пьете? – спросил хозяин дома.
– Так я же за рулем.
– Ерунда, оставайтесь до завтра!
– Нет, извините, но мы часа через два поедem уже, у меня работа...
Какой у нее чудесный голос... Теплый, как-то сразу проникающий в душу.

- Ваня, что с тобой? – спросила тихонько Дина.
- А что со мной? По-моему, все нормально.
- Вань, а может мы тоже поедem? Прямо сейчас?
- Но я же пил!
- Вызовем такси! Я хочу домой!
- Сейчас это неудобно. Вот вернемся к Глебу, тогда и поедem.
- Ну хорошо.

Дине здесь всё не нравилось. И все. А Кузьмин с женой чувствовали себя в своей тарелке. Им все по кайфу... Ладно, я потерплю, но Ивана надо мало-помалу перевоспитывать. Легонько, ненавязчиво... Он по сути вахлак, у меня получится! Вот получилось же выйти за него... Он сам, первый, заговорил о женитьбе, а я ведь над этим работала... И работы мне предстоит еще немало!

* * *

В машине Варя вдруг сказала:
– Яська, а ты заметила, как на тебя смотрел этот Верещагин?
– А как он на меня смотрел? – притворилась равнодушной Яся. Но она заметила!
– Потрясенно!
– Ну, так уж и потрясенно! По-моему, просто доброжелательно.
Подвыпил человек!
– Да ладно! А вот его жена... противная!
– А это жена?
– Вроде да.
– Ну и бог с ними. Вряд ли мы еще когда-нибудь встретимся.
– А он тебе не понравился?
– Понравился. Очень. Знаешь, по-моему, это он стоял на балконе, когда мы голые из бани выскочили...
– Значит он видел тебя голой и ты ему голая очень глянулась.
– Ох, Варька, не хочу я тешить себя дурацкими мыслями, ну их.

– А вообще-то правильно. Ну их! А Новый год хорошо встретили, скажи?

– Да, просто здорово!

* * *

– Наташ, а чего это Иван с Диной вдруг сорвались? – спросил Глеб Витальевич, когда они уже легли в постель. – Я ни черта не понял.

– Дина его уволокла. Испугалась.

– Господи, чего она испугалась?

– А Ванька наш влюбился!

– Влюбился? Господи, в кого?

– А в Ясю!

– В Ясю? А которая там была Яся?

– Ну, пышненькая такая, Златовласка. По-моему, очаровательная.

– Погоди, у нее на платье еще цветок такой причудливый?

– Именно!

– Правда, милая. Очень женственная.

– Я, кстати, взяла у нее телефон.

– Зачем?

– А этот цветок она сама сделала. И еще я кое-какие видела. Хочу заказать ей. Иной раз такой цветок может сделать платье. Ну и вообще...

– Наташка, признавайся, ты для Ивана телефончик взяла?

– Не специально. Но вдруг ему пригодится.

– И чего тебе Дина не нравится? Красивая, эффектная, хозяйка хорошая...

– А Ванька ее не любит. Да и она его тоже. Я уже тебе говорила.

– Да ты что! Она же в рот ему смотрит, обожает просто...

– Господи, какие ж вы, мужики, глупые в таких вещах...

– Ладно, тебе виднее, а соседи у нас мировые.

– Согласна! Повезло нам!

– Дин, чего ты вдруг сорвалась? Хорошо же было? – спросил Иван, когда они уже вернулись домой.

– Если честно, просто безумно захотелось побыть с тобой наедине в нашем доме. Я еще не привыкла... И каждый час наедине с тобой мне дороже всех этих сборищ. Мы сидели там, у этих совершенно чужих людей, и меня такая тоска взяла по тебе, по нашей квартире, по этой

чудесной елке... Я же люблю тебя, Ванечка!

– Да? Ну, тогда понятно... Но завтра придется все равно ехать за машиной. Я без нее как без рук.

– Пошли водителя!

– Как я могу? Праздники же!

– Ну, может этот Юра пригонит.

– Без доверенности? Абсурд. Нет, я сам съезжу!

– Да ее же там не будет!

– Кого? – искренне удивился Иван. – Моей машины?

– Да нет, этой коровы.

– Какой коровы, Дина? В чем дело?

– Ну, ты же положил глаз на эту корову Зорьку.

– Ничего не понимаю! О чем ты?

– Ну не Зорьку, а Яську! И имечко тоже коровье! Корова Яська!

– Ты ревнуешь? И твоя ревность делает тебя столь вульгарно-примитивной? Мне это не нравится!

– А не надо давать мне повод к ревности!

– Интересно, какой это повод я тебе дал? Меня попросили позвать женщину, я ее привел, только и всего.

– За ручку привел!

– И что?

– Мне было больно и неприятно! – пошла на попятный Дина. И сказала себе: больше я об этой корове не упомяну. А то, не ровен час, он всерьез ею заинтересуется. – Прости, любимый, я не справилась с собой! Но я так люблю тебя...

– На первый раз прощаю. Но вообще я этого не выношу!

– Чего? Ревности?

– И ревности и манеры говорить гадости о людях, и особенно о близких мне людях. Я вижу, тебе не нравится Наташка, но слушать о ней гадости я не буду, имей это в виду! Если она тебе неприятна, значит, я буду общаться с ней и Глебом без тебя!

Он говорил так жестко и категорично, что она здорово испугалась.

– Ты поняла?

– Поняла, Ванечка! Только ты зря, мне Наташа очень нравится! Такая стильная, современная, умная... Тебе просто что-то показалось, а Глеб вообще душка...

– Душка? – фыркнул Иван. – Видела бы этого душку в деле... Ну да ладно. Давай-ка ляжем пораньше... Я жутко не выспался.

– Конечно, Ванечка! – обрадовалась Дина. В постели все противоречия

мгновенно забываются.

* * *

Варя на праздники уехала в Питер к родственникам покойного мужа, с которыми очень дружила. Звала Ясю с собой, но та отказалась. И денег мало и время поджимает, надо закончить перевод. Господи, какая же скука этот роман! Но ничего не попишешь. Хотелось бы знать, кому нужна такая претенциозная тоска? Но это не мое дело.

Яся сидела за компьютером, когда раздался звонок телефона.

– Алло!

– Яся? Добрый день, это Наташа Завьялова. Помните меня?

– Господи, конечно. Добрый день, Наташа!

– Яся, скажите... Вы не могли бы показать мне какие-то ваши цветы? Я в восторге от них и хотела бы купить несколько штук. Такой цветок иногда может любое платье сделать новым и свежим...

– Ну, разумеется, я буду только рада, но у меня сейчас нет готовых... Я, конечно, могу сделать довольно быстро, но... Знаете, если бы я увидела платье, мне было бы проще.

– О! Отличная идея! Какие у вас планы на завтра? Дело в том, что Глеб с мальчиками сегодня вечером улетает, и мы с вами спокойно просмотрели бы мои шмотки, прикинули бы... тем более, что я взялась в праздники разбирать шкафы.

– Здорово! Ой, Наташа, если у вас есть какие-нибудь лоскутки... Не выбрасывайте их!

– Ни за что не выброшу! Яся, вы могли бы завтра часам к двенадцати приехать?

– Могла бы!

– Записывайте адрес!

Яся обрадовалась. Во-первых, это какие-никакие деньги, а во-вторых, у Наташи наверняка есть знакомые, которые тоже могут заинтересоваться. И вообще, она такая милая... Настроение поднялось и работа пошла быстрее.

На другой день Яся с утра села за перевод, а потом поехала к Наташе. На улице было не слишком приятно – холодно, грязно, снег пополам с дождем. Она поехала на метро. Мешочек с лоскутками был нетяжелой ношей.

Дверь открыла Наташа, в джинсах и свободном джемпере.

– О, Яся! Какая вы пунктуальная! Я чрезвычайно ценю это качество в людях. Проходите, я одна, дочка с отцом в Австрии на лыжах катается, а Глеб с ребятами улетели в Лондон. О, а вот это еще один член нашей семьи! Знакомьтесь, Глаша!

В комнате на кресле лежала кошка. Темно-серая, с густой короткой шерстью и круглыми оранжевыми глазами. Она настороженно смотрела на Ясю.

– Ох, это британка?

– По документам шотландка, а так все уверяют, что британка. А мне все равно, я просто ее обожаю, как и вся семья. Странно, обычно при виде незнакомых она прячется. А вас, похоже, признала.

– А погладить ее можно?

– Можно, наверное. Но об этом лучше спросить у нее.

Ясе нестерпимо хотелось погладить эту густую серую шерстку, но она решила пока воздержаться, пусть лучше кошка к ней привыкнет.

– Кофе хотите?

– Нет, спасибо, Наташа, давайте к делу!

– Вот, у меня есть четыре платья, которые следовало бы реанимировать с помощью ваших цветов.

Одно платье было из черного джерси. Яся долго на него смотрела.

– Нет, Наташа, тут цветы не годятся. Они будут только портить все, оно слишком изысканное. Фасон сам за себя говорит. Тут лучше всего подошла бы какая-нибудь старинная брошь. Если ее приколоть вот сюда... А цветок все только испортит.

Наташа задумчиво посмотрела на нее, потом подошла к туалетному столику и стала рыться в большой деревянной шкатулке.

– Вот!

Это была крупная брошь, не старинная, но хорошо сделанная «под старину».

Яся приколотла брошь, чуть оттянув ею вниз воротник-хомут.

– Чудо! – хлопнула в ладоши Наташа. – У вас просто глаз-алмаз!

– Да, красиво! Наташа, прошу вас, наденьте платье, может лучше будет переколоть чуть повыше...

– Ладно!

Она переоделась.

– По-моему, идеально! Яся, а вы кто по профессии?

– Филолог.

– И где вы работаете?

– Ну, сейчас я перевожу один скучнейший роман с фламандского...

– А цветы? Это хобби?

– Ну, в общем-то да. Просто я жила много лет в Бельгии, и от нечего делать пошла на курсы рукоделия.

– Вы были замужем за бельгийцем?

– Ну да. А недавно не выдержала, сбежала.

– Извините!

– Да ничего... Я сама ушла, меня не бросили.

– Правильная позиция! – улыбнулась Наташа.

Яся заставила ее примерить все платья и в результате Наташа заказала ей пять цветов.

– Ну вот, а теперь давайте пообедаем.

– Да нет, спасибо...

– Пожалуйста, Яся! Ненавижу одна обедать! Обед вкусный!

– Ну что ж, спасибо!

– Пошли на кухню!

Все и вправду было очень вкусно.

– Сами готовили?

– Ох нет, домработница, у меня совсем времени нет. А сейчас выдалось три свободных дня, так не стану же я сама себе готовить. Я никуда не поехала, решила просто побыть дома одна. Шкафы вот разобрать...

У нее зазвонил мобильник.

– Алло, Ваня? Что случилось? Ну, конечно, заходи! Могу покормить! Это Ваня Верещагин, помните, он был с нами? У него машина заглохла как раз возле нашего дома.

Яся вдруг ощутила, что у нее пересохло в горле. Только этого мне не хватало!

Позвонили в дверь. Наташа пошла открывать.

– Привет, солнышко! – раздался мужской голос. Надо сказать, очень приятный.

– Заходи, Вань! А у меня гостья.

– Гостья? Кто?

– Помнишь Ясю?

– Ясю? – вдруг охрип он. – Ну разумеется, помню. И очень рад буду ее повидать.

А она испугалась.

– Здравствуйте, Яся! О, вы чудесно выглядите!

– Вань, ты голодный?

– Нет, только кофе выпил бы. А мороженое у тебя есть?
– Есть! Яся, хотите мороженого?
– Да, пожалуй хочу!
– Вот и отлично. Ешьте.
– А ты? – спросил он.
– А я боюсь, у меня и так голос не совсем в порядке, боюсь еще больше посадить.
– Мне жаль тебя, Наташка! А мы с Ясей с удовольствием... Правда, Яся?
– Правда! – улыбнулась она.
Какая она милая и улыбка чудесная, добрая... И от нее веет уютом... – с тоской подумал он. И имя такое ласковое – Яся, Ясенька...
– Ох, как вы аппетитно лопаете это мороженое, просто завидки берут! – со смехом сказала Наташа.
– А вы положите себе немножко и разомните ложечкой, оно подтает, будет вкусно, и неопасно, – посоветовала Яся.
– Да, пожалуй! – обрадовалась Наташа.
Тут на кухню явилась Глаша, подошла к Ясе и улеглась на полу, положив голову ей на ногу.
– Ах ты, прелесть какая...
– Ну надо же! Она вас признала! – удивилась Наташа.
– А меня до сих пор не признает, мерзавка такая! – заявил Иван.
– Это потому, что ты ее хватаешь, тискаешь, а она этого не любит!
– А зачем нужна кошка, которую нельзя тискать? А эта так и просится! – и он протянул к ней руки.
Кошка мигом смылась из кухни.
– Вот ведь паршивка!
– Наташа, спасибо за все, я, пожалуй, поеду!
– Яся, я вас отвезу! – предложил Иван.
– Но у вас же машина сломалась, – напомнила Яся.
– Ох, черт, я и забыл... Разнежился тут с вами и совершенно забыл. Но ничего, я позвоню своему водителю... А вас отвезу на такси! Вам куда?
– Университетский проспект.
– Отлично!
– Нет, Иван Алексеевич, спасибо, но я сама прекрасно доберусь и мне еще надо в магазин. Спасибо еще раз!
– Ну, хоть пальто подать вы позволите? Или в ваших Европах это тоже считается ущемлением женских прав?
– Считается, – очаровательно улыбнулась Яся, – но я с удовольствием

вам это позволю! И вообще я даже люблю, когда мои права ущемляет мужская галантность.

И она ушла.

- Вань, ты что, на нее запал? – с улыбкой осведомилась Наташа.
- Да не знаю я... – буркнул Иван.
- А она тебе куда больше подходит, чем Дина, уж извини!
- Наташка, не трави душу!
- Вань, но зачем тогда?
- Откуда я знаю? Да Динка в общем хорошая... и я сам настоял... Что ж теперь... – он как-то безнадежно махнул рукой. – Она меня любит... Я ей нужен...
- Ну, дело, конечно, твое. Глебу, кстати, Дина вполне нравится.
- Вот видишь... Да мало ли милых приятных женщин на свете, в конце-то концов? До фига и больше, на всех ведь не женишься...
- Это правда.

Варя возвращалась из Питера «сапсаном» около восьми вечера, и Яся решила ее встретить. Варя обрадовалась.

– Вот спасибо, Яська! Как приятно, когда тебя встречают! Ну, что нового?

– Ничего особенного, только вот Наташа Завьялова заказала мне цветы к платьям. Знаешь, она такая приятная, никакой звездности... Ну, а ты как съездила?

– Да хорошо. Только погода была ужасная. Холод собачий, ветер с Невы такой, что на ногах едва держишься. И дни такие короткие. Ясь, а у нас есть какая-нибудь еда?

– Обижаешь, подруга! Я утку с яблоками сделала.

– Утку? С яблоками? Мечта!

– Ну, праздники все же...

– Яська, я тебя люблю! А картошка будет?

– Все будет! И картошка, и брусника и соленые огурчики.

За ужином Варя вдруг внимательно посмотрела на подругу.

– Яська, колись!

– Что?

– У тебя мужик завелся?

– Нет. Не завелся. Но я... я, кажется, влюбилась...

– Мать честная! И в кого?

– Помнишь Верещагина?

– Ну помню... Ты что, с ним встречалась?

– Так это назвать нельзя. Просто, когда я была у Завьяловой, он туда пришел. Случайно. Он такой...

– Да, он интересный. Но у него же эта Дина... Поймай, а он что, как-то...

– У него сломалась машина, он забыл и хотел меня подвезти, я напомнила про сломанную машину, а он сразу предложил подвезти меня на такси...

– Ну и?

– Я наотрез отказалась!

– Вот дура! Почему? Такой мужик!

– Да ни к чему это.

– Что это? Что?

– У него есть женщина.

– А тебе что за дело?

– Я так не хочу.

– Но ты ж говоришь, что влюбилась...

– Понимаешь, я это осознала уже задним числом. На следующее утро. Вот проснулась и сразу вспомнила его. Знаешь, у него такие глаза... Зеленые, и длинные ресницы, пушистые. И голос добрый, теплый и руки такие огромные... мужицкие...

– Да, подруга, глупость должна быть наказуема. Как можно было... У тебя же была пустая квартира...

– Еще чего... Я не могу вот так, с порога.

– Ох, дура, ты же можешь никогда больше с ним не встретиться.

– Значит, не судьба.

– А между прочим, эта его баба неприятная. Хищная какая-то. С такой лучше не связываться. Может, ты и правильно поступила. Мало ли кто иной раз глянется... ладно, будет и на твоей улице праздник!

– А почему бы и нет?

– И кстати, он уже староват... Я считаю, разница между мужчиной и женщиной не должна превышать семь лет!

– Да-да, ты права...

Так они поговорили, потом посмотрели какой-то идиотский новогодний фильм по телевизору и разошлись по комнатам. Но стоило Ясе лечь и закрыть глаза, как она опять увидела его лицо. Вот именно о таком мужчине я всегда мечтала. «Ты в сновиденьях мне являлся, незримый ты мне был уж мил, твой чудный взгляд меня томил, в душе твой голос раздавался...» «Евгений Онегин», энциклопедия русской жизни... Как

странно, в Бельгии у меня было очень мало литературных реминисценций. Интересно, почему? Ведь моя любовь к поэзии и филологическое образование никуда не девались, но вот поди ж ты... А тут, стоило мне положить глаз на какого-то мужика, как сразу откуда-то полезло... Смешно, ей-богу!

* * *

– Ваня, ты куда пропал? – позвонила ему Дина. – Уехал на два часа и пропал...

– Да у меня машина заглохла.

– И что?

– *Да ничего, пытался что-то с ней сделать, потом отчаялся, вызвал аварийку... – оправдывался Иван. Ему ужасно не хотелось говорить Дине, что он зашел к Наташе, и уж тем более упоминать о том, что встретил Ясю. От этой встречи осталось такое чудесное послевкусие...*

– Ванечка, может мне за тобой приехать?

– Да боже упаси! Сегодня гололед. Да я уже скоро буду, не волнуйся!

– Да как же не волнуйся! Я же люблю тебя, Ванечка!

Господи, и как ей не надоест твердить, что она меня любит. Иной раз кажется, что она это не мне говорит, а себя пытается в этом уверить. Значит, не любит? Да ну, чепуха, просто у нее такая манера. Ну и дела! Смешно, я как та стрекоза, мне уже зима катит в глаза, а я ни хрена в любви не смыслю... И ведь хочу ее, любви этой. Но сам-то ты, стрекозел, разве любишь Дину? Откуда я знаю? Мне с ней в общем-то неплохо, хотя иногда она меня раздражает, но это, скорее всего, от непривычки к семейной жизни. И еще одно ее несомненное достоинство в том, что она никогда не заговаривает о детях, которых я не могу иметь. А она, видимо, не хочет. Надо ей сказать, пока мы не оформили брак, а то вдруг она хочет детей... Можно, конечно, усыновить ребенка, или как это называется... ну, из пробирки... И почему я до сих пор не признался ей? Ведь она, наверное, предохраняется. Зачем? Надо сегодня же ей признаться...

– Да я знаю, Ванечка, любимый! – рассмеялась Дина. – Меня твоя сестра просветила.

– И что?

– Ничего. Я тоже не могу иметь детей. Последствия раннего аборта. Но я думаю, проживем годик, посмотрим, получится ли у нас, а там и

усыновим кого-нибудь. Думаю, с этим у нас проблем не будет.

– Вот и славно!

Ну, если Лиза при первой встрече с Диной сказала ей о моем бесплодии, значит, Дина ей действительно понравилась, вызвала доверие. Сестра, считал он, умеет разбираться в людях. По крайней мере в женщинах уж точно разбирается лучше меня. А вот интересно, понравилась бы ей Яся? Яся, какое ласковое имя... Странно, одетой она не напоминает рубенсовских женщин, вполне стройная, хоть совсем не худая женщина. Может, мне просто спьяну померещилось? Но ведь раньше меня женщины Рубенса как-то не волновали... В немецком языке есть такое определение женщин: «vollschlank», то есть «полно-стройная». Он учил немецкий в институте, но уже все забыл, а сейчас откуда-то всплыло... Ах да, так они с легкой руки одного студента говорили о преподавательнице начертательной геометрии. Как ее звали? Кажется Марьяна Теодоровна. Вот и моя Яся такая же... Полно-стройная... Стоп! Твоя – Дина, абсолютно стройная, даже худая... вернее, тощая. Фу, Ванька, как не совестно! Она красивая, эффектная женщина, соответствующая всем модным тенденциям и, говорят, мы очень красиво смотримся вместе. А это важно – красиво смотреться вместе для самих красиво смотрящихся? Господи, скорее бы кончились эти дурацкие праздники, а то черт-те что в голову лезет...

Но все когда-нибудь кончается, даже Новогодние праздники, включая и Старый Новый год.

Как-то поздно вечером, когда Иван вернулся домой, Дина, накормив его ужином, сказала нежно:

– Ванечка, у нас через пять недель свадьба. Ты не забыл, любимый?

– Нет, конечно, – нахмурился Иван. – Ты меня совсем за маразматика держишь?

– Ну что ты! Просто мужчины стараются не помнить о таких вещах.

– А я вот помню! – едва скрывая раздражение, проговорил он. – И что из этого следует?

– Ну, надо бы нам обсудить, как все это будет.

– А, ну да... Какие есть предложения?

– Ну, я думаю...

– Дина, я не хочу каких-то безумных торжеств.

– Нет-нет, боже упаси! Я посчитала по минимуму, получается человек тридцать.

– Тридцать? – обрадовался Иван Алексеевич.

– Да, просто скромный ужин в хорошем ресторане. Я со своей стороны приглашу всего шесть человек, но тебе придется больше позвать. Вероятно твоя сестра с мужем приедет... Глеб с Наташей...

– Это конечно, ладно, я прикину, без кого никак не обойтись.

– Ванечка, я только прошу тебя, надень смокинг!

– Ну, смокинг, так смокинг, – пожал плечами он. – А ты платье уже заказала?

– Еще нет, но уже выбрала. Оно будет красным.

– Красным? Почему?

– Ну, мы уж не молоденькие, это будет эффектно, неожиданно... Мне красный идет, ты сам говорил... А вот куда мы поедем в свадебное путешествие?

– Есть идеи?

– Хотелось бы к теплому морю.

– В феврале можно на Канары, я был в феврале, там чудесно.

– Нет, любимый, Канары это слишком избито. Мальдивы, Бали, это тоже не очень... Может на Гавайи?

– А туда сколько лететь? Это до Лос-Анджелеса около двенадцати часов, и оттуда еще часов пять... нет, я не хочу!

– Не хочешь, не надо! Я подыщу что-то другое.

Он почувствовал, что она обиделась. Ну и пусть обижается. Но ему тут же стало стыдно.

– Дин, а может так сделаем – смотаемся после свадьбы дня на три-четыре куда-нибудь недалеко, а в мае или в июне устроим себе настоящее свадебное путешествие к теплому морю, а?

– Ну... Можно, конечно, что-то придумать...

– Вот и займись!

Все, Ванька, попался, сказал он себе, теперь не вырвешься. А может и не надо? Куда рваться-то? К Ясе? Да где она, та Яся? И кто знает, какой она окажется при ближайшем рассмотрении, и еще, может я ей ни на фиг не сдался? Скорее всего! Я, конечно, умею обхаживать баб, но зачем искать от добра добра? С Диной, по крайней мере, все понятно. Нет, ну можно, конечно, ухитриться переспать с Ясей, а то, может, это совсем не мой пирожок? Да ну, не стоит. А вдруг Динка узнает? Фу, не хочу, устал я от этого кобелизма, старею, видно, остепениться пора.

Яся сдала перевод. Отмучилась. Варя сообщила, что работу весьма одобрили и готовы заказать еще перевод с французского. Между тем Яся сделала цветы для Наташи. Та очень щедро с ней расплатилась. О Верещагине она больше не вспоминала, чего зря душу травить? К тому же Варя, вечно зависающая в соцсетях, обнаружила, что у него скоро свадьба. Вот и хорошо, пусть будет счастлив.

* * *

Иван Алексеевич попал в пробку и только сейчас заметил, что у него мало бензина. Тьфу ты! До дома доберусь, но утром надо будет мчаться на заправку. Нет уж, как только удастся стронуться с места, сверну вправо, там есть бензоколонка. Он позвонил домой.

– Дин, я задерживаюсь!

– Что случилось, любимый?

Он объяснил.

– Ну хорошо, я жду тебя. Люблю!

О господи! И ей не надоедает? Я вот не в состоянии ответить тем же. А ей ништяк?

Наконец ему удалось стронуться с места. На заправке к нему вдруг кинулась какая-то женщина.

– Ради бога извините, вы не можете? Никак не открою бензобак!

– Яся? – ахнул он.

– Ой, Иван Алексеевич, слава богу! А то я никак, а больше...

– Помогу, не проблема.

Он мгновенно отвинтил крышку бензобака, хотя у него дрожали руки.

– Ох, спасибо вам огромное!

– Яся, прошу, не уезжайте пока, я сейчас заправлюсь, надо поговорить!

– Ну хорошо...

Господи, о чем нам говорить? Ее трясло. Эта встреча неспроста... Недаром, видно, я сегодня слышала гороскоп для моего знака (а мой знак Телец), была обещана нечаянная встреча с важным для меня человеком! А он важен для меня? Вероятно очень-очень важен.

Он подошел к ней.

– Яся, я страшно рад вас видеть!

– А я как рада! А то попросила одного парня, а он ухмыльнулся эдак гнусно и бросил: «А нечего бабам за руль садиться», и уехал.

– Вот скотина!

– Да уж!
– И вы только поэтому рады мне?
– Иван Алексеевич, вот не знала, что вы кокет! – улыбнулась Яся, а у самой сердце задрожало как овечий хвост.
– Яся, я жутко голодный. Давайте заедем в какой-нибудь ресторанчик, поужинаем, поговорим, если уж судьба нас столкнула, а?
– Ну что ж... Если судьба...
– Я знаю тут неподалеку одно вполне милое заведение и там можно без проблем припарковаться. Езжайте за мной, это в пяти минутах езды.
– Хорошо.
– Только не вздумайте схильнуть!
– Да нет, это не мой стиль.
– Если б вы знали, как мне хочется узнать, каков ваш стиль. Поехали?
– Поехали!
На светофоре он позвонил домой.
– Дин, у нас форс-мажор, я возвращаюсь в офис, буду часа через два-три! Все. Не жди меня с ужином, я там поем.

Он помог ей снять куртку. От нее пахло приятными терпкими духами. И на шее сзади были прелестные золотистые завитки. У него перехватило дыхание. Что ты делаешь, идиот! Беги, пока не поздно! Да нет, поздно.

Она обернулась к нему с такой чарующей улыбкой, на щеках играли такие ямочки... Она рада мне, кажется, искренне рада...

Они сели за столик. Им тут же подали меню.

– Ну, поскольку мы оба за рулем, выпить за встречу можем только... морс. Здесь черносмородиновый морс очень вкусный.

– Да, я с удовольствием.

Яся почему-то страшно волновалась.

– Выбрали что-то, Ясенька?

– Тут есть оленина... Я очень люблю.

– Отлично! Я тоже, пожалуй, возьму оленину.

Когда официантка приняла заказ, возникла неловкая пауза.

– Яся, Ясенька, какое у вас чудесное имя! Ясенька, расскажите о себе, я ведь почти ничего о вас не знаю, но вы мне ужасно нравитесь.

– Господи, зачем вам?

– Откуда я знаю зачем, но зачем-то нужно... А может я буду задавать вам вопросы?

– Попробуем! – засмеялась она.

– Почему вы сбежали от мужа?

– Это называется брать быка за рога!

– Да, я такой! И все же, почему?

– Разлюбила. Такой ответ вас устроит?

– Устроит, конечно устроит, но... ладно, пойдем дальше. Почему вы в Москве живете у подруги?

– Потому что больше нигде. А снимать квартиру мне не по карману.

– А у вас в Москве нет родственников?

– Есть. Мать. Но она меня выгнала.

– То есть как? Почему?

– Иван Алексеевич, ну зачем это? История тяжелая, мягко говоря невеселая, к чему?

– Яся, вы не поверите, но мне почему-то страшно важно знать о вас ну если не все, то многое...

– Я знаю, мужчины бывают куда любопытнее баб.
Он видел, ей этот разговор неприятен.

– Ну хорошо, оставим эту тему, не хотите, не надо! Но я уверен, в скором времени вы мне все о себе расскажете. Сами. Без всяких вопросов с моей стороны.

– Господи, Иван Алексеевич...

– И не называйте меня Иваном Алексеевичем, а то я чувствую себя замшелым стариком...

– Я постараюсь.

– Яся, а у вас сейчас есть... мужчина?

– Нет. Зато у вас есть женщина. И она готовится к свадьбе и шьет себе красное свадебное платье.

– Откуда дровишки?

– Откуда сейчас берут такую информацию? Из соцсетей. Я этим не балуюсь, но Варя, моя подруга, иногда меня просвещает.

– Боже мой, Яся, я осел!

– Почему?

– Ох, по многим причинам... Я вам сейчас скажу одну вещь... Не считите за пустобрешество... Я за всю свою жизнь никого не любил. То есть я увлекался, даже влюблялся ненадолго в красивых белокурых девочек. И не верил в существование любви... пока Глеб не встретил Наташу. Вот такой я осел, козел, как хотите назовите... Я вспомнил поговорку «стерпится-слюбится» и решил пойти этим путем. Решил жениться на женщине, с которой был последний год. Она решительно отличалась от всех моих предыдущих дам. Я познакомил ее со своей сестрой, та вполне ее одобрила, а мнение сестры для меня важно. Сделал

предложение... Оно было принято... и вот... Но в новогоднюю ночь...

– А, значит, это вы стояли ночью на балконе? – вдруг зарделась Яся.

– Каюсь, я! – с облегчением рассмеялся он. – И женщин там было много, но... я сразу запал на вас, а вы еще помахали мне рукой так молодо, так озорно, что у меня сердце зашлось... А на другой день в доме ваших друзей именно меня попросили привести вас к столу. И мне вдруг стало страшно. А когда вы повернулись ко мне, я понял, что пропал. Но я сказал себе – я не имею права, я не стану ее искать, хотя сами понимаете, найти вас было бы несложно. И вдруг эта встреча у Наташи, и я опять сказал себе – ты не имеешь права. Но сегодня... Все благоразумие как ветром сдуло. Вот, как на духу все вам рассказал... Осел!

– А знаете, я ужасно люблю осликов... А особенно маленьких ослятков...

– Вот с ослятками засада, Яся. Я, к сожалению, не могу иметь детей.

Она вдруг покраснела как маков цвет.

– Господи, да я ничего такого даже близко не имела в виду, простите ради бога!

– Прощаю, дорогая, прощаю.

– Нет, правда, Иван Алексеевич...

– Я же просил!

– Хорошо. Просто Иван.

Она схватилась за стакан с морсом и стала жадно пить.

Что я делаю, идиот? К чему эти излияния? Ей они не нужны триста лет. У нее какая-то травма, связанная с матерью, да и с мужем по-видимому тоже. И я же хочу ей помочь... Но она-то этого не знает, она думает, я просто хочу затащить ее в койку. А разве я этого не хочу? Хочу, еще как хочу, но дело не только в этом. Почему-то не только в этом...

– Иван Алексеевич, что с вами?

– Ничего, просто я вами люблюсь.

– Да ладно, чем тут любоваться?

– А знаете, Яся, можно смотреть на какую-нибудь ослепительную мисс Универсум и совершенно ничего не чувствовать... Я вдруг понял одну штуку... Только не смейтесь. У меня всю жизнь был, что называется, мой тип женщин, но никогда не было того, что называется «моя женщина». Вы совершенно не мой тип, но вы «моя женщина». Я понял это...

– Стоя на балконе в новогоднюю ночь?

– Нет. На другой день, когда я позвал вас и вы отвернулись от окна. Яся, одно ваше слово и я все порушу...

– Не будет этого слова, Иван Алексеевич. Я не хочу больше руин. Их

слишком много было в моей жизни. С меня хватит. Да и вы охолонете, успокоитесь, и вам не захочется больше ничего рушить. Вы слишком поспешно принимаете решения. Женюсь, разженюсь... Не надо мне этого. Ваша женщина мне ничего плохого не сделала, да и вас любит. А я... я не умею строить отношения на руинах... Да и вообще, похоже, не умею... Я урод при ближайшем рассмотрении, Иван Алексеевич!

– Да что вы такое говорите!

– Да-да, я в сущности урод, я выросла без любви, моя мать конченный урод, а яблоко от яблони... Сами знаете. Извините меня, если не оправдала ваших ожиданий.

Она вскочила, сорвала свою куртку с вешалки и выскочила вон. Он был так ошеломлен, что даже не сразу кинулся за ней. А когда кинулся, ее уже и след простыл.

Он был сбит с толку, обижен и сердит на нее и на себя. Идиот, увлекся, наговорил черт-те чего... Просто привык, что все бабы тают перед ним. А эта вот не растаяла. Ну что ж, может она и права...

* * *

Яся вошла в квартиру и повалилась на стул, стоящий в прихожей. Сил раздеться не было.

– Яська, чего так поздно? Ой, ты что, заболела? Красная вся... У тебя температура?

– Нет у меня никакой температуры, просто дико устала.

– Голодная? Ужинать будешь?

– Нет. Наужиналась.

– Что это значит?

– Господи, Варька, я такая кретинка...

– Что случилось? – испугалась Варвара.

И Яся рассказала подруге, как провела сегодняшний вечер.

– Ну и ну! Но ничего, это только к лучшему!

– Что к лучшему?

– А он еще больше воспламенится. Он и так уже по уши, а сейчас совсем с катушек слетит. Отказать такому мачо... Я слыхала, у него баб было немерено. У нас работает одна женщина, молоденькая, младший редактор, она как-то говорила, что у нее был роман с Верещагиным, года три назад, еще до замужества. Она с таким восторгом о нем отзывалась, говорила, перед ним трудно устоять... Так что не расстраивайся.

– Да мне не надо... Не смогу я.
– Почему это не сможешь?
– Не хочу! Терзаться угрызениями совести... Да и вообще... Он сам нуждается в семейном тепле и уюте. А разве я могу ему это дать? Нет. И потом... Он сказал, что бесплодный.
– И что? Ребенка можно усыновить...
– Да нет, какая из меня мать, тем более приемная... Ох, Варька, не могу больше, спать хочу, умираю!
– Вот-вот, пойди проспись, хоть ты кроме морса ничего не пила!
Когда Яся, наконец, легла в постель, погасила свет, забралась с головой под одеяло, тут ее и накрыло, она разревелась. Он так мне нравился, этот Верещагин... А я все испортила, закатила тихую истерику... А кому нужны истерички, хоть и тихие?

* * *

Иван Алексеевич проснулся в половине пятого утра. Рядом спала Дина. Он отвернулся. Закрыв глаза в надежде поспать еще хоть два часа, но сна не было. Он лежал и вспоминал вчерашний вечер. Бедная, как ей тяжело и грустно жить. Я виноват, нельзя было сразу лезть к ней с объяснениями, никак нельзя! У нее такая белая кожа, наверняка мгновенно обгорает на солнце... И эти золотистые завитки на шее. И волосы пышные, густые, небрежно заколотые на затылке... Вытащить бы шпильки, чтобы она трянула волосами, как тогда, ночью. И грудь у нее пышная, красивая, так и хочется положить голову ей на грудь, обнять... Черт, а ведь я обломался с этой женщиной. А обломы это не мой жанр! Кажется я знаю, что делать! Она не желает слышать о браке, тем лучше. Я проявлю заботу, сниму ей квартиру, совсем небольшую, пусть живет, а я ничего не потребую... Буду просто заботиться и рано или поздно это яблочко, которое будто бы недалеко упало от мамыши-монстра, созреет и упадет мне в руки. А там будет видно...

Дина во сне повернулась и подкатилась к нему под бок.

Что за чушь лезет в голову! Да никогда в жизни Яся не согласится переехать в снятую мной квартиру, никогда! Надо просто постараться выкинуть ее из головы, жениться на Дине и успокоиться.

За завтраком он вдруг спросил у Дины:

– Скажи на милость, зачем ты выложила в сеть сообщение о свадьбе, о

цвете своего платья?

– Господи, да что тут такого?

– А то, что я вовсе не хочу делать это достоянием мировой общественности. Начнутся обиды...

– Какие обиды? – искренне не поняла Дина.

– Есть масса людей, которые полагают, что я просто обязан пригласить их на свадьбу, а я не желаю их там видеть.

– Вань, ну это ерунда.

– Допустим. Но я не желаю, чтобы мои личные, сугубо личные дела обсуждались в сети разными бездельниками! И прошу впредь этого не делать! Между мужем и женой может быть всякое, и это всякое ты тоже намерена обнародовать?

– Ванечка, о чем ты говоришь? Конечно, не буду. Просто мне хотелось поделиться с друзьями своей радостью, своим счастьем...

– С друзьями делятся как-то иначе. По мылу, по скайпу, по телефону, наконец, а это не с друзьями, а с френдами... Тьфу!

– Вань, а кто тебе сказал про это? Ты же сам не полез бы...

– Да на работе девчонки это обсуждали, а мне донесли.

– Ох, прости, я не подумала. Больше не буду. Скажи, Ванечка, а почему ты так раздражен? Из-за этого только?

– Представь себе! Пойми, я человек старого воспитания! Если хочешь знать, я расстался с одной ослепительно красивой девушкой из-за того, что она непрерывно чикинилась. Учти это, будь добра!

– Ваня, ну что ж ты меня не предупредил, что ты такой... патриархальный.

Он засмеялся.

– Скажи уж лучше ветхозаветный!

...Между тем время неумолимо приближало его к свадьбе. За неделю он столкнулся на студии с Наташей, которую давно не видел.

– Привет, жених! Свадебный подарок уже купил?

– Подарок? А надо?

– А как же! Странно, что тебе это еще не объяснили.

– Наташ, тебе не нравится Дина?

– Вань, главное, чтобы она нравилась тебе, а я тут вообще сбоку припека. Но подарок надо купить.

– Опять какую-то цацку?

– Ну да. Или шубку. Она любит шубки?

– У нее их три или четыре.

- Тогда подари ей машину.
 - Машину?
 - Только имей в виду, машина должна быть очень крутой!
 - Почему?
 - Ну, милый, девушка выходит за совладельца телеканала, интернет-сообщество сочтет тебя просто жлобом, если ты купишь ей какую-нибудь «тойоту».
 - Наташка, ты вот что... Один раз помогла мне с сережками, помоги еще разок!
 - А я в машинах не разбираюсь, по мне лишь бы ездил.
 - Ну помоги с колечком... Колечко сойдет?
 - Смотря какое.
 - Умоляю!
 - Хорошо. Через два часа сможешь? Я сейчас на монтаж, а после...
 - Хорошо. Спасибо. Ты настоящий друг! Я за тобой зайду.
- Через два часа они с Наташей отправились в ювелирный бутик известной французской фирмы. В результате купили очень изысканную рубиновую подвеску в окружении бриллиантов и такое же кольцо. На рубинах настояла Наташа.
- Дине пойдет, да и платье планируется красное.
 - Блин! Наташка, ты же всегда уверяла, что не лазаешь в соцсети?
 - Да мне наши девушки все уши прожужжали, что у Верещагина невеста будет в красном.
 - Да я уже ей намылел холку! Знаешь сколько ненужного народу напрашивается на свадьбу? Жуть просто.
 - Могу себе представить!
 - Но я всем вру, что свадьба будет в узком семейном кругу... Наташ, пошли кофейку выпьем.
 - Пошли, только Глебу позвоню.
- Но тут позвонил Глеб.
- Наташка, ты куда пропала?
 - Выбирала с Иваном свадебный подарок.
 - А, это благое дело! Тогда ладно. Я сегодня буду поздно. Целую.
 - Вань, а ты помнишь Ясю?
 - Господи, конечно помню. А чего ты вдруг спросила? – у него предательски дрогнул голос.
 - Знаешь, она уехала.
 - Как уехала? Куда? – вдруг помертвел он.
 - Не знаю. Может, к мужу вернулась...

- С чего бы это? Она же его разлюбила...
- А ты с чего это взял?
- Она сама сказала.
- Вань, колись, ты с ней встречался?
- Случайно столкнулись на бензозаправке, потом посидели в кафешке.
- Вань, а ты ее ничем не обидел?
- Я? Обидел? – взвился Иван Алексеевич. – Да я, если хочешь знать, вообще...
- Что вообще?
- Я сказал ей – одно ее слово и я все порушу.
- А она?
- Она сказала... Словом, она меня практически послала. И умчалась.
- Вань, ты же умный мужик... Хотя нет, ты просто умный. А как мужик ты, уж извини, просто идиот!
- Знаю. Полный осел! Постой, ты думаешь, она из-за меня уехала?
- Это не исключено. Она же влюблена в тебя по уши.
- Ты с чего это взяла?
- Я такие вещи за версту чую. И ты тоже влюблен, а женишься почему-то на Дине.
- Наташ, не трави душу! Но я же не могу ни с того ни с сего послать Дину. Да и мне, если честно, с ней совсем неплохо... А Яся сбежала... Она, похоже, истеричка. А оно мне надо?
- Ладно, поживешь, увидишь! – почему-то рассердилась Наташа.
- Но вы на свадьбу-то придете?
- А куда мы денемся? Ты же наш лучший друг, несмотря ни на что.

Иван Алексеевич обиделся. Обиделся на Ясю. За что она так с ним? Вот Наташа утверждает, что она в меня влюблена, так почему скрылась куда-то? Или она такая чудовищно благородная? Не может увести мужика у другой? Ох, что-то все это для меня слишком сложно, слишком... А ну ее в баню! Вот, из бани выскочила ночью, а теперь пусть туда катится. В баню! В баню! Вот женюсь на Дине и всем назло буду счастлив! Он засмеялся про себя. Такая мысль в пору пятнадцатилетнему пацану, а не почтенному мужу под пятьдесят. Это я-то почтенный муж? Я совершенно не почтенный... осел! Ладно, буду жить со своей ослицей в рубинах! Да нет, это я осел, а Дина вот-вот наденет на меня хурджины, привяжет морковку и будет легонько погонять в нужном ей направлении... Пока легонько... А там будет видно!

Яся и впрямь сбежала из Москвы. Но не вернулась к мужу, а уехала в Питер, где одной крупной фирме срочно понадобился переводчик с фламандского и французского. Эту работу ей предложил друг Варвариного родственника, и она не стала раздумывать. Ей положили отличную зарплату и она смогла снять себе крохотную, но чистенькую квартиру на Петроградской стороне. Варвара не хотела ее отпускать, но понимала, что так подруге будет лучше. И обещала приезжать при первой возможности, тем более в издательстве нередко были командировки в Питер.

А Яся, кое-как обустроившись, вышла на работу. Ей сейчас все нравилось. И люди в фирме, и новое жилье, и Питер, восхищавший ее с каждым днем все больше. И никаких рефлексий! Никакой тоски по этому пустозвону Верещагину! Пусть катится в баню! Она засмеялась. В ту самую баню, из которой мы высыпали в новогоднюю ночь! Но меня там нет! И слава богу! Видимо, ее угнетала Москва, где ей не нашлось нормального места. Жить из милости даже у самой лучшей, самой благородной подруги не дело! И тут меня никто не найдет! Варька обещала никому не давать мой адрес, а она умеет держать слово!

И даже пресловутый питерский климат несколько ее не смущал. Выходя на прошитые ледяным ветром, залитые грязью обледенелые улицы, она говорила себе: «Нет плохой погоды, есть неправильная одежда!»! А у нее одежда была правильная! Теплая куртка-аляска, сапоги без каблуков или ботинки. В их фирме не было дресс-кода и она одевалась так, как считала нужным. В конце концов она сюда пришла не женихов ловить, а просто работать, чтобы жить, но жить так, как хочется в данный промежуток времени. Она сдружилась с Женей, очень милой женщиной примерно ее возраста, специалистом высокой квалификации, которая очень тепло отнеслась к новой сотруднице. Она была в разводе, шестилетняя дочка жила у бабушки в Крыму, так как питерский климат ей совершенно не годился. Женя тосковала, но перебраться в Крым не могла, там не было шансов найти работу по ее профилю. Но раз в месяц она непременно летала к дочке на выходные. К тому же Женя была очень тактичной, не задавала лишних вопросов.

Но однажды, когда они сидели у Жени на кухне, та спросила:

– Ясь, ты чего?

– Ты о чем?

– Знаешь, у меня складывается впечатление, будто ты время от

времени куда-то... проваливаешься, что ли... Ты что, влюблена?

– Да нет, это в прошлом.

– Но в недавнем прошлом, да?

– Ну, в общем...

– Это ты от него из Москвы слиняла?

– Да нет... Просто мне предложили эту работу, она меня со всех сторон устраивала. Я в Москве у подруги жила, но сколько можно? А тут я сама себе хозяйка, ты же понимаешь.

– А он?

– А он недавно женился.

– О как! Понятно. А что за жена?

– Да не знаю. Жень, я не хочу о нем говорить. Все!

– Дело хозяйское. Только знаешь ли, если все в себе держать, это может плохо кончиться. Короче, если захочешь поделиться, я всегда к твоим услугам.

– Спасибо, Женечка!

Как-то в начале апреля позвонила Варвара.

– Яська, привет! Как ты там, не озверела еще от питерского климата?

– Да нет! К тому же скоро весна...

– Ну, в Питере еще не так скоро. Слушай, подруга, я на той неделе собираюсь в Северную столицу.

– Да ты что! Вот здорово! Можешь у меня остановиться!

– Увы! Родное издательство посылает только на один день, с утра до вечера. Так что сможем разве что пообедать вместе.

– Ну все равно, вдруг передохнуть захочешь. И я тебя встречу. Ты каким поездом? Или на самолете?

– Нет, я «сапсаном», самым ранним. И сразу по делам. Давай лучше встретимся в обед. Сможешь вырваться?

– Смогу.

– Тогда часа в три. Мостик с грифонами знаешь?

– Знаю!

– Вот около мостика или даже на мостике.

– А может лучше ко мне придешь? Посмотришь, как я живу?

– Нет, Яська, в другой раз. У меня будет от силы часа два. Короче, мостик с грифонами! И, между прочим, я тебе еще перевод привезу!

– Да ты что! С какого?

– На сей раз с французского. Но это дико срочно!

– А поточнее?

– Там восемь листов и надо за полтора месяца. Они вообще хотели за месяц, но я им попыталась объяснить, что быстро только кошки родятся. Справишься?

– Надо посмотреть текст.

– Обещали за срочность больше заплатить.

– Ладно, постараюсь.

Яся обрадовалась. Хорошо, буду занята все время, некогда будет вспоминать о Верещагине. Эти воспоминания причиняли боль. Господи, почему? Ведь между нами ничего не было. Совсем ничего. Но он вот говорил, что увидел во мне свою женщину. И я в нем своего мужчину. Джентльмены предпочитают блондинок, а женятся на брюнетках. Я хоть и не совсем блондинка, но уж точно не брюнетка. Значит и думать о нем не буду. В конце концов у нас была всего одна встреча с глазу на глаз, нет, полвстречи, потому что я дура, истеричка, убежала... Наверняка он тоже решил, что я дура и истеричка. А зачем ему дура и истеричка? Ни на фиг!

Она впервые за время работы в фирме попросила отпустить ее пораньше. Ее с легкостью отпустили. А один из сотрудников, который ехал по делам, даже вызвался подвезти ее, и в результате она оказалась у мостика на двадцать минут раньше. Ничего, пройдусь немножко... Хотя нет, а вдруг Варька тоже явится раньше. Она стояла на мостике и любовалась Петербургом. До чего же прекрасен этот город... Он красивее всех виденных мною городов, а я не так уж мало видела. Я люблю его, мне здесь хорошо... Гармония его архитектуры способствует гармонии в душе. По крайней мере, в моей душе.

– Ярослава, ты? – раздался вдруг мужской голос.

Она испуганно оглянулась. Перед ней стоял мужчина, показавшийся смутно знакомым.

– Не узнаешь, Яська? – улыбнулся он.

– Борька? Ты?

– Я, а то кто же! Ох, Яська, какая ты стала... роскошная.

– Я? Роскошная? – расхохоталась Яся. – Такого мне еще никто не говорил. Я, Боречка, рада тебя видеть! Ты как здесь?

– А ты?

– А я теперь здесь живу!

– Позволь, но кто-то говорил, что ты вроде в Бельгии живешь?

– Было дело! Но сплыло! Вернее, я оттуда сплыла.

– Здорово! А я тоже теперь питерец! Яська, что мы тут на ветру стоим,

пошли куда-нибудь кофе попьем!

– Не могу, Боречка, у меня тут встреча с московской подругой, мы вместе в универе учились.

– Яська, я не хочу тебя терять, дай мне свой телефон, в театр ходим, я тут в Питере стал театралом.

– С удовольствием, Боречка!

Они обменялись телефонами. И тут появилась Варвара. Окинула заинтересованным взглядом Бориса, но он только кивнул и сразу ушел.

– Яська, это кто? – с места в карьер осведомилась она, и только задав вопрос, поцеловала подругу.

– А это мой одноклассник, Боря Кречет.

– А он ничего, очень даже... И так на тебя пялился...

– Да брось!

– Ой, Яська, а ты чудесно выглядишь. Похоже, питерский климат тебе к лицу... Или этот одноклассник так тебя воодушевил?

– Скажешь тоже! Просто мне тут, в Питере, хорошо! Ну, куда пойдём?

– А вот тут видишь кафе? Там вкусно! Пошли, у меня два часа двадцать минут.

– Так точно?

– Ну да, а потом меня на Невском подхватит машина и отвезет на вокзал.

– Ты все успела?

– Да! Вот смотри, это твоя книжка. Глянь, успеешь?

Яся проглядела текст. На первый взгляд ничего сложного, много диалогов, а это хорошо. Впрочем, всегда могут обнаружиться какие-то подводные камни, но это с налету не определишь.

– Спасибо, Варька! Ну как дела, рассказывай!

– Без тебя плохо! На машине не возят, обедов не готовят...

– А ты научись водить. Чего зря хорошая машина ржавеет?

– Она не ржавеет, ее обратно к Милке на дачу отогнали.

– Варь, я серьезно. Научись водить. Не боги горшки обжигают.

– Знаешь, я как погляжу на наших, у которых машина... Такой геморрой! То парковка, то ремонт, то «письма счастья»... Ой, да ну...

– Тогда не ной, что возить тебя некому!

Посреди разговора, когда им подали печенку с ярко-зеленым картофельным пюре, Варя вдруг спросила:

– А ты почему Верещагиным не интересуешься?

– А с какой стати мне им интересоваться?

– Так ты же вроде была влюблена в него?

- Мне показалось. И вообще, я начала новую жизнь.
- Он женился.
- Дай бог ему счастья.
- Вот так?
- Варь, ты чего от меня хочешь? Рыданий? Не буду я рыдать. Женился и хорошо.
- Ладно, пусть. А скажи, ты тут еще никого не завела?
- Нет. А ты?
- Нет пока, но уже озираюсь...
- Вот это правильно!

...Борис позвонил через десять дней. Яся и думать о нем забыла. Но звонку обрадовалась.

- Яська, привет!
- Привет, Боречка!
- Ясь, завтра суббота, давай, может встретимся, поболтаем, пообедаем?
- Да с радостью! А ты вроде собирался меня в театр сводить?
- Свою, непременно свою, но завтра ничего особо интересного не наблюдается.
- Ну и ладно, я не такая уж театралка.

Они договорились встретиться у Медного всадника.

- Вот, чувствуется, что мы оба москвичи, – засмеялась Яся.
- Да, наверно, но просто там так красиво!
- Согласна!

Вот я уже собираюсь на свидание, радостно подумала Яся. И хоть Борька Кречет просто школьный приятель, но он вполне интересный мужчина, нам есть что вспомнить, да и вообще...

Погода была хорошая, солнечная, хоть и холодная. Яся решила надеть новое пальто.

Пальто очень шло ей. Она повязала к нему красивый шарф и осталась очень довольна своим видом. Но свернув за Исаакиевским собором на набережную, она мгновенно замерзла, таким холодом веяло с Невы. И тут же позвонил Борис.

- Ясь, тут такая холодрынь, давай лучше возле «Астории»...
- Да я уже почти пришла...
- Тогда я бегу к тебе навстречу!

Она сразу увидела, что он действительно бегом бежит.

– Яська! Побежали!

– Куда?

– Да тут на Малой Морской чудесный ресторан! Я думал сперва погулять. Но так продрог... Ох, Яська, я тогда сказал, что ты роскошная. И был прав, ты именно роскошная...

И он вдруг наклонился к ней и расцеловал в обе щеки!

– Ты прелесть, Яська!

На Малой Морской было уже не так холодно. Он крепко держал ее под руку.

– А я в школе был в тебя влюблен.

– Недолго. Потом переключился на Ленку Дубровскую.

– Да ну... Она сперва мне понравилась, но оказалась такой глупой фифой... А ты уже закрутила с Виталькой Гейко.

– Господи, Борька, как сейчас все это смешно...

– Да уж! Вот мы и пришли.

– Ресторан «Гоголь», – прочла вывеску Яся.

– Ага, это почти аналог московского «Пушкина», только камернее и здорово дешевле.

Их провели в маленький, всего на три столика зал, очень уютный и, главное, теплый!

– Тут замечательно готовят оленину! – заметил Борис. – Любишь дичь?

– Вообще-то не очень, – соврала Яся, вспомнив, что так и не попробовала оленину на встрече с Верещагиным. – Я лучше рыбу возьму...

– А еще тут дивные драники! Ты как насчет драников?

– С удовольствием!

Драники у нее ни с кем не ассоциировались.

– А суп будешь?

– О нет! Драники, рыба, и так много...

– А я, если ты не против, закажу себе щи!

– Я не против, Боренька. Ты что, так оголодал здесь?

– Ну, есть такой момент. В рабочие дни поесть нормально не удается, так я в выходные наверстываю.

– Борь, ты что, не женат?

– Два года как развелся.

– А ты вообще кто?

– Вообще я нейрохирург. Опирую и еще преподаю в военно-медицинской академии.

– Ух ты, как все серьезно! А я даже не знала, что ты хотел стать врачом.

– А я в школе этого вовсе не хотел. Но потом у меня отец тяжело заболел. И я решил пойти в медицинский. Я сейчас подполковник медицинской службы! Вот так, Ясенька! Как же я рад тебя видеть... Ну, а ты? Ты чем занимаешься?

– Я филолог, переводчик.

– Это как-то кормит?

– На данном этапе более или менее... Да нет, нормально.

– Ясь, прости, может это бестактно, но я же помню... Как ты с матерью?

– Никак! – сухо бросила она.

Он понял, что эту тему лучше не трогать.

– А почему ты не осталась в Бельгии?

– А надоело! Не прижилась я там.

– А с мужем развелась?

– Формально нет, это канитель, а так да, мы расстались. Борь, а ты про наших хоть что-то знаешь?

– Да кое-что...

И они заговорили о бывших одноклассниках, учителях. Разговор был оживленный.

Но вдруг Борис запнулся, внимательно посмотрел на нее, взял ее руку, поцеловал и тихо спросил:

– Скажи, Яська, а у тебя сейчас есть... мужчина?

Господи, они что, все одинаковые?

– Нет, Боря. А ты что, медсестричками пробавляешься?

– Фу ты... Но если честно, да.

– Ты бабник?

– Да не сказал бы...

– Ты хотел предложить мне свои секс-услуги?

– Яська, как тебе не стыдно! – огорчился Борис. – Ты такая циничная стала в своей Европе?

– Извини, Боря. Я совершенно не хотела тебя обидеть. Прости!

– Ты меня не обидела. Ты просто поставила меня на место. И поделом! Нечего сразу лезть с такими вопросами...

– В принципе нормальный вопрос, просто недавно один человек... – ее голос невольно дрогнул, – задал мне в точности такой же вопрос, и в том случае это было больно, только и всего!

– Я понял. Тебя нужно добиваться... филолог, литературные

представления... Что ж, я попробую! – и он весело сверкнул глазами. – Игра стоит свеч!

* * *

Наступила весна. Теплые блаженные дни перемежались холодами. В Москве вдруг обнаружилась масса цветущей сирени, каштанов, на многих улицах высаживали цветы в ящиках, тюльпаны, нарциссы, анютины глазки.

Иван Алексеевич как будто впервые все это видел. Но не вчера же посадили эти высокие каштаны? Семейная жизнь была вполне удобна, хоть особых восторгов и не приносила. Иногда он вспоминал о Ясе, но как-то отстраненно... Это ведь было так мимолетно. Но почему-то не забывалось. Вероятно, я не привык, чтобы от меня убегали. Работы непочатый край, дома все в порядке, ну и слава богу! Однако в какой-то момент он вдруг осознал, что жизнь стала пресной что ли... словно утратила вкус и запах. Как будто его посадили на строгую бессолевую диету. Он начал озираться по сторонам. На канале работало множество красивых, даже восхитительных девушек, но ни одна из них не волновала. А может, это просто старость?

– Ваня, что с тобой? – спросил как-то Глеб Витальевич.

– А черт его знает. Устал, наверное.

– Так возьми недельку и езжай куда-нибудь. Проветришь, отдохни.

– Боюсь, не поможет.

– Хочешь сказать, что у тебя депрессия?

– Депрессия? Вряд ли. Сроду не страдал депрессиями. Но, понимаешь, Глеб, у меня ощущение, что жизнь стала пресной... соли и перца не хватает.

– Ни фиги себе! На канале столько проблем, нас иной раз так колбасит, а тебе пресно?

– Я не о том...

– А, понял! Ты просто не привык к семейной жизни, вот в чем дело. А большой любви нет. Я прав?

– Может быть...

– На свободу тянет?

– Да нет, в том-то и беда, что совершенно никуда не тянет.

– Тогда вот что... Езжай-ка ты в Стокгольм. Я думал сам поехать, но от тебя, пожалуй, будет больше толку. Хотя... Нет, давай-ка смотаемся вместе. Тогда можем рассчитывать на максимальный эффект в переговорах. Дня за

три, вероятно, управимся. Решено. Во вторник летим!
Иван обрадовался.

– Динуша, собери мне чемодан, мы с Глебом завтра летим в Стокгольм.

– Зачем?

– У нас переговоры со шведами.

– А я?

– Что ты? – не понял он.

– А почему бы тебе меня не взять? Я никогда не была в Стокгольме.

– Об этом не может быть и речи! – отрезал он. – Поездка сугубо деловая, у нас свободной минутки не будет. И вообще, я терпеть не могу мешать личные дела с работой. Всё!

Дина удивилась. Он еще ни разу не говорил с ней так жестко.

– Поняла!

– И не вздумай обижаться!

– Ну, это уж мое дело!

Я ее совершенно не люблю, вот в чем дело, вдруг осенило его. Вот откуда это ощущение бессолевой диеты... Но что же делать? Мне ведь абсолютно не к чему придраться... Да ладно, видно просто еще не стерпелось, не слюбилось. А со временем и стерпится и слюбится...

Стокгольм встретил их мелким дождиком. Бросив вещи в отеле, они помчались на переговоры. Все было отнюдь не гладко, скандинавский стиль сегодня отчего-то особенно раздражал, но деваться было некуда и пришлось взять себя в руки. Наконец первый этап переговоров был завершен, протокол о намерениях подписан, но на завтра оставалось еще много канители.

– Фу, – сказал Глеб, когда они вышли на улицу. – Как трудно стало с европейцами, черт бы их побрал! Вань, я голодный, как стая волков! Пошли куда-нибудь...

– Пошли, – согласился Иван. – Выпить охота!

– Только чуть-чуть, завтра надо иметь ясную голову. Я знаю тут одно славное заведение, там кормят рыбой и морепродуктами.

– И это совсем не пафосное заведение, да? – улыбнулся Иван, прекрасно знающий нелюбовь друга к роскошным пафосным ресторанам.

– Вот именно!

Между тем распогодилось. Небо было высокое, светлое, и они уселись на террасе. Настроение улучшилось.

Им принесли на удивление вкусную рыбу.

– Ах, хорошо! – сказал Глеб.

И вдруг они увидели женщину лет сорока, встревоженно озирающуюся по сторонам.

– Наверняка русская, – определил Иван. – Небось от группы отстала...

Женщина вытащила из кармана телефон.

– Алло! Яся! Куда ты пропала?

Яся? Иван задрожал. Прислушался.

– Яська, ты где? Я? Я на набережной, тут рядом цветочный киоск и какой-то ресторан... Хотя да, рестораны тут на каждом шагу! А ты где? Ой, видишь меня? Здорово! Жду!

Неужто есть еще другая Яся?

– Вань, что с тобой? Ты белый, как мел! Тебе плохо?

– Не знаю, скоро выяснится.

И тут он увидел ее. Это была она! И как будто еще похорошела. Она улыбалась, волосы растрепались. Он вскочил.

– Глеб, я сейчас! – крикнул он и выскочил на набережную.

– Яся! – крикнул он и кинулся ей навстречу. – Яся! Вот где бог привел встретиться!

– Иван Алексеевич? – побледнела она.

– Яся, милая, родная моя, почему вы сбежали, я чуть с ума не сошел!

Она так растерялась, что позволила ему схватить ее в объятия.

– Господи, господи, я тебя нашел, какое счастье, – бормотал он как безумный, покрывая поцелуями ее лицо. Женщина рядом пребывала в полнейшем недоумении, но деликатно держалась в сторонке.

– Отпустите меня, – слабым голосом проговорила Яся, – вы с ума сошли, пустите!

– Нет, не пущу! Как ты здесь? На экскурсию приехала, да?

– Да. На экскурсию, – бормотала она.

– Яшенька, за что ты так со мной? Где ты? Я уж хотел обратиться в детективное агентство.

– Господи, зачем? – поразились она.

– Чтобы тебя найти. Не могу без тебя, жизнь стала пресной, тусклой... Бога ради, дай мне свой телефон, адрес!

– Извините, – робким голосом сказала женщина, – но нас ждут! Яся, надо идти!

– Да, да, я сейчас!

– Я не пущу тебя, пока не дашь мне телефон.

Я дам ему неверный номер, решила Яся, но он выхватил из кармана

айфон:

– Говори номер! Я тут же тебе перезвоню, пусть у тебя тоже будет мой номер.

Пришлось дать ему правильный номер.

– Ну, идем же! – торопила женщина.

– Да, Женечка, извини!

И они ушли.

– Только не вздумай сменить номер, я все равно найду! – крикнул он вслед.

– Яська, кто это?

– Верещагин.

– Какой интересный!

– Да?

– Это ты от него сбежала?

– Ох, Женечка, это ужасно!

– Почему?

– Да потому что он недавно женился!

Иван вернулся к Глебу.

– Вань, что это было?

– Потеряшку нашел!

– Это что, любовь?

– А черт ее знает... Просто она сбежала, а я потерял вкус к жизни.

Называй как хочешь...

– У тебя сейчас такая блаженная морда, как будто она тебе уже дала.

– Ничего, даст! И будет моя!

– А как же насчет жены?

– Разведусь.

– Ты нормальный? Зачем?

– А ты зачем развелся с Людмилой?

– У меня была любовь. И есть! А хочешь, я помогу?

– То есть?

– А я снял эту душераздирающую сцену на телефон!

– Спятил на старости лет?

– Да ну, просто хотел показать Наташке, которая терпеть не может твою Дину.

– За что?

– Понятия не имею! Так вот, хочешь, я выложу это в сеть? Скандал

будет нешуточный, и ты легко разведешься!

– Не выдумывай! Последствия могут быть непредсказуемы. Да и вообще... Может, Ясе я сто лет не нужен? Это она мне нужна... Поспешишь, людей насмешишь.

– Тоже верно.

– А Динка... она хорошая в сущности... Жалко ее... Она же меня любит...

– А она очаровательная, эта твоя... Женственная, милая...

– Глеб, не трави душу!

– Ты с ней еще не спал?

– Нет.

– Ну так погоди с ума сходить, может, это совсем не твое...

– Это – мое, я и так знаю, чувствую... Я, Глебка, ее впервые увидел абсолютно голый. Знаешь, в одежде это не заметно, но это совершеннейший Рубенс...

– Это как же тебе удалось? – засмеялся Глеб Витальевич.

– В новогоднюю ночь, с твоего балкона. Там целая орава голых баб из бани выскочила...

– Везучий ты мужик, Ваня! – уже в голос хохотал Кузьмин. – Вот не знал, что тебе по вкусу женщины Рубенса!

– Я и сам не знал, – вдруг развеселился Иван. – Знаешь что, друже, хочу выпить за тебя!

– Это с какого же перепугу?

– Спасибо, что привез меня сюда и привел именно в это заведение. Я нашел ее!

– Уж не знаю, как там насчет Рубенса, но мне она скорее напомнила Жанну Самари Ренуара...

– Я этого не увидел... Впрочем...

– Ну да, тебе Рубенс глаза застит!

– Может быть... Может быть...

Перед тем, как лечь спать, он набрал номер Яси, хотел пожелать спокойной ночи.

«Телефон абонента выключен или находится вне зоны действия сети».

Защищается! Ничего, я все равно тебя найду и никуда ты от меня не денешься. Как ты дрожала, когда я тебя обнимал, как отвечала на мои поцелуи, дурочка! Я ж не вчера родился.

Яся была в смятении. Зачем это? Я не хочу! Да нет, в том-то и беда, что хочу. Когда он меня обнял, прижал к себе, было ощущение, что я... приехала, что это... конечная остановка... Но у него на пальце обручальное кольцо. Зачем носит, если не любит жену? Маскирует свою нелюбовь? Зачем тогда женился? Впрочем, он мне еще тогда что-то объяснял, а я сбежала... Но он ведь и впрямь может запросто нанять детектива, а тот найдет меня как нечего делать... И что тогда? Может, я зря сбежала из Москвы? Это только разожгло его. Может, останься я, он бы добился меня... и кто знает, что было бы. Может, он поиграл бы в любовь и бросил меня, а я осталась бы... у разбитого корыта... И так вся моя жизнь разбитое корыто. Вот появился Боря Кречет, нормальный, хороший, интересный, с ним легко, хорошо, так нет, его откомандировали в Сирию. Он же военный хирург. Настоящая мужская профессия. И Боря настоящий мужик. А Верещагин что? Продюсер... Я даже толком не знаю, чем занимаются продюсеры. Их сейчас столько развелось. Иной раз читаешь в титрах – креативный продюсер, исполнительный продюсер, еще какие-то... всех и не упомнишь. На телевидении крутится такое количество ослепительных девушек, каждая вторая готова дать продюсеру, тем более совладельцу канала... Так что мне там ловить? Борька сказал, что уезжает на месяц, от силы два... Если его там не убьют... Нет, не приведи Господь, даже думать об этом нельзя! А из Москвы я не зря уехала! У меня здесь совсем другая жизнь, я сама себе хозяйка, я работаю, ко мне на фирме хорошо относятся, мне приятно утром идти на работу, и возвращаться в свою крохотную квартирку тоже приятно. Кто-то говорил, что, собственно, это и есть счастье. И при чем тут продюсеры? Ну, сейчас я выключила телефон, я в отъезде. Но в Питере придется его включить. Можно, конечно, поменять телефон, но он же предупредил, что все равно меня найдет. Зачем он мне? И к тому же у него не может быть детей. А с Кречетом это возможно. Он мне в сто раз больше подходит. Если бы не командировка в Сирию, мы, может, уже сошлись бы... Дура! Дура! Дура! И почему я не сказала Верещагину, что у меня другой? Потому что когда он меня обнял, я обо всем и обо всех забыла... Конечная остановка... Рано мне еще на конечную остановку. Это ему уже пора, а мне рано! И какая в этом случае может быть гарантия, что для продюсера это будет конечной остановкой? Да ну, я запуталась. Ладно, буду просто жить, и жизнь сама все расставит по своим местам. Но... вот жизнь подкинула нам эту встречу в Стокгольме... И

жизнь отправила Борьку в Сирию... Все это она, жизнь... Интересно, куда она, эта жизнь, меня заведет?

И вдруг ее охватила безумная радость, радость жизни, полной самых невероятных сюрпризов! И все равно, все случится так, как предначертано, так что все эти рефлексии совершенно лишние. Только портят нервы! Как пелось в какой-то советской оперетке: «Разговор на эту тему портит нервную систему!» В детстве соседка, очень нежно относившаяся к Ясе, вечно защищавшая ее от матери, частенько напевала эти строчки. Я ее любила, у нее было хорошо, уютно, она всегда меня привечала, пыталась как-то примирить с матерью, дарила мне подарки, подкармливала, словом, как могла скрашивала безрадостное детство. Где она теперь, жива ли?

...Глеб Витальевич, вернувшись домой, в первый же вечер сказал жене:

– Наташка, погляди, какой сюжет я снял в Стокгольме!

– Глеб, что с тобой? Ты сроду не снимал никаких сюжетов на телефон?

– Ну, это того стоило! Снял специально для тебя! Посмотришь, я сразу сотру!

– Ну-ка, что там такое? – заинтересовалась Наташа. – Батюшки, да это же Яся! Ой, а что с Иваном-то творится! С ума сойти! Глеб, и что дальше?

– Ничего! Она ушла, и отключила телефон.

– Но не похоже, что он ей безразличен?

– Мне тоже так показалось.

– А куда она вообще девалась?

– То-то и оно, что неизвестно. Но Ванька настроен решительно... Готов нанять детектива...

– Да ты что! Эк, его припекло. Непонятно только, зачем он все-таки женился?

– Наташка, скажи на милость, чего ты так невзлюбила эту Дину? По моему, вполне нормальная женщина, хозяйка хорошая, Ваньку любит... Какого рожна ему надо?

– Глеб, как показывает опыт, ты в женщинах ничего не понимаешь.

– Ерунда! Я же вот тебя разглядел и ни секунды не пожалел об этом.

– Но зато твоя Людмила была та еще... У меня даже слов нет приличных для нее! Ее родные сыновья о ней и слышать не хотят! И я подозреваю, что Дина недалеко от нее ушла. Так что если Ванька вздумает разводиться, может такая вонь подняться...

– Вот и не надо ему разводиться.

– А если там любовь?

- А пускай крутят любовь на здоровье, так сказать, втихаря.
- Да ну, Глеб, уши вянут! – рассердилась Наташа.

* * *

Яся поменяла телефон. И что из этого следует? Что я ей не нужен? Скорее всего. Но как же быть с тем чудесным мгновением, когда она дрожала в моих объятиях, отвечала на поцелуи? Ну, с другой стороны, эта дрожь и поцелуи мало что значат. Сколько баб дрожало в моих объятиях, и что? Все они что ли меня любили? Чепуха! Просто мне хотелось истолковать эту дрожь в свою пользу... Старый ты болван, Ваня! Вон Дина постоянно объясняется тебе в любви, и чем больше объясняется, тем меньше я ей верю, а она еще и дрожит и стонет, одним словом картина всепоглощающей любви и страсти. И что толку? Но она хоть изображает, а Яся просто бежит от меня... А может у нее другой есть? Нет, я все-таки должен найти ее и поговорить. Пусть скажет открытым текстом, что я ей не нужен, вот так, глядя прямо в глаза... Я должен все выяснить, а то эта неосуществленная любовь может стать наваждением. И, кажется, я придумал, как мне ее найти и заодно еще кое-что узнать о ней.

И через несколько дней после работы он отправился по адресу, данному ему Наташей. Он поднялся на лифте на седьмой этаж, нашел нужную дверь и немного помешкал, прежде чем нажать кнопку звонка. В руках он держал коробку с тортом и букет тюльпанов.

- Кто там? – раздался женский голос.
- Варечка, откройте пожалуйста, это Иван Верещагин.
- Ой! – донеслось из-за двери. Она завозилась с замками. Открыла.
- Здравствуйте! – удивленно проговорила Варвара. Какого черта он явился ко мне с цветами и с тортом? Странно!
- Варечка, пожалуйста, мне совершенно необходимо с вами поговорить! Может впустите меня? Мы бы попили чайку... Вот, это вам!
- Ну... Заходите, попьем чайку... Ой, это же мой любимый торт! Нет-нет, обувь снимать не нужно, на улице сухо. Проходите. Ничего, если на кухне?
- Да прекрасно! На кухне легче вести такие разговоры. Кухня была уютная, но совершенно не гламурная.
- Садитесь, Иван Алексеевич!
- Можно просто Иван.

– Да нет, мне удобнее с отчеством. Какой чай вы предпочитаете, черный или зеленый?

– Если можно, черный, и без добавок.

– А лимон нужен?

– Не откажусь.

Наконец она поставила перед ним большую красивую чашку с крепким чаем. Нарезала торт. Уселась напротив него. В глазах ее читалась... насмешка. Она прекрасно поняла, зачем я к ней заявился. Вполне возможно, Яся предвидела такой поворот событий и предупредила подругу. Ну ничего, голубушка, недаром я слышу дипломатом и уж с тобой-то я справлюсь. Он выжидал, помешивал ложечкой чай. Наконец, она не выдержала.

– Иван Алексеевич, что привело вас ко мне?

– А то вы не знаете!

– Я могу лишь догадываться...

– Да у вас на лице все написано! Ну давай, старый дурень, разводи туры на колесах, я все равно тебе ничего не скажу, Яська не велела. Так?

И он очень пристально посмотрел на нее. Она опустила глаза.

– Я прав! Но, поверьте, Варя, я просто не уйду отсюда, пока вы не дадите мне координаты вашей подруги. И, учтите, это не фигура речи. Я просто сяду тут сиднем, хоть полицию вызывайте!

Варя метнула на него испуганный взгляд. А ведь он может... И как мне быть?

– Варя, я понимаю, вам трудно сразу решиться. Но я клятвенно заверяю вас, что Яся от меня никогда не узнает, как я ее нашел. Я скажу, что нанял детектива. Но это бы заняло куда больше времени и вообще я всегда предпочитаю прямой путь. Итак, Варя?

– Но я дала слово...

– Вы клялись здоровьем кого-то из близких?

– Нет, боже упаси!

– Поймите, Варя, я же не хочу обидеть вашу подругу. Я просто люблю ее. А она от меня бежит. Почему? Я хочу, чтобы она мне сказала, глядя в глаза, что я ей не нужен, и я отойду в сторону. Обещаю! Но... Вы в курсе, что мы столкнулись на набережной в Стокгольме?

– Да. В курсе.

– Она, вероятно, сообщила вам, что сменила номер телефона?

– Ну да, Иван Алексеевич, вы должны понять...

– Я ничего не хочу понимать, пока она сама мне не скажет...

– Да нет, я не о том. Вы поймите, ведь Яська выросла в совершенно

ненормальной семье... Ее мать просто монстр. Яську с младенчества растила бабушкина сестра, но когда Яське было пять лет, эта двоюродная бабка умерла, мамаша отдала ее в интернат. Но через год все-таки забрала оттуда, точно не знаю почему, кажется, ее дружно осудили все подружки. Мать красивая молодая женщина, жила своей жизнью, и заботилась лишь о внешних сторонах дочкиного существования. Чтобы она была прилично одета, получала приличное образование. Но ни грамма тепла, любви... Я помню, мы с Яськой познакомились на катке и как-то сразу сдружились. Я пригласила ее в гости. Она пришла. А у меня были чудесные родители, и дом был теплый... Мама сразу все просекла и очень привечала Яську. Она как будто отогревалась в нашем доме. Когда Яська заканчивала школу, мамаша ей объявила: если не поступишь в Университет, я тебя отправлю в Иваново, будешь ткачихой, у меня там есть знакомые, они тебя устроят. Или прядильщицей. И на меня можешь больше не рассчитывать. А там, дорогая моя, мужиков нет, так что останешься старой девой, с твоими данными тебе вряд ли светит нормальный муж!

– Господи помилуй! – пробормотал потрясенный Верещагин.

– Она поступила на филфак, она очень способная, Яська. Я тоже училась на филфаке, только на русском отделении. И еще она умела вязать и вязала просто роскошно. Мало-помалу у нее появилась клиентура, она стала недурно зарабатывать и сняла комнатку, съехала от матери. За комнатку платила не деньгами, а платьями. Вязала хозяйке по платью в месяц. Они сдружились. Яська была счастлива не жить с мамашей. После филфака работы по специальности не было, она вязала. Потом встретилась с одним прохвостом, влюбилась и сошлась с ним. А он вскоре начал ее поколачивать, а потом его посадили за мошенничество. А потом она встретилась с Вилли, он влюбился в нее как сумасшедший и в результате женился на ней. Он был вполне состоятельный человек и она с восторгом уехала из Москвы. Подальше от своей мамашы. В конце прошлого года она сбежала от мужа, я до сих пор не знаю точно, почему. И сдуру сунулась к матери. А та ее попросту выгнала. Тогда она пришла ко мне... Вот такая жизнь. Поэтому... Я однажды ее спросила, почему у нее нет детей. Знаете, что она мне ответила? Что она урод, что выросла, не имея представления о материнской любви, что из нее не выйдет хорошей матери... Вот так, Иван Алексеевич.

– Скажите, Варя, а что за человек этот ее бельгийский муж? Тоже монстр?

– Да нет. Он просто очень, как бы это сказать... недалекий. Европейский средний обыватель. Поначалу Яське это было в кайф, покой,

обеспеченная европейская жизнь, а главное, далеко от мамы. А в последнее время, насколько я поняла, Вилли заразился этой идиотской русофобией, начал во всех Яськиных просчетах видеть «руку Москвы», словом, что-то в этом роде... Ну, она и сбежала. Это в общих чертах, а подробнее я не знаю, она не хотела об этом говорить.

– Ну, коль скоро у нас пошел такой разговор, скажите, Варечка, она говорила вам обо мне? Хотя глупый вопрос, если она запретила вам давать мне свои координаты, – горько усмехнулся он. – Тогда, объясните мне, почему она от меня бежит?

– Это просто. Вы женаты. А Яська не хочет ничего разрушать. Это у нее принцип.

– О господи!

– Но она... – Последовала долгая пауза. – Она безусловно к вам равнодушна, оттого и прячется. И, кстати, у нее завелся мужчина.

Ивана обдало жаром.

– Как?

– Ну, она случайно встретилась со своим одноклассником, он военный хирург... И, кажется, он не прочь на ней жениться.

– Но... вы же только что сказали, что она ко мне равнодушна?

– А что вас удивляет? Ей нужна семья, а этот ее хирург, кажется, очень хороший человек.

– Но без любви... она же будет несчастна...

– Не обязательно, – пожала плечами Варвара.

– Обязательно! Я вот женился без любви...

– И вы несчастны?

– Да! Да! Жизнь для меня утратила вкус, цвет, запах, соль. И только встретив Ясю в Стокгольме, я понял, почему. Варя, умоляю вас, дайте мне ее адрес, не надо даже телефона, просто адрес! Я подкараулю ее у дома, изображу случайную встречу и даже тень подозрения на вас не упадет!

– Вы... Вы так ее любите? – растрогалась Варвара.

– Да, наверное, а иначе что это? Такого со мной никогда не было, а я уж не мальчик, скоро полтинник. Я просто хочу, чтобы она, глядя мне в глаза, сказала, что я ей не нужен. И я, честное слово, уйду от жены! Только не вздумайте ее предупредить!

– Я что, себе враг? – улыбнулась Варя. – Ладно, записывайте адрес.

– Варя, вы... вы замечательная... Вы чудо! Я бесконечно вам благодарен!

Он ушел окрыленный. Надо же, никогда бы не подумала, что такой человек, как этот Верещагин, способен так втюриться... Чего только в

жизни не бывает!

* * *

Войдя в овощной отдел магазина, Яся сразу уловила запах клубники. Надо же, неужто уже отечественная? Импортная никогда так не пахнет. И цена вменяемая. Яся купила лоточек. И банку сметаны. Она обожала клубнику со сметаной и сахаром. И очень довольная отправилась домой. Вот сейчас приму душ и наемся клубники. Не забыть бы загадать желание, в этом году я еще клубники не ела. Ах, хорошо...

Она сперва почистила клубнику, для чего надела резиновые перчатки, чтобы не портить маникюр, а потом отправилась в микроскопическую ванную. Залезла под душ и долго блаженствовала под струями горячей воды. Потом вытерлась, надела легкий халатик и тут позвонили в дверь. И кого это черти принесли? Не иначе соседка. Вот повадилась... Может не открывать? Хотя нет, она могла в окно видеть, что я вернулась. И Яся открыла дверь. На пороге стоял Верещагин.

– Вы? Как вы меня нашли?

– Да какая разница, главное, что нашел.

Он решительно шагнул в квартиру и закрыл за собой дверь. Он был без цветов, только с дипломатом в руках. Он смотрел на нее во все глаза, а она стояла, вся дрожа, сжимая на груди воротник халата. Он шагнул к ней, молча обнял и стал целовать.

– Не надо, пустите! – слабым голосом бормотала она. Он закрыл ей рот поцелуем. Он сразу понял, что под легким халатом на ней ничего нет. И сорвал с нее эту последнюю преграду. Почувствовав его руки на своем теле, она словно обезумела. Они оба обезумели.

Он проснулся первым. И внимательно посмотрел на нее. Все, я приплыл. Вот она, моя последняя пристань. И какое это счастье... Я хочу, чтобы она закрыла мне глаза, когда я умру. Он сам безмерно удивился этой мысли. Надо же... И какое наслаждение обнимать женщину Рубенса, а не Модильяни! Впрочем, на вкус на цвет товарищей нет. И какая у нее дивная кожа. Раньше говорили, как лебяжий пух, белая, в веснушках, такая прелесть и эти выющиеся волосы непонятно какого цвета, золотисто-рыжеватые что ли. И запах... Моя женщина только так и может пахнуть. И как это прекрасно – после приступа бешеной страсти чувствовать не пустоту, а всепоглощающую нежность...

Она открыла глаза.

– Надо же, Верещагин! Значит, не приснилось? – улыбнулась она сводящей с ума улыбкой и погладила его по щеке.

– Яська моя, ты чего от меня бегала, дурочка?

– Да уж какая теперь разница, все равно не убежала... Слушай, я такая голодная, а ты?

– Я тоже. У тебя есть еда? А то можем заказать пиццу.

– Нормальной еды нет, но есть клубника со сметаной. Могу сделать яичницу, кашу сварить.

– Нет, я хочу мяса, много мяса! Клубникой не отделаешься! Разве что клубничкой...

– Каламбур не из удачных!

– Согласен! Вот что, милая моя, сейчас живо одеваемся и в ближайший ресторан! Тут есть что-то приличное?

– Ну, я не особо знаю здешние рестораны.

– Тогда я заказываю такси и мы едем в «Асторию».

– Шикарная идея! – засмеялась Яся. – Но давай пока такси, то да се, слопаем клубнику со сметаной?

– Со сметаной? Никогда не ел клубнику со сметаной! Давай!

– Пойдем на кухню.

– Как ты помещаешься в такой квартирке?

– Прекрасно помещаюсь! Мне здесь хорошо, Верещагин!

– А что это ты меня по фамилии зовешь?

– Мне так нравится!

– Да ладно, хоть горшком... Ты знаешь, что ты настоящее чудо? Слушай, а клубника со сметаной это здорово вкусно! Да еще из твоих рук! Объявление!

– Знаешь, я когда ее покупала, даже вообразить не могла, в какой компании мне придется ее есть.

Она смотрела на него с такой любовью! Но ни разу не сказала, что любит его. Разве в словах дело? А смотрит она на меня с любовью. И это куда важнее всяких слов.

Мгновенно умяв клубнику, она сказала:

– Ох, я еще больше есть захотела! Где же твое такси?

– О, а вот и оно! Бежим!

На лестнице он заявил:

– Я сяду вперед, а то не смогу сдержаться и начну тебя тискать! Знаешь, как приятно тебя тискать, совсем как Глашу! Только Глаша вопит дурным голосом, а ты... ты мурлычешь...

У входа в «Асторию» Яся вдруг смутилась:

– Верещагин, а пошли куда-нибудь в другое место, а?

– Почему?

– Да тут так шикарно, а я в джинсах... Ну ее, эту «Асторию». Тут кругом полно других ресторанов, попроще.

Он расхохотался.

– Слово дамы закон! Тем более такой дамы! Яська, я такой счастливый, ты даже представить себе не можешь. И чувствую себя таким молодым! Я в Питере с любимой женщиной в белую ночь...

– Верещагин, а ты где остановился?

– В каком смысле? – не понял он.

– В какой-то гостинице?

– Нет. Я у тебя остановился, и вообще, Яська, я остановился. Приехал. Приплыл! Ты со мной и мне ничего больше в этой жизни не надо!

– Но ты...

– Хочешь сказать, что я женат? Виновата в этом только ты!

– Здрасьте!

– Ничего не здрастье! Если бы ты тогда не убежала, я бы не женился.

– Свежо предание!

– Тем не менее это так. Не женился бы!

Они вошли в первый попавшийся ресторан.

– А давай вина выпьем, мы же с тобой еще ни разу не пили! – предложила она.

– Давай! – обрадовался он. – Я вечно за рулем.

– А у тебя разве нет водителя?

– Есть, но я предпочитаю сам. И он такой ворчун...

– Так поменяй!

– Да нет, не могу, у него трое детей. Нет.

Ох, какой он!

– Будем есть мясо с кровью, пить красное вино, а потом поедem к тебе.

– И ты будешь меня тискать, как Глашу, а я...

– А ты, как все порядочные кошки, будешь мурлыкать.

– У меня никогда не было кошки. А я так хотела...

– Что ж не завела?

– Мать терпеть не могла животных, а у мужа была на них аллергия.

– Когда поженимся, заведем кошку, какую захочешь.

– Верещагин, брось! Не будем мы жениться!

– Это еще почему?

– Давай сразу договоримся. Я не хочу замуж вообще. Я готова крутить с тобой роман, я просто не в силах уже от тебя отказаться, я даже не подозревала, что с мужчиной может быть так хорошо... И я, кажется, влюблена в тебя как самая ненормальная кошка, но... это и все. Я не хочу брака, совместной жизни, неизбежных взаимных претензий, измен, вранья, не хочу! Или бери, что есть, или... расстанемся, пока не поздно. И еще я не хочу, чтобы ты разводился. Не хочу, чтобы твоя жена... она же ни в чем не виновата... чтобы она страдала.

– А что я буду страдать, тебе до фонаря?

– А чего тебе страдать? До Питера три с половиной часа на «сапсане», будем иногда встречаться...

– И тебя это устроит?

– На данном этапе да.

– Но... если прибегать к нравственным категориям, то это, как минимум, нечестно! Куда честнее будет сказать Дине все прямо. Правда, боюсь, она легко от меня не отступится, попьет кровушки.

– Господи, но зачем же ты на ней женился, если предполагаешь такое?

– Я ведь уже объяснял! Нет, Яська, глупости это все! Не желаю я так! Я вернусь послезавтра в Москву и скажу ей, так мол и так, я встретил другую... У нее есть своя хорошая квартира, пусть возвращается туда, я дам ей хорошие подъемные...

– Верещагин, ты себя слышишь?

– Ну, хорошо, отступные... Делить нам нечего, у нас еще нет совместно нажитого имущества. И как только она съедет, я заберу тебя из этой твоей конуры!

– У меня контракт с фирмой на полтора года.

– Ничего, я это улажу в два счета.

Она вдруг закрыла лицо руками. И прошептала:

– Господи, какой ужас!

– Что ужас? – не понял он.

– А что если через год-другой ты вот так же станешь говорить обо мне?

– С ума сошла?

Он взял ее руку и поцеловал в запястье, туда, где явственно билась голубая жилка. Еще раз и еще.

– Яська, родная моя, ты все время ставишь меня в тупик, ты странная, но дивная, мне такие еще не встречались. Но я счастлив, что ты именно такая. Знаешь, меня всю дорогу бабы хотели на себе женить...

– Надо думать!

– И я прекрасно изучил все их уловки. А ты вот отказываешь мне, но это не уловка, это какие-то застарелые детские комплексы. Ты же просто боишься. Боишься, что не сможешь чему-то там соответствовать, отгораживаешься зачем-то, но ты прекрасная женщина, восхитительная, и твое роскошное тело куда честнее чем ты, оно выдает тебя... И если ты думаешь, что я кому-то отдам свою Яську какому-то хирургу...

– Что? Откуда ты знаешь? А, я поняла, это Варька-зараза дала тебе адрес!

– Неважно! Главное, ты меня не оттолкнула, ты приняла меня... а теперь почему-то ерепенишься. Хотя я уже многое о тебе знаю, вытянул из Варвары... Кстати, говорят же «скажи мне кто твой друг», так вот твоя подруга абсолютно замечательная особа, искренне тебя любящая...

– Да, Варька, она такая... Она так много для меня значит...

– Я понял, тебе всю жизнь не хватало любви, поверь, со мной ты будешь купаться в любви, и не только в моей.

– То есть?

– Я твердо убежден, тебя любят мои друзья, моя родня, все вокруг... Знаешь, что мне сказала Наташка Завьялова? Дурак ты, Ванька, зачем женился! А когда ты ушла, помнишь, мы встретились у нее? Она сказала: «какая прелесть эта Яся, не чета твоей Дине!»! А еще тебя будет любить наша кошка Любаня...

– Почему Любаня? – сквозь подступившие слезы спросила Яся.

– Хорошее же имя, ласковое...

– Верещагин, закажи мне мороженое... Три шарика: крем-брюле, ванильное и фисташковое.

– Яська, я скажу тебе сейчас то, что не говорил никогда ни одной женщине, кроме сестры. Я люблю тебя, Яська! Ты мне уже родная, я чувствую, что с тобой... не страшно состариться. Я идиот, да?

Она молча смотрела ему в глаза, но он ясно видел в этом взгляде любовь. Никогда он не испытывал таких чувств, никогда не говорил таких слов. Но лучше поздно, чем никогда!

– Верещагин, я мороженого хочу! Ты меня слышал?

– А как же! Три шарика, фисташковое, крем-брюле и ванильное! – засмеялся он.

– А знаешь, зачем мне мороженое?

– Вкусно!

– Не только! Просто хочу охладить немного свой пыл, а то наговорю в ответ всякого про любовь... А потом надо будет эти слова как-то оправдывать. А вдруг я не справлюсь?

– Почему это ты не справишься? Потому что у тебя была плохая мать? Да, а кто твой отец?

– Отец? Понятия не имею. Ну, то есть я знаю, что его звали Ярослав Ярославович Иноземцев. И это все.

– Значит, имя это фамильное... И ты не пыталась его искать?

– Нет. Зачем? Если уж я матери не нужна, что говорить об отце.

– Да бог с ними, и с матерью и с отцом, ты нужна мне, и не просто нужна, а жизненно необходима. Жизненно, понимаешь? Не только в койке, а вообще... везде, во всем!

Тут подошел официант и он заказал ей мороженое.

– Вкусно тебе? – спросил он, с наслаждением наблюдая, как она уплетает мороженое.

– До ужаса! Хочешь попробовать?

– Хочу! Дай ложечку фисташкового!

– На!

– Ох, и вправду вкуснее мороженое! А, я понял, это потому что из твоих рук...

– Верещагин, перестань, а то вдруг я поверю...

– А ты мне не веришь?

– Боюсь поверить. Ты когда уезжаешь?

– Завтра трехчасовым.

– Ой!

– Что?

– Страшно!

– Чего боишься на сей раз?

– Что больше тебя не увижу!

– Это почему же? И не надейся! Да, а где твой хирург?

Она засмеялась.

– Он далеко. Очень.

– А конкретнее?

– В Сирии.

– О! Уважаю. Ты с ним спала?

– Нет. Не успела.

– Его счастье. А то я убил бы его на фиг. И вот что, Яська! Я, пожалуй, сдам билет, и поеду послезавтра. Я хочу уладить дело с твоим контрактом и увезти тебя в Москву.

– Ты с ума сошел! Нет. Я не согласна. Мы же еще совершенно не знаем друг друга, так нельзя.

– Дурочка! Я вижу тебя насквозь. И люблю именно такую, со всеми

твоими комплексами и заморочками. Но в чем-то ты, пожалуй, права. Я действительно, как тот Торопыжка, проглотил утюг холодный. Но билет я все же поменяю. И завтра утром мы поедем в Петергоф. Я так его люблю!

– А я... я никогда не была в Петергофе.

– Позор на твою золотую голову! Поедем на «Метеоре».

У него зазвонил телефон. Это что-то плохое, подумал он. Звонила сестра.

– Ванечка, милый, ты где, я звонила домой, но Дина сказала, что ты не в Москве.

– Я в Питере. Что случилось, Лиза?

– Виктор попал в аварию, он в госпитале, мне страшно, а Толя в Америке...

– Хочешь, чтобы я прилетел?

– Ванечка, если это возможно... – рыдала сестра.

– Разумеется, возможно. Я узнаю расписание рейсов и вылечу первым же. А что говорят врачи?

– Говорят, что шансы у него неплохие, но это же так расплывчато... А точнее не говорят.

– Врачи, особенно хирурги, люди очень суеверные. Не волнуйся, Лиза! Может, нужны какие-то лекарства?

– Нет, они говорят, что все есть. Его положили в военный госпиталь. Там, кажется, хорошие врачи...

– Ну все, Лиза, я займусь билетом и сразу позвоню тебе. Держись!

– Что случилось? – спросила Яся.

– Муж сестры попал в автокатастрофу. А сын в Америке. Он долго добивался стажировки...

– Конечно, ты обязан лететь!

– А полетели со мной?

– Нет. Это не годится. Сестре ты нужен целиком, а я там буду просто ненужным и раздражающим довеском. Я только прошу, звони мне иногда...

– Господи, конечно, о чем речь. Тебе еще надоест отвечать на мои звонки.

Он стал выяснять расписание самолетов на Новосибирск. Ближайший рейс был только в одиннадцать утра. Он забронировал билет и позвонил сестре.

– Лиза, есть рейс в одиннадцать утра.

– Спасибо, Ванечка. Жду тебя. Запиши адрес госпиталя.

Он записал.

– Ты очень любишь сестру, да?

– Очень. Она меня практически вырастила. Вот видишь, сама судьба так распорядилась... Хотя, видит Бог, я хотел совсем другого...

– Верещагин, о чем ты говоришь? Я сейчас выйду, а ты позвони жене и предупреди ее.

– Успеется.

– Нет. Она же будет тебя ждать.

С этими словами Яся встала и вышла из зала. Тактичная девушка.

Он набрал номер Дины.

– Ванечка, любимый, наконец-то! Звонила Лиза...

– Я знаю. Я завтра вылетаю к ней. Так что не жди меня, я не знаю, как там и что...

– Ваня, а что у тебя с голосом?

– А что у меня с голосом?

– Он какой-то холодный...

– А ты полагаешь, я могу сейчас рассыпаться в нежностях? – едва сдерживая раздражение, бросил он.

– Да-да, ты прав, но просто я так соскучилась, я так люблю тебя.

– Все, извини!

И он отключил телефон.

Боже, какой же я болван!

Но тут вернулась Яся.

– Может быть мы уже пойдем? – сказала она и погладила его по руке.

Это было именно то, в чем он сейчас нуждался. В этой ласке было столько нежности и понимания.

Они вернулись к ней.

– Верещагин, расскажи мне о своей сестре, – попросила она.

– Что же тебе рассказать? Мы с ней рано осиротели. Она на семь лет старше меня и заменила мне мать. Она серьезный ученый, как и ее муж, и сын, кстати, тоже. Она добрая, обожает театр... У них собака, совершенно дурацкий французский бульдожка, впрочем очень милый. А что это ты делаешь?

Пока он рассказывал, она достала колоду карт и принялась раскладывать их на столе.

– Погоди! – не ответила она.

– Это пасьянс?

– Что-то в этом роде. Погоди.

Он умолк и стал смотреть на нее. В душе поднимался восторг. Вот такая жена мне нужна, просто необходима.

Наконец, она с торжеством смешала карты.

– Все с мужем твоей сестры будет в порядке.

– Ты гадала?

– Да нет. Просто у меня есть своя система пасьянсов. Когда ситуация критическая, я раскладываю пасьянс, и еще ни разу он меня не обманул. А если просто так, по пустякам, то запросто соврет. Но вот, например, когда я решила сбежать в Москву от мужа, я раскинула карты и вышло, что все у меня будет хорошо. А когда мать меня выгнала, я подумала, что мой пасьянс фигня, но потом, когда я поселилась у Варьки и она в первый же день нашла мне работу, я поняла, что гаданье мое правильное. Вот и сейчас ситуация критическая и все вышло прямо с первого раза, даже удивительно.

Он подошел к ней, поднял из-за стола, обнял, прижал к себе.

– Родная моя, я почему-то верю тебе. Ты поедешь меня провожать?

– Нет. Не поеду.

– Почему?

– Потому что мало ли кто может нас там засечь, снять на телефон, выложить в сеть. Не надо нам этого. Мне-то что, а вот тебе пока этого не надо! Тем более в такой ситуации, когда тебя ждет сестра.

– А ты мудрая, Яська...

...К счастью, самолет вылетел без опоздания. Утром Яся сказала, что сегодня опять раскинула карты и опять все сошлось. Он поверил ей и успокоился. И стал думать, как лучше сказать все Дине, и чем больше он думал, тем яснее становилось ему, что легко он не отделается.

Он примчался в госпиталь. Сестра ждала его в вестибюле. Вид у нее был донельзя утомленный, даже измученный.

– Ванечка, родной! Спасибо, что приехал! – обняла она брата.

– Как я мог не приехать? О чем ты говоришь! Ну, что Виктор?

– Он без сознания. Но врачи говорят, что операция прошла успешно, что он выкарабкается. У него на ноге аппарат Илизарова... Ваня, мне так страшно...

– А Толян ты сообщила?

– Нет. Не надо, чтобы он срывался. И вообще, зачем его волновать, мальчику и так там трудно, в этой Америке...

– Лиза, но ведь он может здорово обидеться. Ты не права, по-моему.

– Думаешь?

– Уверен! Хочешь, я свяжусь с ним, но скажу, что в его присутствии пока нет необходимости...

– Пока? – вскинулась Елизавета Алексеевна.

- Хорошо, не буду говорить «пока».
 - Ваня, давай подождем! Пусть Витя придет в себя, чтобы зря не пугать мальчика.
 - Ничего себе мальчик! Ну как хочешь! А ты вообще что-то ела?
 - Не помню.
 - Ну вот что, так не годится! А то Виктор очнется, а ты с голоду в обморок хлопнешься. Кому это надо?
 - А как же...
 - Я тут побуду, а ты пойди поешь.
 - Ну хорошо, а то я и вправду еле на ногах стою.
 - А поезжай-ка ты домой, Лизаня, поешь, прими душ и поспи часок-другой...
 - Нет! Об этом не может быть и речи.
 - Ну что с тобой сделаешь. Хоть поешь. А я поговорю с врачами.
- Елизавета Алексеевна ушла. Иван пошел искать лечащего врача. И, к счастью, нашел его в ординаторской.
- Доктор оказался еще молодым, но вид его внушал доверие.
- Извините, доктор, я по поводу Виктора Сергеевича Веснина.
 - А вы кто?
 - Брат его жены.
 - Ну что вам сказать... Все могло быть в сто раз хуже. Но организм у него крепкий, выкарабкается. Конечно, загадывать наперед дело неблагоприятное, но перспективы совсем даже неплохие. Мы тут и не таких по частям собираем...
- Этот человек, такой уверенный в себе, такой шикарный, но с хорошим добрым лицом, внушил доктору уважение. Никаких истерик, никаких угроз, никаких ссылок на знакомство с высшим начальством.
- Доктор, может быть нужны какие-то лекарства?
 - Да нет. Все есть. Вот еще лет шесть назад... А сейчас есть. Мы же военные...
 - А почему он не приходит в себя?
 - Защитная реакция организма. Думаю, еще часа три-четыре и очнется. А вот его жену я бы...
 - Я отправил ее поесть.
 - Это правильно. Она вас послушалась?
 - А куда она денется!
- У доктора зазвонил телефон.
- Извините. Алло. Да. Отлично. Иду! Вот, наш больной открыл глаза.
 - Слава богу! Вы меня к нему пустите?

– Нет. Он в реанимации. Туда нельзя. Но я сейчас пойду к нему и все вам расскажу. Ждите.

Доктор поспешно ушел. Иван ходил взад-вперед по коридору.

– Ваня! – окликнула его сестра.

Вид у нее был чуть лучше.

– Он очнулся, Лизаня. Доктор пошел к нему. Но тебя туда не пустят.

– Я знаю.

– Доктор придет и все скажет. Он произвел на меня хорошее впечатление.

Доктор появился еще минут через десять.

– Ну что, господа-товарищи. Больной наш пришел в себя. Он совершенно адекватен, все помнит. Рефлексы нормальные. Полагаю, завтра переведем его в обычную палату, вот тогда и сможете его повидать. А послезавтра будем потихоньку поднимать его. И если все пойдет как надо, через две недели выпишем. Вот такие перспективы. Я очень доволен.

– Господи, доктор... – прижимала руки к сердцу Елизавета Алексеевна.

– Извините, я вас оставлю, дела. А вы поезжайте домой! Нечего вам тут околачиваться. А завтра в приемные часы милости прошу! Но не раньше!

И он ушел.

– Слава богу, Лизаня! Ну все, поехали домой!

На другой день они вдвоем примчались в больницу. В палате на двоих сейчас кроме Виктора Сергеевича никого не было.

– Ох, Лиза, ты зачем Ивана вызвала? Суматоха, а не женщина. Но надеюсь, Тольку не сдернула?

– Не волнуйся, Толян вообще ничего не знает, – сказал Иван.

А Елизавета Алексеевна тихо плакала.

– Ну чего ты реवेशь? Мне врачи сказали, что завтра уже начнут меня поднимать на ноги. Ну чего реवेशь, дуреха?

– Я так испугалась!

– Ладно, вы тут общайтесь, а я пока за продуктами смотаюсь, а то в доме пусто, мы с твоей женой последние крохи подъели! А потом возьму такси и заеду за тобой, сестренка.

– Спасибо, Ванечка!

Иван Алексеевич вышел из палаты. Ну, слава богу, на сей раз все обошлось. И завтра уже можно лететь в Москву. В Москву или в Питер? Как там моя Яська? Он дико скучал по ней. Душой и телом. Какая она

милая, нежная... Как я люблю ее... И вдруг взгляд его упал на табличку на двери чьего-то кабинета. «Заведующий отделением Иноземцев Я. Я., др. м. н., профессор». Иноземцев, надо же... Впрочем, не такая уж раритетная фамилия. Он пошел дальше по коридору. Иноземцев Я. Я. Интересно, он Яков Яковлевич? Или Яков Янович? Но ведь не Ярослав же Ярославович? Он остановился, повернул обратно и постучал в дверь. Никто не ответил. Завотделением отсутствовал. Навстречу шла медсестричка.

– Простите, девушка... – окликнул ее Иван.

Та с большим интересом на него взглянула и улыбнулась.

– Извините, девушка, как имя-отчество вашего заведующего?

– Ярослав Ярославович, – с готовностью ответила она. – Но его сейчас нет.

– Еще один вопрос можно? – улыбнулся Иван.

– Пожалуйста!

– Скажите, а какого он возраста?

– На днях юбилей отмечали, шестьдесят пять.

– Спасибо вам, огромное спасибо!

Нет, этого не может быть! Такое случается только в дурацких сериалах, которые во множестве снимают у них на канале «Супер». Ерунда это... Мало ли на свете полных тезок! Да сколько угодно! А если все-таки? Что мне делать? Или не надо ничего делать? Меня же никто не просил. Она же сказала, что даже не пыталась его искать. Да еще он ли это... А спрошу-ка я совета у Лизы. Вдруг она знает этого человека? Хотя вряд ли... А впрочем... Ладно, все равно его сегодня нет в больнице. Нет, не буду пока ничего говорить Лизе, а завтра... Полечу в Москву послезавтра, а завтра попытаюсь увидеть этого Иноземцева Я. Я. У меня есть все основания обратиться к завотделением по поводу моего зятя. Поговорю с ним и, возможно, что-то о нем пойму.

Елизавета Алексеевна вернулась домой в прекрасном расположении духа.

– Слава богу, Витя пошел на поправку! Он уже шутит, уже беспокоится о своих аспирантах, о делах фирмы. Невероятно! Он же вчера еще был без сознания... Это просто чудо!

– А знаешь, мне в Питере, откуда ты меня вытребовала, одна женщина сказала, что у Виктора все обойдется, – заметил как бы вскользь Иван Алексеевич.

– Гадалка, что ли?

– Нет. Она просто раскладывала пасьянс. И загадала... ну... насчет

Виктора.

– А что за женщина? – очень внимательно посмотрела на брата Елизавета Алексеевна.

– Да просто одна знакомая.

– Ваня, что за женщина? Ты же не так давно женился!

– И страшно об этом жалею! – неожиданно даже для себя самого заявил Иван Алексеевич.

– То есть как?

– А вот так! Я не люблю Дину, да и не любил никогда.

– Зачем же ты женился?

– Дурак был!

– И что теперь?

– Разводиться буду.

– Да ты с ума сошел на старости лет.

– Ох, сестренка, если бы ты знала мою Ясю...

– Это что еще за имя?

– Ярослава.

– А Дина в курсе?

– Пока нет.

– Мне это не нравится! Категорически не нравится! Вот уж воистину, седина в бороду...

– Ничего, седина бобра не портит! – засмеялся он. – Да, ты вот что мне скажи, ты знаешь профессора Иноземцева?

– Какого? Завотделением?

– Да.

– Ну знаю, а при чем тут он?

– Да вот я завтра хочу к нему зайти, все досконально выяснить насчет Виктора, спросить, не нужно ли что-то из Москвы, ну, сама понимаешь...

– Вань, ты почему так резко перевел разговор? Что, эта твоя особа как-то связана с Иноземцевым?

– Что за чепуха!

– Ваня, я же всегда знаю, когда ты врешь!

– Я не хочу об этом говорить с тобой! Ты, ничего не зная о моей любимой женщине, уже сразу встала на сторону Дины! И вообще, если бы не ты, я бы на ней не женился! – разозлился он вдруг.

– Вот это номер! Тебе приспичило жениться, ты меня познакомил с ней, она мне понравилась. Она тебя любит...

– А я не верю в это! Когда тебе сто раз на дню объясняются в любви, это внушает подозрение!

- А твоя новая пассия тебе в любви не объясняется?
 - На словах – нет! Но достаточно заглянуть ей в глаза... Она чудо!
 - И сколько этому чуду лет?
 - Она ровесница Дины.
 - Хорошо хоть не нимфетка, – вздохнула Елизавета Алексеевна. – Вот что, Ваня, расскажи-ка мне о ней поподробнее. И покажи ее фото, наверняка у тебя в телефоне есть.
 - Нету, представь себе!
 - Ну надо же, как несовременно! Или Дины боишься?
 - Никого я не боюсь. Просто не до того было...
 - Тогда расскажи, какая она?
 - Она... у меня слов не хватит, чтобы рассказать, какая она. Она просто чудо, и этим все сказано! – восторженно произнес Иван Алексеевич.
 - Ладно, поверю, так и быть, – добродушно потрепала по голове любимого брата Елизавета Алексеевна. – А Глеб ее знает?
 - Видел. А Наташка знает и тоже в восторге от нее. А Дину она терпеть не может.
 - Почему?
 - Понятия не имею, но факт остается фактом.
 - А как ее фамилия?
 - Ты не поверишь... Иноземцева.
 - Она имеет какое-то отношение к...
 - Не знаю, но может иметь.
- И тут у него не хватило выдержки и он все выложил сестре, все, с самого начала, с момента, когда увидел Ясю с балкона кузьминской дачи.
- Да, брат, ты попал... Думаешь, это любовь?
 - Уверен! Такого со мной никогда не было.
- Елизавета Алексеевна задумалась.
- Знаешь, Ваня, – начала она по некотором размышлении, – я ведь хорошо знакома с Иноземцевым, благодаря ему Виктор попал в этот госпиталь. Ярослав Ярославович хороший человек, превосходный врач, прекрасный семьянин, у него двое сыновей, Костя и Федя, такие славные ребята... Ярослав Ярославович овдовел два года назад. Я была хорошо знакома с его женой, но никогда не слышала о том, что он был раньше женат, что у него есть дочь. Но, впрочем, мы не были достаточно близки и я вполне могу не знать таких деталей. Но я совершенно не могу поверить, что он мог бросить ребенка. Женщину, да еще с таким характером, запросто, а вот ребенка...
 - Скажи, он жил когда-то в Москве?

– Да. Жил.

– А какого цвета у него волосы?

– Да никакого! Он лысый как коленка, – улыбнулась Елизавета Алексеевна. – Жаль, конечно, что у тебя нет фотографии...

– Это поправимо! – засмеялся Иван Алексеевич. – Минутку!

Он вышел в другую комнату и набрал номер.

– Алло, – мгновенно откликнулась Яся. – Это ты? Ну как там дела?

– Все хорошо! Твое гадание оправдалось. Я люблю тебя, Яська! И безумно скучаю!

– Я тоже...

– Любимая, сделай селфи и пришли мне немедленно, иначе я сойду с ума!

– Хочешь показать меня сестре?

– И это тоже, но, главное, я просто хочу иметь у себя твою мордашку любимую. Сделаешь?

– Не вопрос! Но ты скажи мне, когда я... когда мы увидимся? Ты оттуда в Москву полетишь?

– Нет! В Питер, всего на сутки, но... Я люблю тебя!

– И я!

Она отключилась и через минуту уже прислала селфи.

– Лиза, вот она! – он протягивал сестре свой айфон.

– Правда, милая... Напоминает Жанну Самари Ренуара, ты не находишь?

– Глеб тоже так считает, а я не вижу этого сходства.

– Но уж профессора Иноземцева она ни чуточки не напоминает.

– Ты говоришь, он хороший человек и сыновья у него хорошие?

– Несомненно.

– Тогда... я должен попытаться... А вдруг? Вдруг у моей Яски есть отец и два брата? Она такая одинокая... Я завтра же пойду к этому Иноземцеву, попробую поговорить с ним. Чем черт не шутит!

– Послушай... Я не знаю, нужно ли это делать... Мы же не знаем всех обстоятельств...

– Ну и хорошо! Приду к нему на голубом глазу, скажу, вот увидел вашу табличку, решил узнать, не родственник ли вы такой-то. В конце концов ей же ничего от него не нужно... У нее есть я, да и сама она не...

– А в самом деле, попробуй! Но если ничего не выйдет, не вздумай рассказать об этом своей девушке.

– Лиза, не держи меня за идиота.

* * *

Он позвонил! Попросил фотку! Он любит меня! Господи, неужели это возможно? Я так счастлива! И, похоже, на мне это большими буквами написано! Когда вчера Яся пришла на работу, начальник отдела, немолодой дядечка, вдруг спросил:

– Ярославочка, что с вами? Забота юности? Я имею в виду любовь?

– Я поняла, Илья Сергеевич!

– Я знал, что вы поймете! Хотя нынешняя молодежь как правило не понимает.

– Так я уже не молодежь, Илья Сергеевич! – засмеялась Яся. – Я до сих пор предпочитаю книгу Интернету.

– Это разумно. И когда от вашей любви родятся детки, не давайте им на горшке гаджеты, дайте лучше красивую книжку...

– Так и сделаю, Илья Сергеевич!

Женька тоже сразу почувствовала что-то.

– Ясь, что случилось? Борис вернулся?

– Нет.

– Нешто Верещагин нарисовался?

– Нарисовался, Женечка, нарисовался! Разыскал меня и явился...

– И ты не устояла?

– Не устояла, грешна.

– Господи, а глаза-то как сияют! Это что, любовь?

– Похоже на то!

– Ну не знаю, – покачала головой Женька, – я бы лично поставила на Бориса. Эти телевизионщики не внушают доверия как-то...

– «Эти телевизионщики» не внушают, а этот телевизионщик внушает! Понимаешь, Женька, я почему-то в нем уверена, кажется, впервые в жизни уверена в мужике.

– Ох, зря, Ясечка, зря! Вот я чувствую, ты еще хлебнешь с ним...

– С ним! Вот ключевое слово – с ним! С ним я готова хлебать все что угодно!

– Даже дерьмо?

– Даже дерьмо!

* * *

Иван Алексеевич помедлил у двери. Потом собрался с духом и постучал.

– Да-да, войдите! – донеслось из-за двери.

Он вошел.

– Здравствуйте! Вы профессор Иноземцев?

– Совершенно верно! С кем имею честь?

– Иван Алексеевич Верещагин, я брат Елизаветы Алексеевны Весниной.

– О, очень приятно! Я догадываюсь, что вас привело ко мне. Но я уж говорил Лизе, что с Виктором все обстоит совсем неплохо, состояние ее мужа на данный момент не внушает никаких опасений.

– Ради бога извините, что перебиваю вас, но меня привело к вам совершенно другое, чрезвычайно деликатное дело.

– Слушаю вас, – нахмурился профессор.

– Вы позволите присесть?

– Ну, разумеется, извините, я просто привык, что ко мне в основном заходят мои сотрудники и они как-то не нуждаются в приглашении, – извиняющимся тоном проговорил Иноземцев. – Итак?

– Даже не знаю с чего начать...

– Вы хотите положить кого-то из знакомых в наш госпиталь?

– Да боже упаси! Дело сугубо личного свойства.

– Личного?

– Попробую без обиняков... Ярослав Ярославович, у вас... была дочь?

– Дочь?

– Да. Дочь. Ярослава Ярославовна Иноземцева.

Профессор побледнел.

В этот момент в кабинет без стука вошел молодой человек в белом халате.

– Шеф, вот гляньте, снимок Аристархова!

Профессор извинился, и стал рассматривать чей-то рентгеновский снимок.

– Что скажете, шеф?

– На мой взгляд повторная операция не нужна. Но стоит все же сделать МРТ, тогда скажу окончательно.

Молодой человек сердито покосился на Ивана. Что это за тип тут отсвечивает? Но ушел.

– Иван Алексеевич, простите, здесь нам не дадут поговорить спокойно. Предлагаю встретиться вне больницы... часов в пять, например в кафе тут за углом.

– Разумеется, я понимаю, в таком случае до встречи в пять.

Иван вскочил. И уже шагнул к двери.

– Одну минуту! Скажите только... с ней... что-то плохое случилось?

– О нет! Она жива-здоровая!

И он поспешил ретироваться.

– Ну что? – с тревогой спросила Елизавета Алексеевна.

– Похоже, это он, ее отец. Но он был занят и мы условились встретиться в пять в кафе тут за углом. Он сам это предложил. И спросил, не случилось ли с ней беды. И знаешь, когда я заговорил о дочери, у него сделались до ужаса несчастные глаза...

– С ума сойти, Ванечка! Неужто и впрямь бывают такие совпадения?

– Я бы сформулировал так – неужто и впрямь бывают такие чисто сериальные совпадения, – со смехом отозвался Иван Алексеевич.

– В самом деле! – тоже засмеялась сестра.

– Знаешь, Лизаня, я, пожалуй, пойду пройду, обдумаю кое-что. Разговор-то нелегкий предстоит, хотя мне понравилась реакция этого профессора. Он, кажется, и вправду хороший мужик.

– Иди, Ванечка, а я побуду с Витей. Он уже начал капризничать, а это хороший признак.

Иван долго бродил по улицам родного города. Вспоминал детство, раннюю юность. Вот на этом углу он назначил первое в своей жизни свидание Надьке Воротынцевой. Именно с нее началось его пристрастие к северной красоте... Он постоял на этом углу. Интересно, если бы первой его любовью была девочка другого типа, он тоже прилип бы к этому типу на долгие-долгие годы? А потом как последний дурак женился бы на женщине, ничем этот излюбленный тип не напоминающей? Неважно! Важно, что он наконец встретил женщину, свою Женщину. Да, именно свою! Она моя вся, до мозга костей! До последней веснушечки! И если этот профессор признает дочь, я попрошу у него ее руки! Вот прилечу в Питер и скажу: «Выходи за меня замуж, твой отец нас благословил!» Вот она удивится! Любимая моя... Он достал айфон, глянул на ее снимок. А и впрямь есть в ней какая-то волшебна-неуловимая прелесть Жанны Самари, а еще там и Рубенс примешался, это же мечта...

Ровно в пять он подошел к кафе и в дверях столкнулся с профессором. Тот заметно волновался.

– Иван Алексеевич, простите меня, я ужасно взволнован... Но нет ли

тут ошибки? В конце концов и имя и фамилия не столь уж уникальные...

– Я тоже думал об этом. Поэтому давайте сверим... наши...

– Установочные данные, – закончил фразу профессор с улыбкой.

– В самом деле.

– Начните вы!

– Извольте. Моя Ярослава родилась в Москве двадцать седьмого апреля 1981 года.

– И моя дочь родилась именно в этот день, – хриплым шепотом произнес профессор. – Ее мать звали Валентина Игоревна Тумаркина.

– Увы, имени ее матери я не знаю. У Ярославы нет с матерью никаких связей и она не называла мне ее имени.

– О, в таком случае вы развеяли последние сомнения. Валентина ужасающе тяжелый человек. А что, дочь хочет найти отца?

– В том-то и дело, что нет. Она говорит, уж если я матери не нужна, то отцу и подавно. Он исчез с горизонта и я не желаю ему навязываться.

– Вон как... Скажите, Иван Алексеевич...

– Простите, профессор, я только хочу уточнить, я тоже не искал вас, просто вдруг увидел табличку с фамилией и инициалами. Никаких претензий у вашей дочери нет, она... ни в чем не нуждается...

– Скажите, какая она? И что вас с ней связывает?

– Она? Она изумительная! А связывает нас, смею надеяться, любовь. Вот так. А хотите взглянуть на нее?

– Да, очень хочу!

Иван протянул ему айфон.

– Это она? Очаровательная женщина, напоминает какую-то французскую картину... Я не силен в живописи.

– Да, Жанну Самари Ренуара.

– Да-да, именно так. Она похожа на свою мать, только она как-то мягче... у нее добрые глаза... А чем она занимается?

– Она филолог. Знает много языков.

– Вы с ней... женаты?

– Пока нет, но я надеюсь в скором времени исправить это положение.

– Она замужем?

– Формально да. Она жила в Бельгии, ее муж был бельгиец, но она ушла от него.

– К вам?

– Нет. Просто ушла. Приехала в Москву к матери, а та в буквальном смысле выгнала ее на улицу.

– Боже мой, что вы говорите! Хотя чему я удивляюсь. В свое время она

и меня выгнала. Я был совсем молодой врач, зарабатывал буквально копейки и она сживала меня со свету. Но я любил Яську и не хотел уходить. А она нашла себе другого, состоятельного. И велела мне убираться вон, а если не уберусь, она меня посадит. Она не шутила.

– А было за что?

– О, был бы человек, а компромат всегда найдется, тем более в те годы... Я предложил забрать Яську, но она ни в какую. Даже алиментов брать не хотела, хотела поскорее меня избыть. У нее всегда был чудовищный характер, но она была по-женски чертовски привлекательна. Боже, какие скандалы она закатывала, когда я на первых порах пытался увидеть дочь. А однажды меня жестоко избили на улице и посоветовали убраться из Москвы подобру-поздорову. Аргументы были более чем убедительные и я убрался. Я думал, может она все-таки любит дочь... Чудовищно! А что Ярослава о ней рассказывает?

– Она не любит об этом говорить. Но мне как-то обмолвилась, что боится завести детей, так как выросла без материнской любви, не знает, что это такое и потому будет плохой матерью.

– О господи! – схватился за голову профессор. – Бедная девочка! Иван Алексеевич, ради бога, я хочу увидеть свою дочь, познакомить ее с братьями, мои сыновья хорошие ребята... Они поймут... Я должен, я просто обязан попросить у нее прощения! Где она живет? В Москве?

– Нет, сейчас она живет в Питере.

– Может быть, вы прямо сейчас позвоните ей?

– Мне кажется... надо ее как-то подготовить. Ведь это как снег на голову... Давайте, я полечу отсюда в Питер, поговорю с Ярославой, подготовлю ее и тогда уж...

– А если... Если она не захочет?

– Ну, это вряд ли. Она женщина до мозга костей, а женщины любопытны. Да и вам, профессор, лучше говорить с дочерью не сгоряча.

– А знаете что? Я, пожалуй, возьму ребят и мы все полетим в Питер.

– Хорошая мысль! И, вот еще что, может я ничего ей не скажу? Пусть считает, что вы ее искали и сами нашли, а?

– Но это же неправда!

– А это будет ложь во спасение!

– Я могу как-то проколоться...

– А это неважно, это потом... Ярослав Ярославович, прошу вас, так будет лучше! Подумайте сами! Одно дело, если я случайно увидел табличку на двери и проявил инициативу, и совершенно иная история, если отец решил разыскать дочь, познакомить с братьями... Она почувствует,

что нужна вам. Для нее это очень-очень важно! И, кстати, сыновьям тоже скажите, что решили найти дочь, обратились к частному детективу и он ее нашел.

– Вы думаете?

– Уверен. Так для всех лучше будет!

– А если... мальчишки спросят, почему я раньше молчал?

– Все элементарно! Вы ведь не так давно овдовели? Вы не хотели тревожить супругу. А теперь...

– Кажется, вы правы, Иван Алексеевич, так для всех будет спокойнее, меньше нервотрепки... Может быть.

– Ну что, Ваня? – спросила сестра.

Он пересказал ей разговор с профессором.

– Да, вы все верно придумали. Пусть бедняжка думает, что отец решил разыскать ее. Так ей гораздо легче будет принять его. Ты хитрый парень, Ванечка. Не зря Глеб говорит, что ты великий дипломат! Да, между прочим, мне сегодня звонила Дина.

Дина? Какая Дина? При чем тут Дина? – мелькнуло у него в голове. Он и думать о ней забыл.

– Да? И зачем она звонила? – спросил он холодно.

– Спрашивала про Виктора. Интересовалась, как ты, когда собираешься домой?

– И что ты ей сказала?

– Сказала, что ты должен сначала полететь в Питер, что я своим звонком сорвала тебя с каких-то важных переговоров. Вот, на старости лет приходится из-за тебя врать, а я так это не люблю!

– Сестренка, но ведь я тебе дороже, чем какая-то Дина?

– Между прочим, это, на минуточку, твоя жена.

– Не напоминай!

Когда на другой день Иван приехал в госпиталь проститься с Виктором, тот сказал:

– Вань, тут приходил заведующий, просил тебя зайти к нему. Скажи мне, зачем? Он что-то от меня скрывает? Все у меня серьезней, чем говорят?

– Да господь с тобой! Просто я обещал ему спонсорскую помощь на покупку какой-то аппаратуры.

– Ты мне правду говоришь?

– Конечно! И потом, если б это было связано с тобой, он вызвал бы не

меня, а Лизу. Успокойся, с тобой все хорошо!

Простившись с зятем, он пошел к заведующему. Постучал, его пригласили войти. В кабинете кроме профессора было еще двое молодых мужчин. Они с любопытством воззрились на вошедшего.

– Иван Алексеевич, позвольте вам представить моих сыновей! Это Федор, а это Константин! Я все им рассказал. Они обрадовались и готовы познакомиться с сестрой.

– Правда, – сказал Константин, – это здорово, что у нас есть старшая сестра! Папа долго мялся, прежде чем сказать, и мы вам очень-очень благодарны. И еще, вы здорово придумали – сделать вид, что папа сам ее стал искать...

Иван чуть не прослезился. Парни очень ему понравились. Интеллигентные, нормальные, с хорошими лицами. Скоро у моей Яськи будет отец и еще два брата в придачу! И будет у кого просить ее руки!

Иван полетел в Питер. Он позвонил Ясе уже из Пулкова.

– Яська, я прилетел! Ты дома?

– Верещагин! – задохнулась она.

– Я приеду!

– Жду тебя!

Он взял такси. По дороге его осенило и он сказал водителю:

– Давайте заедем куда-нибудь, где можно купить хорошую клубнику!

– На рынок, что ли?

– Ну, в такой час вряд ли на рынке что-то еще осталось!

– Ну, в супермаркет какой?

– А нет ли какого-нибудь фермерского магазина?

– Есть! Есть такой! Только это не по пути.

– Не страшно!

Они приехали к маленькому магазину.

– Только вы не очень долго, а то тут стоять...

– Я мигом!

– У вас есть хорошая клубника: такая, чтобы пахла клубникой?

– Только такая и есть! – улыбнулась очень толстая продавщица с удивительно добродушным лицом. – Вот, сами понюхайте!

– Да, правда! Прелесть какая! Дайте мне килограмма полтора! И еще хорошей сметаны!

– Для жены выбираете, для деток?

– Для будущей жены! Она меня научила есть клубнику со сметаной,

удивительно вкусно!

– Надо же! Никогда не пробовала!

– А вы попробуйте, не пожалеете!

Он вернулся в машину.

– Спасибо вам, – сказал он водителю, – чудесный магазинчик!

Сейчас ему нравилось всё и все!

Яся встретила его на лестничной площадке.

– Верещагин! Наконец-то! Я прямо не могла дождаться!

– И я! Вот, возьми, – он протягивал ей пакет с клубникой и купленные по дороге пионы.

– А что тут?

– Клубника! И сметана!

– Верещагин!

Она целовала его, обнимала, а он радовался искренности ее чувства и порывов. Да! Да! Да! Это моя женщина, я люблю ее!

– Верещагин, а ты надолго?

– Увы нет! Завтра улечу! Но скоро приеду, я теперь не смогу без тебя!

...Время промчалось незаметно и вот уже опять она осталась одна. Мысль о том, что он вернется домой, к жене, была непереносима. Сколько бы он ни уверял ее, что не любит и не хочет жену, а любит и хочет только ее одну, но она понимала, что вряд ли он прямо с порога заявит жене, что уходит от нее. Он будет делать вид, что все в порядке, и даже возможно ляжет с ней в постель... Какой ужас! А вдруг он посмотрит на жену, красивую, эффектную женщину, на устроенную ею жизнь и подумает: а зачем огород городить? Ломать все привычное, удобное, чего ради? Ради меня? Ради того, чтобы я заняла ее законное место? Абсурд! Он уж не мальчик, умеет, вероятно, сдерживать такие порывы. Он еще раза два-три приедет ко мне, будет вешать лапшу на уши, а потом постепенно сведет на нет наши отношения. Он ходит на всякие приемы и тусовки, и такая женщина, как его жена, для этого подходит куда больше, чем я. Я по их тусовочным меркам, наверное, толстая, они будут косо на меня смотреть и пожимать плечами, чего это Верещагин в ней нашел, в этой толстухе? Там же надо соответствовать... А я вряд ли смогу. Он такой шикарный, такой безупречно элегантный всегда. Но ему вроде бы все во мне нравится. Говорит, что обожает мое тело... Нардоваться на него не может... Но это пока... И потом одно дело, когда мы одни, а вот выйти со мной на люди... особенно в их телевизионном кругу... так может быть стоит похудеть?

Сесть на строгую диету, походить в спортзал? Женька вот ходит, правда, она ходит не худеть, а чтобы бороться с остеохондрозом. Надо поговорить с ней. И на работе в обеденный перерыв она выложила подруге свои сомнения.

– Не вздумай! – категорически заявила Женя.

– Что?

– Не вздумай заморить себя голодом. Тебе худоба не пойдет. Сама же говоришь, ему все нравится. А что там могут сказать в его окружении, тебе на это начхать!

– Мне, допустим, начхать, а ему?

– Если он в тебя такую влюбился, значит и ему начхать! И потом, ты совершенно не толстая, ты стройная, ты просто не тощая, и все!

– Да ну...

– Слушай, давай заканчивай свои дурацкие комплексы лелеять, ты очаровательная, мужики на тебя клюют, ты захороводила просто охренительный кадр, так с какой стати эти мучения?

– Ты правда считаешь, что он охренительный?

– А ты сама что ли не видишь?

– Я-то вижу... – тяжело вздохнула Яся.

– Вот и радуйся! А то развела тут канитель. Пошли обедать!

– Не хочется!

– Глупости! Думаешь, кому-то нравятся анорексички?

Яся невольно улыбнулась.

– До анорексички мне далеко!

– Если встать на этот путь, результат может быть достигнут скоро и тебя будут показывать по телеку, жуткую, страшную скелетину! Ты этого хочешь?

– Нет!

– Тогда пойдем!

– Ладно. Пойдем!

* * *

Иван Алексеевич прямо из аэропорта поехал на работу. Дел за эти дни скопилось немерено. Секретарша сразу подала ему на подпись целую кипу бумаг.

– Иван Алексеевич, вы завтракали?

– Да, перекусил в аэропорту.

– Может, сделать вам кофе?

– Да, пожалуй, и покрепче!

Верная Виолетта Геннадьевна подала ему еще и два бутерброда с сыром.

– Поешьте, а то знаю я вас, закопаетесь в делах и про обед забудете! Вам нужна язва желудка?

– О нет! Спасибо!

– Извините, у вас что-то хорошее случилось? Вы так сияете!

– Да! Случилось! Мой зять благополучно выкарабкивается после аварии. А страхов было много.

– Замечательно! – воскликнула Виолетта Геннадьевна, а про себя подумала: «Ох, тут не в зяте дело! Похоже, он влюбился, и, возможно, всерьез, я за двенадцать лет работы никогда еще его таким не видела, и ведь явно не в жену... Бедный, поспешил жениться и что теперь?»

Она обожала шефа, считала его самым лучшим человеком на телевидении.

Он сидел, очень внимательно вчитываясь во все документы, которые предстояло подписать. Он хорошо знал – стоит только расслабиться и можно подмахнуть черт знает что!

Зазвонил его мобильник. Дина! Он сбросил звонок и отправил эсэмэску: «Извини, важное совещание». Но рабочее настроение было нарушено. Мысль о предстоящем объяснении с женой была глубоко противна. Он вскочил, прошелся по кабинету. Взад-вперед, взад-вперед! Ладно, надо вернуться к делам. Но предварительно он взглянул на снимок Яси в айфоне. Любимая моя! Потом он переслал этот снимок на свой рабочий мобильник. О его существовании Дина не подозревала. Там он держал только сугубо конфиденциальную информацию. А в айфоне он снимок стер. На всякий пожарный случай.

На работе он пробыл допоздна. Но, наконец, решил, что хватит. Что я, как страус, прячу голову в песок? Рано или поздно придется сказать Дине все, как есть. При одной этой мысли его бросало в дрожь.

Он открыл дверь ключом.

– Ванечка! Приехал, любимый! – выскочила ему навстречу Дина. – Устал, мой бедненький? Ну, иди скорее переоденься и приходи ужинать, я приготовила все самое твое любимое!

Она обняла его и поцеловала в губы.

– Динуша, погоди, я...

– Прости, любимый, я просто так ужасно соскучилась.

– Я должен сперва принять душ, я же с самолета сразу в офис, – лепетал он и скрылся в ванной комнате.

– Ванечка, может потереть тебе спинку?

– Нет, я уж как-нибудь сам! – ужаснулся он. Надо сказать ей все за ужином, чтобы сразу перекрыть доступ к телу. Да, Верещагин, умеешь ты устраиваться.

После душа он пошел на кухню.

– Ванечка, ужинаем в гостиной! – крикнула оттуда Дина.

Он содрогнулся. В гостиной был накрыт торжественный ужин, со свечами. Дина в красивом платье сидела за столом и призывно улыбалась.

– По какому случаю торжество? – пробурчал он.

– По случаю возвращения любимого мужа.

Черт побери, совсем как в каком-то недавнем сериале...

– Дина, я хочу тебе сказать...

– Потом, Ванечка, все потом, сначала ты поешь, а то ты сейчас голодный и явно в дурном настроении, еще наговоришь чего-то, а потом будешь прощения просить. Так что лучше поешь, вот, тут все твое любимое!

– Ну, что ж...

Он накинулся на еду. Она и вправду готовила превосходно.

– И вот вина немножко выпей... – она подала ему бокал красного вина. Он с удовольствием выпил. Но то ли он переволновался, то ли переутомился, то ли вообще вымотался за эти дни, но его вдруг неудержимо стало клонить ко сну, у него слипались глаза, он стал что-то бормотать...

– Ванечка, да ты совсем спишь! Пойдем, пойдем, я тебя уложу...

Дина помогла ему доплестись до спальни, он буквально рухнул в постель. Она сняла с него тапки, укрыла пледом, потушила свет и вышла из комнаты. Пусть отдохнет!

Он проснулся в начале пятого утра. За окнами было уже светло. Рядом лежала Дина, совершенно голая. Он тоже был голый, а их одежда была раскидана по ковру. Такая картина обычно наблюдалась после ночи страстных объятий. Неужели что-то было? – озадаченно подумал он. Ничего не помню! Вообще ничего не помню. Вот как сели за стол в гостиной, помню. А больше ничего.

– Ванечка? Проснулся? – нежно проворковала Дина.

– Слушай, что вчера случилось? Помню только, что жутко захотел спать...

– Так и было! Я тебе помогла дойти до кровати, и вышла. А через час ты стал звать меня, я пришла, и ты как безумный на меня набросился... Это было чудесно... Ты превзошел себя, любимый! Это была наша лучшая ночь...

– Да?

– О да!

– А почему ж я ничего не помню?

– Ну уж не знаю... Вот взгляни, какие следы ты на мне оставил.

В самом деле, на груди у нее чернели явные следы страсти.

Совсем я ополоумел, что ли? Как это возможно, чтобы я ничего не помнил? Как будто опоили меня чем-то. Тоже что-то из сериалов. Ерунда какая-то... Да нет, это организм отторгает то, чего не должно было быть, но, по-видимому, было. Да еще и синяки... Это вообще не мой жанр... Значит, я был в беспамятстве. Или... Или она хотела убедить меня в том, что я виноват в этих синяках, а на самом деле ими ее наградил кто-то другой? Да-да, она что-то подсыпала мне в вино, какое-то снотворное, я задрях без задних ног, а утром она мне рассказала всю эту хрень! Но тогда... Значит, она уже мне изменяет и, похоже, считает полным идиотом? А разве я не полный идиот, если женился на такой? О, тут открываются роскошные перспективы... Если обнаружить этого таинственного любовника, можно спокойно развестись. Припереть ее к стенке и выгнать вон... и не чувствовать себя виноватым, и Яська моя не будет чувствовать себя виноватой. Но если Дина и впрямь мне что-то подсыпала в вино, то что ей может помешать и вовсе меня отравить, если она что-то заподозрит?

– Ванечка, иди завтракать!

– Не хочу!

– Как не хочешь?

– Не знаю, не хочу и все! Я сегодня попозже поеду!

– Ну, тогда я побегу, чтобы не опоздать с этими пробками.

Она чмокнула его в щеку и убежала. А он отправился на кухню и открыл посудомойку. Чувствуя себя героем детектива, он вытащил из машины два вчерашних бокала со следами красного вина. Посмотрел внимательно. На одном имелись явные следы губной помады. Он поставил его обратно, а второй бокал завернул в бумажное полотенце и сунул в кейс. Если она не вымыла бокал, значит, отравить меня она не собиралась. А только маленько усыпить... Да, Иван Алексеевич, умеешь ты устраиваться. Он сварил себе два яйца, сделал кофе, и с удовольствием позавтракал в одиночестве. Потом позвонил старинному приятелю, работавшему на Петровке 38.

- Здорово, Яша!
- Нешто сам господин продюсер? Чего вдруг?
- Яш, просьбочка! Мне интересно, есть ли у одной дамы криминальные наклонности.
- В чем дело-то?
- Давай не по телефону. Может, я заскочу на минутку?
- Что там у тебя?
- Бокал. Мне вчера дали бокал вина, и я почти сразу вырубился, да так, что ни хрена не помню. Дама мне какие-то небылицы плетет, а мне что-то слабо верится.
- Дама это твоя жена?
- Яша, я ничего такого не говорил!
- Да ладно, сам не дурак! Ты подъезжай, а я спущусь к тебе. Знаешь, где остановиться?
- Знаю, дружище!
- Яков Фейгель, работавший экспертом на Петровке, был его школьным другом еще по Новосибирску. В свое время именно Иван помог ему устроиться на Петровку. Они в силу разных обстоятельств встречались нечасто, но всегда очень душевно.
- Ох, Ванька, ты такой шикарный тип! – покачал головой старый друг, залезая к нему в машину.
- Яша, а ты часом не женился?
- Я уже три года назад женился! Лучше поздно, чем никогда! Видишь, какой я теперь аккуратный?
- Да уж, я бы даже сказал, элегантный!
- А я видал в соцсетях твою жену, такая запросто может отравить! – со смехом заявил Яша. – Ну, что там у тебя?
- Вот, – Иван достал из кейса завернутый в бумагу бокал. – Тебе ведь это не очень сложно будет?
- Как два пальца! Но ты все же расскажи, с чего вдруг такие подозрения?
- Иван рассказал.
- Элементарно, Верещагин! Дамочка хотела скрыть от тебя наличие не в меру горячего любовника.
- Вот и я так подумал. Видишь ли, Яша, я хочу от нее уйти, и понятия не имел, как ей об этом сказать...
- Понятно! Хорошо, Ванька, я все сделаю. И сразу тебе позвоню! Бокал надо возвращать?
- Да разбей его к чертям собачьим!

– С удовольствием! Все, до созвона!

Яша позвонил уже вечером. Иван был еще на работе.

– Ну что, Яшенька?

– Там таки было снотворное, очень сильное. Я тебя поздравляю! Дамочка, провернув такую операцию, вполне может на этом не остановиться! Будь начеку, дружище! Советую пустить за ней наружку, пусть застукают ее с любовником, и тогда у тебя будет карт-бланш или как говорит у нас один полковник «бланшированная карта»! Вань, тебе сбросить заключение?

– Сбрось на всякий случай!

– А хочешь, дам координаты одного нашего бывшего опера, который держит детективное агентство?

– Да нет, как-то тошно...

– Ох, Ваня, когда тошнит фигурально, это полбеды, а вот если начнет тошнить от подсыпанного ядку, может быть уже поздно.

– Да я сегодня же с ней разберусь, – вдруг вскипел Иван Алексеевич.

По дороге домой он еще накручивал себя. Как можно жить с женщиной, которую не просто не любишь, а еще и опасаясь? Опасаясь в буквальном смысле слова за собственную жизнь? И ведь какой спектакль разыграла! «Ванечка, любимый, ты превзошел самого себя»! Да уж, превзошел, по идиотизму, когда женился на ней...

Он позвонил в дверь. Ему открыла сияющая нежной улыбкой Дина.

– Любимый, ты сегодня не очень поздно.

– Да, я спешил!

– Ванечка, ты не в настроении? Пойдем скорее, покормлю, это ты от голода...

– Да нет уж, спасибо, сыт по горло!

– Что случилось?

– Случилось многое, слишком многое! И я подаю на развод!

– Что? – побелела Дина. – На развод?

– Да, ты не ослышалась – я подаю на развод!

– Ничего не понимаю! В чем дело? Вчера все было так... такая страсть...

– Что? Страсть? Ах ты паскуда! Страсть! Думаешь, я полный идиот? Подсыпала мне в вино снотворное, а утром рассказала сказочку про страсть? Интересно, с кем? Кто тебе эти синяки наставил? Хотя нет, мне это совершенно неинтересно! Собирай вещи и возвращайся к себе! Думаю, там

ты и давала своему пылкому любовнику! Ах ты дрянь такая!

– Ванечка, я не знала, что ты такой ревнивый! – кокетливо проговорила Дина.

– Я не ревнивый, я брезгливый и, вероятно, трусоватый, боюсь, знаешь ли, за свою жизнь, а вдруг отравишь?

– Ты что, с ума сошел?

– Поневоле сойдешь!

– Ваня, остынь! Что ты себе придумал? Что я подсыпала тебе в вино? Что за бред?

– Бред, говоришь? А вот и не бред! На, взгляни на заключение экспертизы с Петровки! Черным по белому написано, что в красное вино было добавлено снотворное, очень сильное снотворное!

– Экспертиза с Петровки? Ваня, не держи меня за дуру!

– Я тебя держу только за то, что ты есть. Корыстная лживая дрянь, еще и блядь в придачу, и к тому же дура, если думала, что я не догадаюсь. А я открыл посудомойку, обнаружил два бокала от красного вина, на одном были следы губной помады, значит, второй был мой, и я отвез его на Петровку, там работает мой старый друг, и вечером он прислал мне это заключение. Так что, дамочка, ваша карта бита! Как говорится, с вещами на выход! Даю час на сборы! Все!

Она упала перед ним на колени:

– Ваня, Ванечка, прости, бес попутал! Умоляю, не прогоняй меня! Я так тебя люблю! Да, я виновата, вот уж точно, бес попутал...

– Прекрати эту пошлую комедию! Встань немедленно! А я еще удивлялся, почему ты, совсем не бескорыстная баба, ни за что не хотела сдавать свою квартиру. Теперь мне все более чем ясно! Муж у тебя не молодой, видимо, постылый, а там тебя ублажал молодой кобель или целая свора кобелей, но мне на это наплевать, я никогда тебя не любил, но думал, стерпится-слюбится, а теперь ты мне просто омерзительна! – не своим голосом орал Верещагин, что вообще-то было ему несвойственно. Он был вне себя!

– Хорошо, я уйду! Но развода тебе не дам!

– Да не давай, мне плевать! Главное, что я тебя видеть не буду! Я сейчас уйду на час-полтора, и если к моему возвращению ты еще будешь здесь, я приму меры! И ты горько пожалеешь!

С этими словами он выбежал из квартиры. Сел в свою машину и поехал куда глаза глядят. Но вскоре ему захотелось есть. Он позвонил Глебу, но у того был заблокирован телефон. Странно! Тогда он позвонил Наташе.

– Ванька? Что-то случилось? – догадалась она.
– А где Глеб?
– В самолете. Летит в Токио.
– Ах да!
– У тебя что-то срочное?
– Нет. Хотя... Наташ, а ты сейчас очень занята?
– Аську спать укладываю. Хочешь приехать?
– Вообще-то я хотел позвать тебя поужинать где-то.
– Прости, не смогу, но ты приезжай, я тебя покормлю. Расскажешь, что там у тебя.
– Спасибо, Наташка! Ты настоящий друг!

– Ваня, что стряслось? – ахнула Наташа. Вид у Верещагина был какой-то вострепанный, он был сам на себя не похож.
– Наташка! – патетически воскликнул он и заключил ее в объятия.
– Пошли на кухню, покормлю! Выпить хочешь?
– Да я же за рулем!
– А ты или оставь тут машину, на такси вернешься, или сам оставайся тут. Но выпить тебе явно нужно! Виски? Коньяк?
– А водка есть?
– Как не быть! Борщ будешь?
– Все буду!
Он выпил две рюмки водки, выхлебал большую тарелку борща.
– Уф! Полегчало! Наташ, я выгнал Дину!
– Поздравляю! Давно пора! Но что тебя подвигло?
Он рассказал ей все.

– Фу, какая пакость! Я так и думала, чем-то подобным этот идиотский брак закончится! И хотя я не была знакома с Глебовой Людочкой, но чувствовала, что твоя Дина ей сродни. Смешно, что Глеб этого не заметил. Но, боюсь, она, как и Людмила, будет мстить! Да, кстати, если она все же уйдет, завтра же смени замки! Глеб в свое время не сменил, так Людмила пробралась в квартиру, понатыкала иголок куда только возможно...

– Каких иголок? Зачем?
– Ну, это что-то вроде проклятия, порчи... Даже в Аськиной комнате пошуровала. А твоя злыдня может и отраву в еду подбросить или какую-нибудь ядовитую гадость в квартире разбрызгать, черт ее знает, на что она способна. И вот еще, когда вернешься, выбрось всю еду, которую она могла отравить...
– Зачем теперь-то?

– Со злости! И потом, если ты помрешь до развода, она останется твоей единственной наследницей. Так что будь осторожен, Ванечка! Да, а что с Ясей? Ты нашел ее?

Иван расплылся в счастливой улыбке.

– Нашел! Она истинное чудо!

– Она не прогнала тебя?

– Нет! Знаешь, я таких еще не встречал... И она кормила меня клубникой со сметаной! Это так вкусно! Я раньше не пробовал...

– А где она?

– В Питере! Нашла там какую-то крохотную квартирнку, сняла и живет. Работает в какой-то богатой фирме переводчиком. А я, совершенно случайно, нашел ее отца...

– Как? – ахнула Наташа.

Иван рассказал.

– С ума сойти, какая интересная история! Но вы правильно решили. Пусть она думает, что отец ее ищет... Да, Ванечка, какая у тебя бурная жизнь в последнее время! Курицу с пюре будешь?

– Да нет, спасибо, наелся уже...

– Вань, скажи, ты намерен на Ясе жениться?

– Да я просто мечтаю об этом! Понимаешь, мне с ней, помимо всего прочего, уютно... Она такая теплая, нежная. Знаешь, что я подумал, когда первый раз проснулся с ней рядом? Хочу, чтобы она закрыла мне глаза, когда помру.

– Круто! Тогда дам один совет.

– Можешь быть уверена, я ему последую!

– Вань, не торопись!

– То есть?

– Разведись спокойно с Диной.

– Спокойно вряд ли получится.

– Неважно. Не стоит давать Дине в руки такие козыри, не надо, чтобы она знала о Ясе, она же может черт знает что устроить, как угодно напакостить ей. Не вздумай привозить сейчас Ясю в Москву, и сам не мотайся все время в Питер, чтобы не навести на след... Думаю, твоя Дина ни перед чем не остановится. Объясни все Ясе.

– Легко сказать...

– Хочешь, я ей все объясню?

– Еще не хватало!

– Заведи себе мобильник только для общения с Ясей и завтра же подавай на развод! Кстати, советую обратиться к Артуру. Он на

бракоразводных делах собаку съел!

– А в самом деле, это мысль!

– Хочешь, позвони ему сейчас и расскажи хотя бы в общих чертах...

– Прямо сейчас?

– Да, прямо сейчас! Связать тебя с ним?

– Валяй! – решился Иван. В самом деле, куй железо, пока горячо!

Наташа позвонила бывшему мужу.

– Артур, привет!

– Привет, что-то с Аськой? – испугался тот за дочку.

– Нет-нет, она уже спит. Скажи, ты не мог бы взяться за одно дело.

Иван Верещагин намерен развестись с женой.

– Возьмись, не вопрос.

– Только тут случай специфический, надо поторопиться.

– Хорошо, пусть завтра к девяти подъедет в контору.

– Спасибо, Артур!

– Не за что!

– Он согласился?

– Конечно! Завтра к девяти ждет тебя в конторе. Вот, я напишу адрес.

Кстати, это недалеко от тебя.

Иван взглянул на бумажку.

– Да это десять минут пешком от моего дома. Спасибо, Наташка! Я, пожалуй, поеду...

– Закажи такси! Оставь мне ключи от машины, я вызову водителя Глеба и он завтра подгонит твою машину к офису Артура.

– Господи, Наташка, какая ты деловая, я даже не думал!

– Раньше не была такой, это меня телевидение воспитало, – засмеялась Наташа. – Вызывай такси!

Машина пришла минут через двадцать. Наташа, выйдя в прихожую, сунула ему в руки какой-то пакет.

– Вот, возьми!

– Это что?

– Еда! С гарантией не отравленная. Утром позавтракаешь спокойно.

– Ну, ты даешь! – растрогался Иван.

– Ни пуха тебе, ни пера, Ванечка!

– К черту!

Когда он вернулся домой, Дины и след простыл. Он сразу пошел на кухню, открыл холодильник и выкинул все, что можно было бы отравить. Прюделав это, он сунул в холодильник то, что дала ему Наташа, и тут

заметил, что исчезла недавно привезенная ему в подарок из Астрахани поллитровая банка черной икры. Он расхохотался. С невероятным облегчением. Не забыла! Значит, не так уж была убита горем. Да какое там горе, просто дикая злость. Не выгорело у нее! Он зашел в спальню. Там пахло ее духами.

Он отправился к себе в кабинет и лег спать на диване. Спалось ему прекрасно. И снилась Яся.

...Утром, когда он завтракал, пришла Полина Яковлевна.

– Иван Алексеевич, что ж вы сами-то? А где Дина Григорьевна?

– А нет больше Дины Григорьевны и не будет. Я с ней развожусь!

– Слава тебе господи! – милая женщина перекрестилась. – Дали вы маху, Иван Алексеевич, с этой женитьбой!

– Сознаю свою дурость в полной мере. Но почему вы так решили?

– Ох, Иван Алексеевич, не знаю, что и сказать вам...

– Да уж скажите!

– Не любила она вас. Обманывала! Я сама слышала, как она говорила кому-то по телефону: «Ваня мой телок, всему верит, он как воск, из него что угодно вылепить можно, вот я и леплю...» Я как услышала, мне прямо дурно сделалось, думаю, как быть... Но встравать между женой и мужем последнее дело, я и смолчала. А еще один раз, когда вы в отъезде были, за ней какой-то мужик молодой приезжал на красной машине. Она с ним там целовалась. Я как раз мимо шла. Вот!

– Да бог с ней, ее в моей жизни больше нет. И, прошу вас, позвоните Николаю Игнатьевичу, пусть замки поменяет, чтобы она сюда войти не могла.

– Это правильно. Ой, Иван Алексеевич, а что это холодильник какой пустой? Это она все вывезла?

– Да, вероятно! – ему не хотелось рассказывать милой женщине идиотскую историю про возможное отравление.

– Надо же! Ну ладно бы икру прихватила... Вот гадина! – с удовольствием припечатала бывшую хозяйку Полина Яковлевна.

Артур внимательно выслушал Ивана. Спросил:

– Скажите, а можно будет получить официальное заключение экспертизы?

– Безусловно.

– Отлично! Пожалуйста, дайте мне координаты эксперта, я сам свяжусь с ним, так проще будет. Я полагаю, при наличии подобного

документа больших проблем у нас не возникнет. Сколько вы прожили в официальном браке?

– Меньше полугода.

– Значит, ни о каком совместно нажитом имуществе речь не идет. Она, возможно, будет претендовать на что-то...

– Если претензии будут разумные, я с удовольствием пойду ей навстречу, лишь бы скорее покончить с этим.

– Иван Алексеевич, вы вполне можете абсолютно ничего не давать ей, поверьте, такая экспертиза вполне может служить основанием для возбуждения уголовного дела. Сильное снотворное в вине... Покушение на убийство – вот как это можно квалифицировать.

– Нет, вряд ли она в тот момент хотела меня убить. Но дело не в том. Я готов заплатить ей некоторую сумму за... моральный ущерб.

– За моральный ущерб? – расхохотался адвокат.

– Ну да, девушка ошиблась в расчетах, разочаровалась...

– Дело, конечно, ваше, но если она не будет ничего требовать?

– Не будет? Я просто не рассматривал такой вариант, Артур Михайлович! Не та особа.

– Простите меня, Иван Алексеевич, за абсолютно непрофессиональный вопрос.

– Хотите спросить, какого черта я на ней женился?

– Именно!

– Помрачение рассудка на почве долгой холостяцкой жизни!

...Дина была в отчаянии. Надо же так глупо, так пошло проколоться! И потерять все! А он, как показало доигрывание, вовсе не так прост! Все прекрасно понял, просчитал. Это ж какой идиоткой надо быть, чтобы не вымыть бокал... Он казался таким простым, доверчивым... Да, а ведь простой и доверчивый никогда бы не достиг того, чего достиг Верещагин. Но я не верю, что это спроста – наверняка у него есть баба, и он до всей этой истории решил от меня избавиться, иначе не был бы так крут и непреклонен... Убирайся вон из моего дома! Надо же... На выход с вещами! Никогда ему этого не прощу! Он, конечно, наймет таких адвокатов, с которыми мне не справиться. Ну и пусть! Я все равно отомщу! Только не ему, это было бы слишком прозрачно, а, следовательно, опять глупо. Я отомщу его бабе. Узнаю и отомщу! И как мне вовремя не пришло в голову просто потихоньку избавиться от Верещагина, тогда я была бы законная наследница. Единственная! Сестра не в счет, она наследница второй очереди. А я первой! Но что ж теперь-то... Но жизнь я ему попорчу!

Я его недооценила... Дура, дура, дура! Но как узнать, есть у него баба или все же нет? Я ничего такого не замечала. В телефоне у него ничего подозрительного не было. А может и нет никого? Он же столько работает, мотается вечно по разным городам и странам... Может где и переспал с кем-то, но это же несерьезно. Нет, для начала надо все-таки дать ему остыть, а потом повиниться во всем. Повинную голову меч не сечет... вроде бы. Я же была ему хорошей женой. Хозяйство всегда было в образцовом порядке, в постели я его ублажала как могла и он вроде бы был доволен. Ни разу не сослалась на усталость или головную боль. Черт возьми, попытка не пытка... Кажется, я знаю, как к нему подступиться...

В дверь позвонили.

– Кто там? – спросила Полина Яковлевна.

– Полина Яковлевна, откройте, пожалуйста, это Дина Григорьевна.

– А что вы хотите? – из-за двери осведомилась домработница.

– Я просто хотела вернуть одну вещь, я ее прихватила в запарке! – кипя от злости, но очень смиренным голосом проговорила Дина. Вот сволочная старуха, держит меня на площадке!

– Это какую вещь?

– Полина Яковлевна, откройте, прошу вас!

Та завозилась с замком.

– Здравствуйте, Полина Яковлевна! Я, уходя, была в таком состоянии, что просто со злости прихватила... вот, банку икры... Это же подарили Ивану Алексеевичу... Возьмите, пожалуйста...

Полина Яковлевна нерешительно взяла у нее из рук банку.

– Спасибо! Я пойду! Всего вам доброго!

– И вам здоровьичка!

Дина ушла. И вдруг ей в голову пришло, что он может решить, будто я эту икру отравила. Он ее есть по-любому не станет. Или просто выбросит или отдаст на экспертизу... Это ж надо, совсем у меня мозги отшибло! Да лучше б я сама эту икру съела... Что это со мной? Я ведь так тонко и так долго охотилась на Верещагина, так все умело делала и вдруг... Расслабилась от достигнутой победы? Решила, что он уже навсегда у меня в кармане? И совершенно сдурела. Да он же ко всему прочему только посмеется над этим моим демаршем. И будет прав. Нет, надо охолонуть... Привести в порядок мысли и чувства, а уж потом действовать. Но все-таки надо попытаться все вернуть. Хотя нет, не выйдет. Он совершенно меня не любит. Вот интересно, а есть та, кого он любит? Ведь поначалу он совсем иначе ко мне относился... И когда произошел перелом? А ведь он был, этот

перелом... А я в своей эйфории прозевала момент. Помнится, в Новый год он слегка запал на эту корову Зорьку, как я ее называла... Но ведь с Нового года до свадьбы прошло больше полутора месяцев, и если б он так уж ею увлекся, он бы ни за что на мне не женился. И ведь какой дивный свадебный подарок мне выбрал, такой шикарный рубиновый с брюликами гарнитур... Значит, вряд ли это Яся... К тому же кто-то говорил, что она вообще уехала из Москвы, вроде даже вернулась к заграничному мужу... Нет, похоже, она тут ни при чем. А кто? А что если и нет никакой бабы? А просто он закоренелый холостяк, не выдержал семейной жизни и только ждал предлога, который я, идиотка, ему и предоставила. Да, похоже, во всем виноват этот кретин Филя. Любовник он фантастический, где там Ивану в его сорок восемь, но... Разве можно так распалиться, когда спишь с замужней женщиной. Но что взять с фитнес-тренера! Вот и выходит, что и мстить некому... И виниться глупо... А может связаться с его сестрой, она ко мне хорошо относится, упасть ей в ножки, наврать с три короба, пусть повлияет на брата... Нет, никогда она не примет мою сторону, ни за что! И что ж мне теперь, вешаться? Нет. Надо просто затаиться и посмотреть, как будут развиваться события. Не возникнет ли в ближайшее время какая-нибудь бабенка? И в зависимости от того, что это за персонаж, можно будет подумать о мести. И время пройдет, и никто на меня не подумает. Только нельзя сгоряча ничего делать, а то я поспешила, и уж так насмешила... Прежде всего себя. Потерять такого мужа... Больше такого не найти...

* * *

Господи, как я по нему скучаю! – думала Яся, возвращаясь в свою крохотную квартирку. Как тут пусто без него! Он большой, он как-то сразу заполняет собой все пространство... и квартиры и моей жизни. С ним хорошо, уютно, спокойно и весело. С ним я чувствую себя защищенной, впервые в жизни, и я люблю его. Он сильный, умный, образованный, с ним ни секунды не бывает скучно... и он говорит столько хороших слов, сколько я в жизни не слышала в свой адрес. И он так чувствует меня... Я тут вдруг решила заняться собой, пошла в фитнес-клуб... А когда сказала об этом ему, он вдруг рассмеялся. И сказал: «Яська, только не вздумай худеть! Я не хочу!» А потом вдруг прислал мне абонемент в бассейн. И написал: «Плавай, моя рыбка! Но не худей!» Он любит меня такой, какая я есть. Только вот в последнее время редко приезжает... Говорит, занят безбожно... И намекнул, что подал на развод. Неужто и вправду

разведется? Милый мой Верещагин! Я вовсе не мечтаю о браке, мне лишь бы ты хоть изредка заполнял собою все мое пространство! Мне тогда так хорошо бывает, что о большем и мечтать не хочется!

– Ярослава, тебя к телефону! – сказала Светлана.

Странно, подумала Яся, мне никогда не звонят по телефону фирмы.

– Алло!

– Извините, это госпожа Иноземцева? – спросил мягкий мужской голос.

– Да, это я, – почему-то испугалась Яся.

– Ярослава Ярославовна?

– Совершенно верно.

– Ох, знаете, трудно начать... Ярослава, я некоторым образом ваш брат...

– Брат? Какой брат? У меня нет братьев!

– Я ваш брат, младший брат по отцу...

– Что? – задохнулась вдруг Яся.

– Ну да, в это, вероятно, трудно поверить, но наш отец Ярослав Ярославович, он давно разыскивал вас... даже нанял детектива, и вот... я вам звоню... Меня зовут Константин, Костя... Отец сам не смог приехать, он заболел, он был так взволнован тем, что вы нашлись... Он не... Короче, он в больнице, и прислал меня. Может, я... может, надо было вас как-то подготовить... Алло, вы меня слышите?

– Да. Слышу. Но это все невероятно!

– Ярослава, давайте встретимся где-то, я все вам расскажу... Об отце, у нас есть еще один брат, Федор, он остался с отцом...

– Хорошо, давайте встретимся, только где?

– Давайте у Казанского собора, я остановился у товарища, он живет на Казанской улице, а то я плохо ориентируюсь в Питере. Когда вы сможете?

– Я попробую отпроситься с работы. Через час, раньше могу не успеть... Но как мы узнаем друг друга?

– Думаю, я вас узнаю, я видел ваше фото.

– Где?

– ...А у детектива, который вас нашел!

– Ну, хорошо. Я буду!

Ее всю трясло.

– Яська, что? – сочувственно глядя на ее побелевшее лицо, на котором ясно обозначились веснушки, спросила Женя, проходившая мимо. – Что-то случилось? Плохое?

– Я не знаю... Кажется, нашелся мой отец...

– Ты его искала?

– Нет. Он меня... Звонил мой брат... Они меня искали через детектива... Как в кино...

– Яська, милая, но это же здорово! Чего ты так дрожишь?

– Мне... мне страшно!

– Страшно? Да, я понимаю. Но все равно, надо идти. Собирайся, я поговорю с начальством, не волнуйся. Только подкрасься немножко. Идем, я помогу, а то у тебя руки трясутся. Где встречаешься с отцом?

– Не с отцом, с братом, отец от волнения заболел. Там есть еще один брат... Господи, с ума сойти...

– Да уж, история не для слабых.

– Я никогда даже не думала...

Женя аккуратно подкрасила ей ресницы, чуть мазнула щеки румянами.

– Ну вот, уже похожа на человека. И возьми такси! Хочешь, вызову?

– Да, Женечка, спасибо!

В результате она приехала на пятнадцать минут раньше назначенного часа. Ноги ее не держали и она присела на лавочку.

Интересно, зачем вдруг отец начал меня разыскивать? Мать о нем такого наговорила...

– Простите, вы Ярослава?

Перед ней стоял молодой человек среднего роста с удивительно приятным интеллигентным лицом.

Она вскочила.

– Да, а вы Костя?

– Ну да! Привет, сестренка!

Улыбка у него была на редкость обаятельная.

– Костя, простите, я сяду, меня что-то ноги не держат.

– Ну, конечно!

Он сел рядом.

– Вот какая у меня сестренка чудесная! Ну, давай что ли перейдем на ты, все-таки не чужие люди, и познакомимся наконец. Для начала я представляюсь – Константин Ярославович Иноземцев, кандидат технических наук, холост, мама наша умерла два года назад...

– А, поняла... А я...

– Про тебя мы все знаем, что была замужем в загранке, свалила от мужа, филолог... Все так?

– Да, все так.

– Слушай, тут за Казанским собором есть недурное кафе, пошли туда,

когда сидишь друг против друга как-то легче разговаривать, чем на лавочке. Согласна? И не волнуйся, я буду тебя держать!

– Да, спасибо.

Он протянул руку, помог ей подняться, потом взял под руку.

– Скажи, Костя, а отец... Он вообще кто?

– В каком смысле?

– Ну, по профессии?

– А! Папа замечательный врач, доктор наук, заведует отделением в военном госпитале.

– Здесь, в Питере?

– Нет, в Новосибирске.

Они пришли в симпатичное уличное кафе, сели на увитой зеленью веранде.

– Ты голодная?

– Нет.

– Кофе будешь?

– Да, спасибо. И еще круассан.

– О, отличный выбор. Я возьму то же.

– Костя, скажи, а отец... он когда-нибудь сидел в тюрьме?

– В тюрьме? Нет. О, я понял! Отец предупреждал, что твоя мать, вероятно, наговорила тебе о нем невесть чего! Значит, по ее версии, отец матерый уголовник? – улыбнулся Костя.

По щекам Ярославы покатались крупные слезы.

– Костя, Костя, что он ей сделал?

– Я не знаю, честно.

– За что же она так со мной? Она не любила меня и внушала мне страх перед отцом... отвращение и ужас... Но я не очень верила...

– А она вообще нормальная, твоя мать?

– Да не знаю я... То есть мать она совершенно ненормальная, а вот как насчет ее душевного здоровья... я не знаю, и знать не хочу! Она сделала из меня сироту при живых родителях... Ненавижу!

– А вот ненавидеть никого не нужно! Ненависть разрушает ненавидящего! Ты лучше просто забудь о ней! Теперь у тебя есть отец и два брата.

– Скажи, Костя, а отец что-то говорил о ней?

– В общих чертах. Говорил, что как совсем молодой врач мало зарабатывал, она его сживала со свету за это, что, забеременев, хотела сделать аборт, а он ей не позволил, говорил, если Бог дает детей, он дает и на детей, а после родов вообще его возненавидела, а потом нашла какого-то

богатого. Отец хотел забрать тебя и уйти, а она не отдала, а когда он попытался как-то повлиять на нее, пригрозила, что посадит его, если он не уберется. Что вышла замуж за того, богатого... Да, еще он говорил, что она всегда придавала огромное значение внешним приличиям. Боялась осуждения даже чужих людей...

– О да! С внешней стороны у нас все было вроде бы вполне прилично. Правда, в какой-то момент она меня спланировала в интернат, но через год забрала, подруги ее осудили... А сейчас, видно, уже и подруг не осталось, потому что она меня выгнала взащей, когда я вернулась в Москву.

– Не думай об этом. Это все уже в прошлом, сестренка! Мы с тобой!

И он ласково пожал ей руку. Она разрыдалась.

– Перестань! Все теперь будет отлично! Да, еще папа говорил, что твоя мамаша была чрезвычайно привлекательна по-женски. Ты, видимо, в нее!

– Спасибо! Спасибо, Костя, братишка! Да, скажи, а что с отцом, что-то серьезное?

– Приступ стенокардии. Он все равно хотел лететь, но врачи не разрешили. Я обещал, что привезу тебя. Сможешь взять отпуск на недельку?

– Я постараюсь!

– Да, сестренка, постарайся! Мы могли бы полететь в пятницу...

– Знаешь, на неделю никак не получится! – сообщила Яся. – В среду приезжает делегация из Бельгии, я буду нужна...

– Но с пятницы до вторника...

– Да, смогу! – обрадовалась Яся. – Все, Костя, не хочу больше говорить о матери!

– Не будем!

– А кто была ваша мама?

– Мама? Она была концертмейстером в Новосибирском оперном театре, но потом у нее начался жестокий артрит и она уже не могла играть. Это была трагедия, но мама справилась и стала вести кулинарные курсы, потом они стали называться «Студия «Гурман» и пользовались в Новосибирске бешеной популярностью. Мама замечательно готовила...

– А твой брат?

– Наш брат! – поправил ее с улыбкой Костя.

– Ну да, наш брат?

– А Федька архитектор. Говорят, талантливый! Так что филологов нам как раз и не хватало для полноты картины! Ох, сестренка, я так рад... Знаешь, я когда летел сюда, боялся, честно говоря.

– Чего боялся? Что я окажусь какой-нибудь тварью, или мымрой?

– Я не формулировал, просто опасался, вдруг ты мне не понравишься...

– Из этого следует, что я тебе понравилась?

– Еще как!

– А я тоже боялась... Просто у меня было куда меньше времени на страхи, – улыбнулась Яся. – Знаешь, я в детстве мечтала о старшем брате, как все девчонки, наверное... Но два младших брата это тоже круто!

– А два младших вполне заменят тебе одного старшего. Мы не дадим тебя в обиду! Ты можешь всегда рассчитывать на нас!

И он ласково пожал ей руку.

Она опять заплакала.

– Ну вот... Что вы за народ, женщины, плачете по любому поводу. На вот, возьми салфетку, а то у тебя краска с ресниц потекла...

– Ой, в самом деле! Костя, а сколько тебе лет?

– Двадцать восемь. А Федьке двадцать шесть.

Они пробыли вместе до позднего вечера, все говорили и говорили.

– Костя, прости, не могу пригласить тебя к себе, мне просто негде тебя положить...

– Да боже сохрани, я остановился у старого друга, у него двухкомнатная квартира. Ты завтра работаешь?

– Увы! И не смогу отпроситься.

– Но в пятницу мы летим?

– Обязательно!

– Я возьму билеты. Только дай мне свой паспорт, я сфотографирую его.

– Думаешь, по фотографии дадут?

– Попробую, а нет, позвоню и подскочу к тебе на работу.

– Послушай, давай лучше ты подсакивай ко мне в обеденный перерыв, у нас там рядом есть авиакасса!

– Отлично, заодно и пообедаем вместе.

Он проводил ее до дома.

– Неохота с тобой расставаться... Надо же! Но это так здорово, что ты такая...

И он расцеловал ее в обе щеки.

– Костенька, я так счастлива...

Ее распирало от радости. Захотелось немедленно сообщить Верещагину, поделиться с ним своим счастьем. Она набрала его номер, хотя старалась не звонить ему, боялась показаться навязчивой.

– Алло, родная! – откликнулся он. – Как ты, солнышко мое?
– Верещагин, со мной такое случилось!
– Судя по голосу что-то хорошее?
– Меня нашел мой отец!
– Да ты что! Каким образом?
– Мне позвонил мой брат, у меня, оказывается, есть два брата... Он приехал со мной познакомиться...

– Брат? А отец?
– Отец от волнения захворал. Этот брат, Константин, Костя, он такой чудесный... И в пятницу я лечу с ним в Новосибирск, они, оказывается, живут в Новосибирске!

Она так искренне ликовала... А Иван Алексеевич был счастлив. Ай да Ванька, ай да сукин сын! Когда разговор окончился, он хотел тут же позвонить сестре, но вспомнил о разнице во времени. Ничего, утром позвоню. Пусть напомним семейству Иноземцевых, чтобы не проболтались о том, что инициатором был я. Пусть бедолажка думает, что была нужна своему отцу. Хотя, похоже, она и в самом деле нужна, если не отцу, то хотя бы старшему из братьев. Судя по ее словам, она от него в восторге. Вот и чудесно. Пусть радуется, девочка моя!

Когда самолет приземлился в Новосибирске, сердце у Яси выскакивало из груди.

– Волнуешься? – сжал ей руку брат.
– Ужасно! Куда мы сейчас?
– Домой. Папа уже дома и ждет тебя. Я говорил с ним, рассказал, какая у него замечательная дочка...

Костя достал было ключ от квартиры, но потом решительно нажал на кнопку звонка.

– Так эффектной, – улыбнулся он.
Дверь распахнулась. На пороге стоял пожилой мужчина в больших роговых очках.

– Яшенька, деточка! – он тянул к ней руки и растерянно улыбался. – Боже мой, неужто это сбылось?

А она застыла. Не могла произнести ни слова.

– Вот, сестренка, это наш папа! Ну, что ж ты...

Отец подошел поближе и нерешительно обнял дочь. А Яся подняла к нему глаза...

– Спасибо... – с трудом ворочая пересохшим языком, проговорила

она. – Спасибо, что нашли...

И вдруг пошатнулась и потеряла сознание. Не упала только потому, что отец держал ее и Костя тут же перехватил.

– Папа, что с ней?

– Это от волнения... Костя, уложи ее на диван!

Отец пощупал у нее пульс.

– Дай мне тонометр! – распорядился доктор Иноземцев. – Ну что это, – огорченно проговорил он. – Давление чрезвычайно низкое. Ничего, я сейчас!

Он достал из шкафа какую-то ампулу, шприц и сделал укол.

– Папа, это опасно?

– Да нет, просто она перенервничала. Сейчас придет в себя. О, вот и глазки открыла... Детка, как ты себя чувствуешь?

– Что случилось? Почему я лежу?

– Да ты в обморок хлопнулась! – радостно сообщил ей незнакомый парень, очевидно, Федор. – Костя едва успел тебя поймать, а то упала бы, стукнулась башкой об угол шкафа, кровячки было бы...

– Федька, заткнись! – потребовал старший брат.

– Детка, какое у тебя рабочее давление?

– Понятия не имею.

– Так! Обмороки бывают?

– Первый раз в жизни! Простите, я...

– Тебе совершенно не за что просить прощения. Ничего, полежишь полчаса и все пройдет. А я тут тебя понаблюдаю, ты же попала в дом врача, теперь придется обследоваться. Завтра поедем в госпиталь...

– Ой, не надо, ради бога!

– Надо, дочка, надо! А что это глазки слезами наливаются? Так врачей боишься?

– Нет, просто... Я не верю себе... Это вы... папа.

– Я! Папа! Только не вы, а ты! Папа, ты! Повторяй за мной: папа!

– Папа!

– Папочка, ты старый дурак! Тебе нет прощения!

– Да что вы такое говорите? – ахнула Яся.

– Костя, Федя, марш на кухню готовить ужин! – распорядился отец.

Молодые люди послушно удалились.

– Просто я должен просить у тебя прощения, но боюсь и не люблю излишнего пафоса, а ситуация требует, сама понимаешь... Я был молодой совсем, в возрасте Федьки, и, честно сказать, струхнул, когда твоя мамаша пригрозила мне тюрьмой. Дело в том, что я поверил ей. Она была способна

на все. И я предал своего ребенка. Она говорила тебе, что я какой-то монстр?

– Да, что вы... уголовник, убийца...

– Господи, зачем ей это было?

– Она хотела, чтобы я считала отцом ее очередного мужа. Я ведь вас совсем не помнила... А мужей у нее было... много... Только никто ее характера не выдерживал. Один ее муж, дядя Леня, он жалел меня, и даже предложил, что отвезет меня к своей маме в город Лебедянь. И мне так хотелось поехать в эту самую Лебедянь... Дядя Леня рассказывал, что там у его мамы сад, где цветет сирень и растут какие-то невероятно вкусные яблоки. Он привозил оттуда роскошную клубнику и действительно потрясающие яблоки. Помню, он привез как-то целый мешок этих яблок. Боже, как они пахли! На всю квартиру... Но мать меня не отпустила. А я так мечтала поехать в эту Лебедянь...

– И теперь еще хочешь? – ласково улыбнулся отец.

– Да нет, перехотела. Просто я с тех пор, когда мне очень хорошо бывает, про себя говорю: «Сплошная лебедянь». Это такой синоним кайфа... Вот сейчас у меня... лебедянь...

– Деточка моя! И у меня сейчас тоже... лебедянь! Я нашел свою детку, хоть она уже совсем большая. Но все равно – лучше поздно, чем никогда! Знаешь, я не стану врать, говорить, что все эти годы я мучился мыслями о тебе. Нет. Жизнь так иной раз крутит, где там о старых грехах думать, но когда несколько лет назад я очень тяжело заболел, думал, умру, я отчетливо понял – это мне за Яську, и с тех пор мысли о тебе то и дело возвращались...

– А я считала, что совсем одна на свете. А теперь... С ума сойти...

– Постой, а разве у тебя нет... любимого мужчины?

– Есть. Но он в Москве, я в Питере и вообще я ни в чем не уверена...

– Ты любишь его?

– О да, люблю.

– И он тебя очень любит... – начал было отец, но вспомнил о предупреждении Верещагина и прикусил язык.

– Почему вы так думаете?

– Потому что ты совершеннейшая прелесть! – выкрутился он. Ох, господи, как тяжело врать даже с благими целями!

В комнату заглянул Федор.

– Ну, как тут кисейные барышни? Отошли от обморока? Там Костян такой ужин забацал! Слюнки текут! Давай, сеструха, подымайся! Пошли, тебе надо подкрепиться, правда, пап?

– Правда, правда! Пошли, дочка! Костя и впрямь отменный кулинар. Это у него наследственное, от матери.

– А ты, сестренка, готовить умеешь?

– Умею, но обыкновенно, без изысков.

Она сидела за столом, ела действительно что-то очень вкусное и думала: для полной лебедяни за этим столом не хватает только Верещагина. Но и так чудесно... Чудесно от слова «чудо», со мной случилось истинное чудо. У меня есть отец и два брата, и все, я чувствую, мне искренне рады... Никакой фальши...

– Слушай, сеструха, а тебе никто не говорил, что ты похожа на Жанну Самари? – спросил Федор.

– Говорили, сколько раз...

– Значит, я не оригинален? Жаль!

Дела так закрутили Ивана Алексеевича, что почти не оставалось времени на мысли о любви. На выходные ему пришлось лететь в Испанию, но и там времени ни на что не было, а так хотелось купить какой-нибудь подарок Ясе. Ничего, куплю в аэропорту, решил он. Но что? Какое-то украшение? Нет, мысль об этом отравляло воспоминание о выборе подарков для Дины. Тьфу! Он специально приехал в аэропорт с солидным запасом времени. И купил Ясе дивной красоты черную кружевную мантилью, она придумает, как приспособить ее к себе, а еще веер и черепаховый гребень. Купив все это, он вдруг подумал: фигня какая-то, на маскарад разве что... Я идиот... Разозлившись на себя, он пошел бродить и набрел на книжную лавку. Заглянул и вдруг ахнул. Там оказался прилавок, где торговали репродукциями. Среди прочего там имелся и портрет Жанны Самари. Роскошная и очень дорогая репродукция сравнительно небольшого формата. Разумеется, он тут же купил ее. Повешу на работе, и ни одна собака не заподозрит, что это портрет моей Яськи! Но неудовлетворенность от покупки подарков для нее все точила его. Купить ей что ли духи? А если я промахнусь? И вдруг его осенило! Часы! Я куплю ей хорошие швейцарские часы, у нее какие-то совершенно ерундовые на уже потертом кожаном ремешке. Он страшно обрадовался и побежал в магазин часов. Уж в чем в чем, а в часах он разбирался! В результате были куплены прелестные часы «Патек Филипп» очень современного и изысканного дизайна, разумеется, золотые. Вот теперь можно спокойно выпить кофе, до объявления посадки еще больше получаса. Он пил кофе и мечтал о Ясе. Как она удивится, как обрадуется... Девочка моя, чудо мое, как мне хочется надеть тебе на руку эти часики... и снять с тебя все остальное! Маленькая

моя, она сейчас в Новосибирске, у отца и братьев и, наверное, счастлива... Они все явно хорошие люди. А может, махнуть завтра в Новосибирск? Нет, не нужно. Как говорится, мухи отдельно, котлеты отдельно... Надо поскорее развестись. Этот бывший Наташкин муж очень дельный адвокат. Ох, как вспомню свой идиотский брак, тошно делается...

* * *

Яся никак не могла уснуть, ворочалась с боку на бок. Она была счастлива, но ее мучила тоска по Ивану. Как он там? Он написал, что летит в Испанию... по делам. Он хоть вспоминает там обо мне? Нет, нельзя мне о нем мечтать, нельзя! Не может в моей жизни так быть, чтобы и Верещагин, и отец с братьями. Наверняка не может! Отец меня искал, он так рад мне... И братья тоже вроде бы рады, и это такое счастье – родные люди! И чтобы еще Верещагин, такой великолепный, такой роскошный... Да, я ему глянулась... Может, даже он в меня влюбился... Но это так... ненадолго... Видимо, я в корне отличаюсь от тех женщин, с которыми он обычно имеет дело, так сказать, свежее впечатление. Но в общем и целом я совершенно ему не подхожу, и в один прекрасный день он просто исчезнет с моего горизонта, а я гордая, я не стану навязываться ему... И что в итоге? А ничего! Ни-че-го! Ведь если б я была ему по-настоящему нужна, он бы уже давно примчался за мной и увез бы в Москву. А так... Он просто развлекается... И нельзя иметь все... Зато у меня теперь есть семья... А может надо взять и переехать в Новосибирск? Нет, ни в коем случае. Надо жить самостоятельно, ни от кого не зависеть, никому не навязываться, не надоедать. И, главное, быть готовой к тому, что Верещагина нет в моей жизни. Ох, какой ужас... Нет, пока он есть, буду радоваться, но надо быть готовой... И скоро, возможно, вернется Борис... Надо же, он тоже военный врач, как и отец, им всегда будет о чем поговорить... А о чем говорить с крутым телевизионщиком военному врачу? Ей захотелось завывать, но не выть же в чужом доме, в самом-то деле! А дома уж точно завывала бы. Дома! Разве есть у меня свой дом? Нету! И так ей стало жалко себя, что она заплакала.

– Что с тобой, детка? – перепугался отец, когда она вышла утром на кухню. – Ты заболела? – он схватил ее руку, нащупал пульс.

– Нет, я просто плохо спала, перенервничала наверно.

– У тебя давление, похоже, высокое. Сейчас померяем. Так, это никуда

не годится! Вчера пониженное, сегодня очень повышенное. Для тебя характерны такие скачки давления?

– Папочка, я не знаю, я сроду его не меряю...

– Ты сказала «папочка»? Как приятно! Ты голодная?

– Да нет, спасибо.

– Сейчас позавтракаем, мальчишек нет. Они поехали на рынок! Федька потом поедет к своей девушке и привезет ее к нам на обед. Вот, прими-ка эту таблетку. Без разговоров. И кофе я тебе не дам.

– А я по утрам и не пью кофе.

– А что ты пьешь?

– Утром кипяток.

– Очень правильно, между прочим. Овсянку будешь?

– С удовольствием! А что за девушка у Феде?

– Хорошая. Хорошенькая и неглупая, работает в каком-то журнале художником. Из приличной семьи. Я бы хотел, чтобы Федор на ней женился...

– А у Кости есть девушка?

– У Кости полно девушек, но какой-то одной нет и это меня огорчает.

– Ничего, еще не вечер!

– Когда будет вечер, будет уже поздно!

– Ничего, любви все возрасты покорны!

– Ну, поглядим! А после завтрака мы с тобой пойдем немножко погуляем, тут недалеко большой парк. Ты как насчет пеших прогулок?

– Очень люблю!

– Скажи мне, детка, почему ты ушла от мужа?

– Да ну, папа, мне неохота о нем говорить.

– Ну как хочешь. А кто твой любимый человек? Ты прости мне мое любопытство. Я хочу все о тебе знать!

– Спасибо, папа, это так приятно... Он... крутой телевизионщик... И намного старше меня. Ох, я только сейчас сообразила, он ведь родом из Новосибирска... Иван Верещагин, знаете такого?

– Детка, Новосибирск большой город и к тому же я-то родом из Москвы.

– Ну да, ну да... А вы не скучаете по Москве?

– Да нет, я привык.

– Давно там были?

– Года три назад.

– Москва так преобразилась... Но я совершенно влюбилась в Питер! Я довольно много видела, но, по-моему, красивее Петербурга города просто

нет...

– Да? А я не люблю его.

– Почему? – ахнула Яся.

– Там так сыро... Я плохо себя чувствую там. Хотя не могу не признать, красивый город. Но не мой.

– Ну надо же...

– Дай-ка мне руку, я пульс пощупаю... Ну вот, сейчас вроде все в норме. Ну, а замуж ты собираешься за своего телевизионщика?

– Замуж? Ох нет, что вы... Я ему не пара!

– Это он так считает или ты?

– Я не знаю, как он считает, мы с ним живем в разных измерениях. Он увлекся мной, может даже влюбился... Говорит, что разводится с женой... Но ведь в его кругу такие как я не котируются...

– Это какие же там не котируются? Умные, красивые, очаровательные? – взвился доктор Иноземцев. – Что за глупости! Поверь, ты восхитительная женщина!

– Спасибо, папочка! Но только...

– Откуда эти идиотские комплексы? Впрочем, понятно, от твоей мамочки! И чтобы я больше такой чепухи не слышал! Если он тебя действительно любит, ему должно быть совершенно безразлично мнение окружающих. Совершенно! Вот что, детка, я хочу с ним познакомиться. И если он захочет сделать тебе предложение, пусть приедет сюда и просит у меня твоей руки! – кипятился отец.

– Папочка! – растрогалась Яся. – Папочка! Я думала, мне будет трудно с вами, а мне так легко и хорошо, полная лебедянь!

Бедная моя девочка, думал доктор Иноземцев, как жаль, что я не могу сказать тебе, как тебя любит этот уже немолодой мужик, как у него загораются глаза, когда он говорит о тебе. Завтра же зайду в храм и поставлю свечку за здоровье раба божия Ивана. И я хочу, чтобы он был моим зятем, мало того, что он вернул мне дочь и эта дочь так радует меня, но ведь именно в заботе о ней он потребовал от меня этой лжи. Вот уж воистину – ложь во спасение!

* * *

– Да, Динка, какая же ты дура! – покачала головой двоюродная сестра Вера, приехавшая в Москву, как она выражалась, «на побывку» из Канады. – Потерять такого мужа! Зачем надо было городить такой огород

из-за нескольких синяков? Впрочем, ты всегда обожала всякие идиотские представления. И что теперь?

– Если б я знала! Я денно и ночью клянусь себя.

– А ты пробовала просить прощения, виниться, бить себя пяткой в грудь?

– Попыталась. Бесполезно. Он даже и слушать меня не стал.

– Попробуй еще!

– Да нет... Унижаться перед этим дураком...

– Не такой уж он дурак, сразу раскусил твою игру. Неужто не могла потерпеть хотя бы годик? Или сколько там по вашим законам надо прожить, чтобы иметь право хоть на что-то? Он что, импотент?

– Да нет, он вполне еще... Просто этот Филя такой секс-гигант... Ничего подобного в жизни не встречала...

– Тьфу, дура!

– Верка, ну подумай, как я могу ему отомстить?

– Филе? – иронически улыбнулась кузина.

– Еще чего! Ивану!

– А за что ты намерена ему мстить? За собственную дурость? Нет, Динка, теперь тебе остается только посыпать голову пеплом и кусать локти. А мысли о мести очередная дурь.

– А если дать жалостное интервью, допустим «Каравану историй»? Рассказать им всякие небылицы? Поди потом доказывай, что ты не верблюд?

– Совсем мозги отшибло? Да он тебя в порошок сотрет! По стенке размажет! Сиди уж, идиотка! И пока еще имеешь товарный вид, постарайся найти себе приличного мужа. И забудь уж об этой истории. О поражениях всегда лучше забыть, поверь мне! И, вот что, бери-ка отпуск, поедешь со мной в Канаду, развеешься, охолонешь, а то еще натворишь бед...

* * *

Яся вернулась в Питер счастливая. У нее теперь есть семья, отец и два брата! В это невозможно поверить, и тем не менее это правда!

– Ну что, подруга, вижу, сияешь! – встретила ее Женя. – После работы пойдем в кафе, все мне расскажешь!

– С радостью, Женечка!

И действительно, после работы обе женщины отправились в кафе.

– Ну, рассказывай!

Яся рассказала.

– И братья тоже радовались тебе?

– Да!

– Искренне?

– Ну да, а что?

– И не испугались, что ты оттяпаешь у них какой-то кусок наследства?

– Господи, Женька, что ты такое говоришь?

– Я просто хорошо знаю жизнь.

– Нет, Женечка, ты просто не понимаешь... Это нормальные интеллигентные люди, в высшей степени интеллигентные. И парни эти, братья мои, вполне крепко стоят на ногах. Думаю, такая хрень им даже в голову не пришла. Знаешь, я, как мне кажется, разбираюсь в людях, чувствую их, иной раз очень болезненно чувствую любое недоброжелательство. А там – ничего такого нет!

– Господи, неужели так бывает? – тяжело вздохнула Женя, у нее много лет шла война с родным братом, который пытался отнять у сестры домик под Гатчиной, по завещанию родителей разделенный пополам.

– Бывает, Женечка, бывает! – ликовала Яся.

– Рада за тебя! Ну, а что твой Верещагин?

– Звонит. Пишет.

И в этот момент он позвонил.

– Солнышко, ты где шляешься? Я приехал, а тебя дома нет!

– Ты где?

– Околачиваюсь возле твоего дома.

– Ой, я сейчас поймаю машину, я так соскучилась!

– Давай! Жду тебя в сквере!

– Верещагин прискакал?

– Прискакал! Прости, Женечка...

– Прощаю, так и быть!

Господи, неужели бывает столько счастья? Неужели я сейчас увижу его, обниму, прижмусь, вдохну его запах?

Как назло машина все время попадала в пробки. Яся уже вся извелась. Но вот, наконец, и сквер.

Верещагин с кучей каких-то пакетов сидел на лавочке. Она незаметно подобралась к нему сзади и закрыла глаза руками.

– Счастье мое! – задохнулся он. – Только я давно тебя засек и понял, что ты хочешь сделать... И мне почему-то это было ужасно приятно. Я дурак, да?

Она села с ним рядом и ткнула головой ему в плечо.

– Привет, Верещагин!

– Погоди, дай-ка я на тебя посмотрю! Выглядишь чудесно. Все у тебя хорошо, моя маленькая?

– Лучше и быть не может! И еще ты приехал. Вообще полная лебедянь!

– Лебедянь? – безмерно удивился он. Она ему про это не рассказывала. – Почему Лебедянь?

Пришлось рассказать. У него сердце зашло от жалости.

– А чего мы тут сидим? Имей в виду, я снял номер в «Европейской»...

– Господи, зачем?

– А захотелось! Я намерен провести с тобой эту ночь на нормальной хорошей кровати. Я уже старенький, у меня косточки болят после той акробатики, которой приходится заниматься в твоей келье!

– Дааа? – рассмеялась Яся. – Ты старенький? Косточки болят? Тогда спи один, и никакой акробатики!

– Сейчас тебе! Просто акробатика на широкой кровати куда приятнее! Только и всего!

Его зеленые глаза в пушистых ресницах светились таким молодым светом, он был так хорош сейчас, что Ясе стало страшно. Она на мгновение закрыла глаза и перевела дыхание.

– Ты чего, Яська, любимая?

– Ничего, Верещагин, все в порядке! Идем!

Едва они вошли в квартиру, как он сказал:

– Вот, взгляни, что я тебе привез из Испании!

– Что тут?

– Смотри сама!

– Ой, веер! Какой красивый! А это что, гребень? До чего эффектный... Я даже не знаю, как его носить. А это? Ох, мантилья, да? Ты решил сделать из меня Кармен? О, я знаю, как я ее приспособлю... Верещагин, ты намерен пригласить меня на ужин в «Европейской»?

– Безусловно!

– Я сейчас!

Она достала из узенького гардероба черное платье без рукавов, украшенное роскошным цветком собственного изготовления, и скрылась в ванной. Через несколько минут оттуда вышла совершенно другая, поистине великолепная женщина в черном платье с большим декольте, полуприкрытым испанским кружевом. Золотисто-рыжеватые кудрявые волосы были изящно заколоты испанским гребнем. Только он был вколот не сверху, а сбоку, что сразу исключало попытку «закоса под Кармен».

Верещагин ахнул.

– Яська, это ты? Нет, это другая женщина... Как красиво, как тебе идет!

– Ну что, не стыдно с такой пойти?

Он вскочил, схватил ее в объятия.

– Я просто схожу с ума!

– Верещагин, уймись! Тут все на живую нитку!

– Живая нитка намертво тебя ко мне пришила, или вернее, меня к тебе!

Значит, я угодил тебе своим подарком?

– Не то слово!

– А я решил, что купил какую-то чепуху... И, чтобы реабилитироваться, купил еще и это!

Он протягивал ей коробочку с часами.

– Это что? Цацки? – вдруг огорчилась она.

– Нет, часы!

– Часы? Это здорово! Ух ты, красивые какие! Надеюсь, не золотые?

– Именно золотые! А это разве плохо?

– Я... Верещагин, ну зачем?

– Что зачем? – недоумевал он.

– Зачем было покупать золотые?

– Прости, но я не понимаю...

– Пожалуйста, я прошу тебя, впредь, если ты захочешь мне что-то подарить, не надо золота, бриллиантов... Я не хочу!

– Почему?

– Я боюсь!

– Чего ты боишься?

– Боюсь, что ты... откупаешься от меня, платишь мне...

– Боже мой, какая же ты дуреха! – рассмеялся он. – Я просто... просто в часах я разбираюсь очень хорошо, а в украшениях совсем не разбираюсь. Вот и решил подарить тебе хорошие и, на мой взгляд, красивые часы, только и всего! И потом, ты же постоянно носишь золотые сережки, и тут нужны часы желтого металла, насколько я понимаю.

Она заплакала. Он испугался.

– Ну, чего ты реवेशь?

– Я от счастья... Ты такой... такой как надо... Не нувориш... Ты не стал мне говорить, что твоя женщина должна носить золото... и еще всякую такую чепуху.

– Значит, будешь носить часы?

– Буду. Надень мне их! Я не понимаю, тут какой-то сложный браслет...

– Когда я их покупал, то думал, как я хочу надеть на тебя эти часики и снять все остальное.

– Верещагин, перестань! – вдруг покраснела она. – А почему ты меня не спрашиваешь про отца?

– Собирался спросить, когда чуток успокоюсь. Когда сядем друг против друга...

– А!

– А ты подумала, что я забыл, чудачка?

– Ну мало ли... Хотя я понимаю, о таком надо говорить в спокойной обстановке. А тогда скажи мне, как там Наташа?

– Какая? Завьялова, что ли?

– Ну да. Она мне очень нравится.

– Ты ей, кстати, тоже. Она всегда о тебе спрашивает. А как твой хирург?

– Я не знаю. Он уехал и не подает о себе вестей.

– Слава богу!

– А ты ревнуешь?

– Да! Ревную! Я тебя ко всему свету ревную!

– А я тебя только к твоей жене!

– Так нет уже никакой жены! – воскликнул Иван Алексеевич. – Нету, понимаешь? И я не увожу тебя в Москву только потому, что мой адвокат посоветовал мне никак не афишировать пока наши с тобой отношения в целях твоей безопасности.

– Моей? – ахнула Яся.

– Именно!

– Я не понимаю...

– Я не рассказывал тебе... Хотел оградить... Там вышла такая история...

И он поведал ей всю историю разрыва с Диной.

– А я тут при чем?

– Просто Артур считает, что Дина способна на многое. Сейчас она пытается не дать мне развода. Но это чепуха. Хуже то, что она меня ненавидит, и вполне может причинить тебе вред, чтобы достать меня.

– Ох, как там все запущено...

– Если б ты не сбежала, я бы на ней не женился.

– Эту сказочку я уже слышала.

Между тем они приехали в «Европейскую».

– Пошли сразу в ресторан, а то если поднимемся в номер, уже и не

выйдем оттуда, а я хочу, чтобы все видели мою дивную женщину в черном. А знаешь, я в Мадридском аэропорту купил себе репродукцию «Жанны Самари» и повесил в кабинете.

– Дома?

– Нет, на работе. Кстати, Наташка зашла, увидела и расхохоталась. Ну, а теперь рассказывай про отца! У тебя есть его фотография?

– Есть! И его и братьев!

– Бравые парни! И отец такой славный. Он кто?

– Врач. Видимо, очень хороший врач...

– Тебе было трудно?

– То-то и оно, что нет! Мне сразу стало легко... Они меня так приняли... А кстати, папа про тебя спрашивал...

– Про меня? С какой стати?

– Он спросил, есть ли у меня... любимый человек... Я сказала, что есть.

– И это я?

– Верещагин, не придуривайся!

– Ладно, не буду! Ты извини, я тебя покину ненадолго!

Он встал и направился в туалет. А телефон оставил на столе. Он зазвонил. Яся невольно скосила глаза на дисплей. И увидела фамилию звонившего. «Иноземцев». Ее кинуло в жар. Что это? Однофамилец? Но кроме фамилии там высветился и номер. Это был телефон ее отца! Как это может быть? Что это значит? Ей стало страшно. Кто обманывает ее, отец или Верещагин? Похоже, оба... Но зачем? В дверях показался Иван, сияющий, счастливый. К нему кто-то подошел, видимо, знакомый. Он поговорил с ним минутку и направился к ней.

– Солнышко, Яська, что с тобой? – перепугался он.

Она была бледна как смерть, на верхней губе выступили капельки пота...

– Тебе плохо?

– Мне ужасно! Так плохо мне давно не было!

– Что случилось?

– У тебя зазвонил телефон... Я, разумеется, не брала его, не ответила, но краем глаза увидела, что это звонил...

– Кто?

– Мой отец. Если это мой отец вообще... Бога ради, скажи, что все это значит? Это ты... ты его нашел, да? А он вовсе не собирался меня искать? Я ему триста лет не нужна? А ты ему заплатил, чтобы я не огорчалась?

По щекам у нее катились слезы, губы дрожали, она была сейчас

совершенно некрасивая и такая несчастная...

– Прекрати чушь пороть! – тихо гаркнул он. – Сию минуту замолчи и дай мне сказать! Что ты тут себе напридумывала?

– А что ж ты... тут меня расспрашивал... и он про тебя? Откуда ты его знаешь?

– Выслушай меня спокойно и перестань реветь! Да, все было несколько иначе... Но я не думал, что запалюсь на такой ерунде, как забытый телефон, – он смущенно развел руками. – А теперь слушай! Ты же помнишь, я летал в Новосибирск к сестре, у которой попал в аварию муж?

– Он лежал в том госпитале, да?

– Да, именно! И как раз в отделении, которым заведует твой отец. Я просто увидел табличку на его двери: «Я. Я. Иноземцев». Неужто совпадение? Короче, я пошел к нему. Если б ты видела, как он обрадовался! Он чуть с ума не сошел от радости... И на другой день познакомил меня с сыновьями, они тоже обрадовались. Он сразу же рвался тебе звонить... Ну, я виноват... я же хотел как лучше... и все со мной согласились, что так для тебя будет лучше... Вот, собственно и все. Он прелестный человек, твой папа. А не искал он тебя... Он собирался... Но у него была муторная тяжелая жизнь, любимая жена, которую не хотелось огорчать... да мало ли... Он же не знал, какая ты прелесть, он мог думать, что ты пошла в свою мамашу... А кому такое счастье случилось? Но он так искренне обрадовался тому, что я ему рассказал! Так винил себя за то, что бросил тебя... Короче, солнышко мое, все у тебя хорошо, даже прекрасно! Можно сказать, сплошная лебедеянь!

– Ты мне не врешь?

– Клянусь тебе чем хочешь! А сейчас отправляйся в туалет, приведи в порядок лицо, а то на тебя смотреть больно. А я так люблю на тебя смотреть! Сейчас я позвоню твоему отцу и все расскажу! Давай-давай, иди с миром!

Она вскочила и вышла. Взглянув на себя в зеркало, она даже застонала! Ужас что за вид! Ресницы потекли, бледнущая, смотреть противно. А он ведь любит на меня смотреть! Если не врет... да нет, он особо врать не умеет. Умел бы, не прокололся бы так глупо.

Она вернулась минут через десять.

– Ну вот, совсем другое дело. А вообще, скажу я тебе, нельзя так не доверять близким. Ишь чего выдумала – я ее отцу заплатил... Уму непостижимо! А знаешь, зачем мне твой папенька звонил?

– Зачем? – испуганно спросила Яся.

– Сказать, что безумно тяготится этим враньем! Умолял меня все сказать тебе, ему стыдно выглядеть в твоих глазах лучше, чем он есть на самом деле...

– Правда? – просияла Яся.

– Чистейшая правда! А еще он сказал, что ты ему и его сыновьям безумно понравилась. Впрочем, я сейчас тебя с ним свяжу и он сам тебе все скажет! Алло, Ярослав Ярославович, да, пришла. Передаю трубку!

– Алло, Ясечка, детка моя, ты прости, и ради бога ни в чем не сомневайся! Я действительно счастлив вновь обрести свою дочку. А Иван Алексеевич просто хотел, чтобы тебе было легче и лучше, не сердись на него... Он так любит тебя, я это видел...

Когда разговор закончился, Верещагин утер вспотевший лоб и выдохнул:

– Черт побери, просто какой-то сериал, причем самого низкого пошиба.

– А ты смотришь сериалы низкого пошиба?

– Я их произвожу, причем в устрашающем количестве!

Яся улыбнулась.

– Ну, вот и слава богу, ты улыбаешься! И знаешь, у меня просто камень с души свалился, так это вранье достало!

Иван Алексеевич проснулся очень рано. Яся спала, по-детски положив под щеку сложенные ладошки. Я должен увезти ее отсюда, нельзя ей быть сейчас одной, черт-те что в ее голову лезет! Бесчисленные комплексы недолюбленной, недоласканной девочки мешают ей жить. Я увезу ее, доласкаю, долюблю, она забудет обо всей этой чепухе. И в конце концов, что Дина ей сделает уже? Развод дело нескольких дней. Артур перестраховывается, я понимаю, но и Яську одну оставлять здесь нельзя. А то еще возникнет этот хирург и мало ли что взбредет в голову этой чудачке. В Москве у нее кроме меня есть преданная подруга Варя, есть Наташка, которая примет ее... Да, решено! И что бы там она ни верещала, я ее увезу.

– Любимая, пора вставать!

– А? Что? Верещагин, это ты? Я так рада...

– Вставай, я заказал завтрак в номер!

– Ой, я опоздаю на работу!

– А ты не пойдешь на работу!

– Верещагин, перестань, я не могу!

– Прекрасно можешь! Вот позавтракаем, и я поеду сам на твою фирму и договорюсь с начальством. Если надо, заплачу неустойку, но ты сегодня

же уедешь со мной в Москву! И не вздумай со мной пререкайся! Это я с тобой белый и пушистый, а начальник я крутой, со мной не забалуешь! И я умею договариваться с самыми разными людьми. Ты прости меня, любимая, но вряд ли ты такой уж бесценный кадр, что они рискнут связываться со мной. Сечешь?

– Кажется, да. А ты и вправду такой крутой?

– А как ты думаешь, можно в наше время и в нашей реальности, не будучи крутым столько лет держаться у руля телеканала? Мы с Глебом очень крутые ребята. Смолоду вместе, и, надо же, нас обоих на старости лет накрыла любовь, в существование которой мы оба как-то не верили, только он в семье, а я в холостой жизни.

– Верещагин, ты почему столько говоришь? Лучше поцелуй меня, и все, не надо больше меня убеждать. Я на все согласна!

– Счастье мое!

– А где я буду жить?

– Что за идиотский вопрос? У меня!

– А работать?

– Тебе обязательно работать?

– Да.

– Не проблема, придумаем что-нибудь. Может, даже у нас на канале.

– Нет. Я не хочу быть твоей подчиненной, и еще не хочу слушать какие-нибудь сплетни и пересуды о тебе!

– Хорошо, а хочешь, я договорюсь на твоей фирме, что ты будешь работать удаленно? Кстати, так будет куда проще тебя увезти.

– Да! Хочу! И еще, может, в Варькином издательстве мне будут давать переводы, им понравилась моя работа...

– Вот и чудесно! Ну, я поехал! Только не вздумай удрать!

– Верещагин, а меня отсюда не выставят, как проститутку?

– С ума сошла!

– Верещагин, давай я лучше с тобой поеду?

– Нет! Ты мне будешь мешать! Тогда вот что, если тебе кисло тут сидеть, давай отправляйся по магазинам, вот тебе карточка, запомни код и гуляй! Купи себе все, что понравится!

– Но у меня все есть...

– Так не бывает! К тому же средь бела дня разгуливать в черном коктейльном платье по Петербургу это моветон!

– О, тогда я лучше поеду и соберу вещи, если ты намерен сегодня же меня увезти!

– Да, вот Дина не преминула бы взять карточку. Хотя старательно

делала вид, будто любит меня совершенно бескорыстно. А на поверку и не любила и была весьма корыстна.

- Верещагин, я не хочу о ней ничего знать!
- Да, ты права! Итак, ты будешь дома?
- Да.
- Тогда пошли вместе, завезу тебя.

Войдя в свое временное пристанище, Яся подумала: вот и кончился очередной этап моей дурацкой жизни. Хороший, в общем-то этап. Я поняла, что смогу и одна, не пропаду. И еще меня именно здесь настоящему нашел Верещагин! И хочет забрать отсюда. Он, кажется, и вправду меня любит. А я даже не знала, что с мужчиной может быть тепло. Мне так не хватает тепла. И он нашел моего отца... Он думает обо мне, заботится... И сам он тоже так нуждается в тепле...

И она принялась собирать вещи. Зазвонил телефон. Женька!

- Яська, ты где? Ты в курсе, что тут объявился твой Верещагин?
- Да, Женечка! В курсе! – ликующим голосом проговорила Яся.
- И что ему тут надо? Он тебя забирает?
- Ага, забирает!
- Но ты же не хотела... Хотя... такой роскошный мужик... наши тут здорово перетрусили...
- С чего это?
- Не знаю, видно, он крутой. И когда сваливаешь?
- Прямо сегодня, он спешит.
- И чего только на свете не бывает!

Впервые за несколько месяцев в голосе подруги Яся уловила нотки зависти. Вот и хорошо, что Верещагин меня увозит...

Его долго не было. Она уже начала волноваться. Не дай бог с ним что-то случилось. Но тут он явился, веселый, молодой.

– Яська, отпустили! Без проблем! Но работать «на удаленке» не выйдет...

- Почему?
- Вячеслав Игоревич в принципе был не против, но вот Альбина Трифоновна была категорически против...
- Ясно! Лопнула от зависти при виде такого роскошного мужика... – засмеялась Яся.

- А я, по-твоему, роскошный мужик?
- Верещагин, если б не этот кокетливый вопрос...
- Умница моя! Короче, ты все собрала? Поехали сейчас в гостиницу,

уезжаем «красной стрелой». Ты должна как-то известить хозяев квартиры?

- Я уже известила. У меня все оплачено на месяц вперед.
- Отлично! Едем?
- Едем, Верещагин, едем!

В Москве их встречала служебная машина. Немолодой водитель с любопытством взглянул на Ясю. Ох и быстрый мужик Верещагин. Вроде недавно женился... Но Григорию Ивановичу та жена не нравилась. А эта вроде приятная...

Иван Алексеевич позвонил Полине Яковлевне.

- Полина Яковлевна, голубушка, приготовьте нам хороший завтрак!
- А на сколько человек? – дипломатично осведомилась Полина Яковлевна.

– На двоих. Со мной моя будущая жена!

– Господи помилуй! – испуганно воскликнула пожилая женщина.

Это ж надо, опять женится! Как прорвало мужика! До таких лет холостяком дожил, а теперь уже вторая за полгода... Седина в бороду... Не дай, Господи, опять такая же стервоза окажется!

Полина Яковлевна красиво накрыла стол на кухне. Иван Алексеевич терпеть не может завтракать в комнатах. И с замиранием сердца стала ждать явления новой хозяйки. Но вот она услышала, как открылась входная дверь, и голос Ивана Алексеевича радостно произнес:

- Вот мы и дома! Заходи! Полина Яковлевна!
- Иду!

Пожилая женщина вышла в прихожую.

– Вот, познакомьтесь, это моя жена. А это добрый дух этого дома...

Он осекся. Женщины пристально смотрели друг на друга и вдруг кинулись друг к другу, обнялись и зарыдали.

- Господи, тетя Поля, это вы?
- Ясюня, деточка, неужели это ты?

Казалось, встретились две давние подруги или близкие родственницы.

- Это ж надо, какая ты красавица, Ясюня моя!
- Тетя Полечка, как же я рада вас видеть!
- А мне кто-нибудь объяснит, что тут такое, а?

– Ой, Иван Алексеевич, да я же Ясюню с раннего детства знаю, мы соседями были с ее мамашей.

– Тетя Поля... Я так ее любила, она была самым теплым, самым добрым человеком в моем детстве.

- Ну, я рад! Вот уж точно, вы найдете общий язык!

– Можешь не сомневаться, Верещагин!

– Полина Яковлевна, поставьте-ка третий прибор на стол и без разговоров! – распорядился Иван Алексеевич. – И садимся завтракать!

– Ой, а можно я сначала душ приму? Пожалуйста! – взмолилась Яся.

– Хорошо, принимай душ! Пошли, отведу в ванную! Вот, халат надень мой! Мойся поживее и приходи на кухню!

– Спасибо!

Он быстро вернулся на кухню.

– Полина Яковлевна, голубушка...

– Ах, Иван Алексеевич, это такая девочка... Сколько ж бедолажка натерпелась от мамы своей, это ужас просто... Уж я-то знаю...

– Она ее била?

– Ну, сказать, что била, нельзя, иногда оплеуху влепит, но как она ее унижала... Какие гадости говорила, внушала девчонке, что она уродина, толстая... На диеты всякие сажала, а девчонка же росла... Бывало, Ясюня из школы вернется, я ее к себе зазову, накормлю как следует... И еще дочка моя, она уже в институте училась, тоже жалела Яську, так она ей наоборот, внушала, что та хорошенькая, вовсе не толстая... А ее, мамашу-то, я года два назад на улице встретила, она уж давно по другому адресу жила, спрашиваю, как Ясенька, а она мне знаете что сказала? Что дочка ее проституткой стала, спилась и померла.

– Быть не может!

– Святой истинный крест! Только я ничему не поверила.

– А она часом не сумасшедшая, эта ее мамаша?

– Я и сама иной раз думала, что она мозгами тронулась... Чтобы такое о своей кровинушке сказать... А она что, в Ленинграде живет, Яся-то?

– Она много лет жила в Бельгии, а потом несколько месяцев в Питере...

– А вы и вправду на ней женитесь?

– Как только получу развод. Не сомневайтесь!

Тут появилась Яся, разругавшаяся, сияющая.

– С легким паром! – в один голос сказали Полина Яковлевна и Иван Алексеевич.

– Ох, спасибо! Я такая голодная...

– Вот и ешь. Хорошо, я всё думал, как тебя тут одну оставлять, а теперь, уверен, ты скучать не будешь! Вам наверняка есть о чем поговорить! Вы Ясе тут все покажите, ладно?

Телефон у него уже разрывался, всем был нужен Верещагин. И, наскоро перекусив, он умчался.

– Ох, Ясюня, повезло тебе, золотой человек, Иван Алексеевич-то. Как есть золотой!

– Тетя Полечка, а вы давно у него работаете?

– Да уж лет восемь...

– Тетя Полечка, знаете, он папу моего нашел!

– Да ты что! Как это?

Яся рассказала милой женщине об отце и братьях.

– А мамаша твоя... Что она о нем говорила... Да и о тебе...

– Не хочу я о ней даже думать. Знаете, как я горевала, когда вы в Тамбов уехали...

– Да пришлось, на кого мне было сестру старшую кинуть? А когда вернулась, вы уже переехали, и никто не знал, куда.

– А вы все там же живете? А как Тамара?

– Тамара-то замуж за военного вышла, моталась с ним по гарнизонам, а теперь он в отставке, квартиру получил на Дальнем Востоке, трое внуков у меня, да только на Дальний Восток не наездишься. Мне вот Иван Алексеевич в прошлом году на день рождения билеты купил до Владивостока и обратно. И еще денег дал на подарки внукам... Но я пока летела, страху натерпелась... второй раз не полечу! Ну, а ты? Что с тобой-то было?

– Я замуж за бельгийца вышла, так хотелось подальше от матери уехать. Ну, она вроде довольна была, что за иностранца. Один раз даже проездом навестила... Вроде все мирно прошло. И я сдуру в конце прошлого года, когда от мужа ушла, к ней сунулась. Ну она меня и выгнала.

– И куда ж ты подалась, бедолага?

– К подруге! Потом нашла работу в Питере, там жила, а потом Верещагин меня нашел...

– Что ты все его по фамилии кличешь? Негоже так...

– А ему нравится!

– Ну, дай вам Господь! Пойду в церковь, свечку за вас поставлю!

– Спасибо вам, тетя Полечка!

– А хочешь, я к ужину твой любимый пирожок с яблоками испеку?

– Ой, тетя Полечка! Конечно хочу! Сколько я всяких пирогов с яблоками ела, ни один с вашим не сравнится!

– Ваня-то твой тоже этот пирог обожает! Вот радость-то мне на старости лет... А я уж собиралась другое место искать, так меня эта его Дина достала... Вроде вежливая, не придерешься, а чувствую, смотрит на меня как на досадную помеху, как на муху докучную... Но Ваня-то ей наказал меня не обижать. Ценит! Ну, пойдем, покажу тебе квартиру! Вот,

кабинет Ивана Алексеевича, здесь ничего трогать нельзя, тут спальня, а тут гостиная, и еще маленькая комната для гостей!

– Как все красиво!

– Вещички свои в этом шкафу развесь...

– Он тут с ней спал?

– Ну да, спальня же.

– Тогда я лучше пока в комнате для гостей...

– А и вправду! Пускай хоть матрас поменяет. Ох, он и ходок был... Только кажется мне, Ясюня, что остановился он уже. Много я тут девчонок повидала, только ни на одну он так не смотрел, как на тебя. Видать и вправду любит...

– Тетя Полечка, а гости у вас тут бывают?

– Как не бывать, бывают, хоть и не часто. Сестра его бывает, хорошая женщина, дружок его закадычный Глеб Витальевич с женой, хорошие люди, уважительные, ну еще иногда... Но только близкие, а чужих-то он в рестораны водит.

– А что он больше всего есть любит?

– Жареную картошку! Дина его здорово возмущалась, дескать, нет ничего вреднее... Ну, сама, небось, помнишь, как мамаша твоя никогда тебе ее не давала, а ты иной раз из школы придешь, я тебе картошки-то нажарю...

– Да, жареная картошка это вкусно... Только для фигуры и вправду вредно, но у Верещагина с фигурой все в порядке.

– Ой, мамочки, заболталась я с тобой, а мне ж в магазин надо, обед готовить. Скажи-ка, хозяйка, что тебе на обед, и что вам на ужин готовить?

– Тетя Полечка, да какая я еще хозяйка, что вы! Готовьте, что сочтете нужным, что Верещагин любит...

– Ладно, соображу! Ну уж яблочный пирожок точно испеку. Я пойду, а ты пока осваивайся на новом месте!

– Нет, я с вами пойду, и осмотрюсь в новом районе и сумки помогу таскать.

– Вот этого не нужно. Я ничего тяжелого и не таскаю. Иван Алексеевич раз в неделю водителя присылает, мы с ним ездим, все нужное покупаем. Нет, сиди дома, разбирай вещи, а я уж сама справлюсь.

– Ну, как хотите!

Полина Яковлевна ушла. Яся осталась одна.

Какая огромная квартира! И какой вид из окна на Москва-реку! И то, что тетя Поля здесь... Это добрый знак. Ох, надо же позвонить Варьке!

– Алло! – откликнулась Варя. – Привет, подруга!

- Ты на работе?
- Нет, я простужена, дома сижу, а что?
- Варька, я в Москве!
- Здорово! А надолго?
- Да, похоже, навсегда!
- Верещагин? – догадалась мгновенно Варвара.
- Он! Варька, он такой...
- Да, он клевый!
- Варь, может я приеду сейчас? Верещагин до вечера на работе!
- Не вздумай! Я вся в соплях! Сказали, вирус. Давай, рассказывай по телефону, а я как только отсморкаюсь, сама к тебе нагряну! Ну, что еще хорошего?
- Ох, Варька, столько хорошего! Помнишь, я тебе рассказывала про соседку тетю Полю?
- Это которая тебя в детстве подкармливала?
- Да!
- И что с ней?
- Она уже восемь лет работает у Верещагина.
- Домработницей?
- Ну да! Видела бы ты, как он ошалел, когда мы с ней кинулись друг к дружке и зарыдали!
- Воображаю! Яська, это замечательно, я считаю, это хороший знак!
- Я тоже так подумала! И еще одна новость, можно сказать, грандиозная!
- Ой, мамочки! Неужто твоя мамаша раскаялась?
- Щас! Нет, Верещагин нашел моего отца!
- Шутишь! И... что? Он и в самом деле уголовник?
- Щас! Он доктор медицинских наук, завотделением в Новосибирском госпитале... А еще у меня есть два чудесных брата...
- Ну ни фигя себе! Давай, рассказывай подробно!

Секретарша Виолетта Геннадьевна, едва он вошел, спросила:

- Иван Алексеевич, что с вами?
- А что со мной?
- Вы так сияете!
- Просто еще не окунулся в наше болото!
- Ну-ну! – покачала головой пожилая дама. Небось опять завел новую пассию.

Время от времени он звонил Ясе, выяснял, как она там.

– Устроилась, солнышко?
– Да! Только пока в комнате для гостей.
– Это почему? Ах, кажется, я понял. Ты умница! Я учту! Ты рада своей тете Поле?

– Не то слово!
– А я как рад! Ну все, целую!

Вечером он как безумный рвался домой, но в результате попал туда только в десять часов. Яся, свернувшись калачиком, спала на диване в гостиной. Работал телевизор. Какое счастье...

– Яська, я пришел!
Она мгновенно вскочила.
– Прости, я уснула... Как же я соскучилась!

Прошел месяц. Иван Алексеевич чувствовал себя абсолютно, до идиотизма, счастливым. Он не только не разочаровался в своей избраннице, наоборот, все больше и больше ею очаровывался. Развод с Диной был оформлен. Но жениться они не могли. Яся все еще была замужем. Они как-то забыли об этом. Верещагин опять обратился к Артуру. Тот сказал, что международными разводами не занимается и передал их дело своему коллеге, съевшему на таких делах не одну собаку. Ивана Алексеевича это обстоятельство раздражало, а Яся только улыбалась.

– Верещагин, что ты нервничаешь? Успеем мы... Куда спешить? Разве нам и так плохо? Мне, например, прекрасно, сплошная лебедянь!

Это смешное выражение всегда умиляло Ивана Алексеевича.

Яся почти ежедневно общалась по скайпу с отцом и братьями. Но работы пока никакой для нее не находилось. Наташа Завьялова предложила ей пойти редактором к ней в программу, но Иван Алексеевич категорически воспротивился.

– Нет, ни к чему это! Хватит в руководстве канала и одной супружеской пары...

– Но я же не руководство, да и Наташа тоже...

– Редактируй меня, если хочешь, я вот неточно выразился, ты меня поправила, спасибо тебе за это. Пойми, чудачка, там же нас всех перессорят, кому это надо? А знаешь что, если тебе нейдет, займись-ка спальней, что мы ютимся в комнате для гостей. Даю карт-бланш, делай там, что захочешь! Выкидывай к чертям всю мебель, меняй все по своему вкусу! И покупай все, что на тебя глядит!

– Ой, правда?
– Истинная правда, Ясюня!

Эта идея вдохновила Ясю. Она позвонила Варваре.

– Варька, сможешь?

– Не вопрос! Я после работы заеду и погляжу.

Варя долго осматривалась в спальне.

– Ну вот что, подруга, есть одна мысль...

– Какая?

– Надо сперва освободить помещение, а потом уж думать, и еще я бы переклеила обои.

– А я бы обила стены тканью.

– Английским ситцем, как в старинных романах?

– Ну, что-то в этом роде.

– Это красиво, но темные цвета не годятся для спальни, а светлые – слишком марко.

– Не страшно, это можно чистить.

– Вообще-то да...

– Мебель я отдам тете Поле, она хочет.

– Здорово!

– А занавески будут такие же, как стены... Только на два тона темнее.

– А найдешь?

– Уже нашла!

– Купила?

– Нет пока, только присмотрела.

– А мастеров таких найдешь?

– Не надо мастеров, сама справлюсь. Я такое уже делала. В Бельгии. Еще в Интернете покопаюсь... Варь, сможешь?

– Не вопрос! И если мне понравится, потом и у меня что-то подобное сделаем. Сможешь?

– Не вопрос!

Иван Алексеевич уезжал на несколько дней по делам. Рвался домой, а приехал, Яси дома не было.

– Алло, солнышко, ты где?

– В доме ткани.

– Что ты там делаешь?

– Занавески заказываю.

– Когда дома будешь? Я смертельно соскучился!

– Не раньше, чем через два часа!

– За что мне такие муки! Слушай, ты почему дверь в спальню заперла?

- Хочу сюрприз тебе сделать, когда все будет готово!
- А, понял, целому дураку полработы не показывают?
- Именно! Верещагин, я люблю тебя! И я тоже ужасно соскучилась!

И она уже рвалась домой, она практически разучилась существовать без него. С ним она забывала обо всех своих комплексах, чувствовала себя прекрасной, желанной женщиной, и в самом деле расцветала в его присутствии. Смотрела на себя в зеркало и не узнавала. Это я? Нет, не может быть...

Как-то вечером они вчетвером – с Глебом и Наташей сидели на террасе модного ресторана. Начало сентября, дни теплые и погожие. Им было хорошо и уютно вместе.

– Знаешь, Яся, – сказал Глеб Витальевич, – я знаком с Ванькой уже тридцать лет, но никогда его таким не видел. Это благодаря тебе. Я хочу за тебя выпить! И еще за то, что наши с ним жены подружились. Это так здорово!

– Поддерживаю! – засмеялся Верещагин.

Все выпили за нее. Ей это было приятно. И вдруг что-то произошло, а что, она сказать не могла. Ее вдруг стал бить озноб, к горлу подступил комок... Стало страшно.

– Яська, ты чего так побледнела? – первой заметила ее состояние Наташа. – Тебе нехорошо?

– Да, голова что-то закружилась...

– Хочешь, спустимся в сад? – предложила Наташа.

– Да, да!

Мужчины, занятые разговором, ничего не заметили.

Женщины спустились в сад.

– Если б я не знала, что у Ивана не может быть детей, я бы подумала, что ты беременна.

– Нет, Наташа, я не беременна. Но мне кажется, что где-то здесь моя мать... Я всегда чувствовала ее приближение в минуты, когда мне было хорошо. Я не могу объяснить...

– Слушай, а может это просто какое-то недомогание, с нею не связанное?

– Может и так... Не знаю.

– Скажи мне, как она выглядит, я пройду по залам и погляжу, хочешь?

– Хочу!

– Я мигом, подожди меня!

Яся сидела на лавочке, закрыв глаза. Ей было трудно дышать. И вдруг ее отпустило. Вернулась Наташа.

– Тебе лучше?

– Да!

– Поразительно! Я видела такую женщину, она собиралась уходить... Я ни с чем подобным еще не сталкивалась...

Яся пожала плечами.

– Ну надо же... А она, между прочим, интересная женщина! Я думала невесть какая карга...

– Интересно, она меня тут видела?

– Это имеет значение?

– Имеет. Она может устроить какую-то пакость.

– Господи, что ты говоришь! Какую пакость?

– Я не знаю... Просто, если она видела, что мне хорошо, обязательно что-то устраивала...

– Брось, Яська, ты тогда была девочкой, зависела от нее, глаза ей каждый день мозолила, а сейчас ты более чем взрослая женщина, да и Ванька тебя в обиду не даст. Знаешь, что он мне сказал недавно?

– Что?

– Что нашел свою вторую половинку. Вот! И забудь ты о своей мамаше. Кстати, она была с мужчиной, такое представительный дядька...

– Видимо, это последний муж.

– Так до тебя ли ей?

– Будем надеяться, – вздохнула Яся.

Но в душе поселилась тревога.

– Иван Алексеевич, к вам рвется какая-то дама, говорит, что это жизненно важно для вас.

– Кто такая?

– Ее зовут Курилова В. И.

– Не знаю такую.

– Отправить восвояси? – осведомилась Виолетта Геннадьевна.

– Да нет, только предупредите, что у нее на все про все десять минут.

– Хорошо!

В дверях показалась элегантная немолодая женщина. Иван Алексеевич привстал, он был достаточно галантен.

– Присаживайтесь. Что вас привело ко мне?

– Я пришла предупредить вас.

- Слушаю вас.
- Я мать Ярославы!
- Вот как? И о чем вы хотите меня предупредить? – очень холодно осведомился Верещагин.
- О том, что у Ярославы очень дурная наследственность, с ней нельзя заводить детей, у нее по линии отца ужасные гены! Он был отпетый уголовник, к тому же в их роду было полно психически нездоровых людей...
- Только по отцовской линии? – достаточно ядовито произнес Иван Алексеевич.
- Что вы хотите этим сказать?
- Просто интересуюсь.
- Вы можете мне не верить...
- Я скажу иначе: я никак не могу вам верить! Простите, но – никак!
- Понимаю, вы очарованы ею, она намного моложе вас, но поверьте...
- Да не поверю я! И вообще, зачем вы ко мне явились? Какую цель вы преследуете?
- Только одну! Я не хочу, чтобы из-за моей ошибки в молодости страдали другие люди. Я влюбилась в отпетого уголовника, родила от него... А яблоко от яблони... сами знаете.
- Простите, мадам, это вы профессора Иноземцева называете отпетым уголовником?
- Женщина побледнела.
- Кто такой профессор Иноземцев? Однофамилец?
- О нет, это весьма достойный человек, великолепный врач и отец Ярославы. Я нашел его и все ваши инсинуации...
- Да что за бред! – Дама вдруг стала пунцовой.
- Это не бред. Бред то, что вы тут несете! И как я понимаю, цель вашего визита напакостить собственной единственной дочери, которую вы объявили спившейся проституткой, к тому же покойной! Это ж надо придумать... Послушайте, мадам, вот что я вам скажу: вы как могли уродовали вашу дочь, но она вопреки вам выросла чудесным добрым человеком, восхитительной женщиной, но чудовищно закомплексованной. Она о вас почти ничего не рассказывала, но так случилось, что у меня в доме уже восемь лет работает ваша бывшая соседка Полина Яковлевна, вот уж мне о вас порассказала... Как вы мучили и унижали девочку, морили ее диетами и даже сплывили в интернат.
- И вы верите этим рассказням? Да Полина просто мне всегда завидовала...

– Короче, мадам, временной лимит вы исчерпали, но я хочу вас в свою очередь предупредить – если вы еще раз хоть на мгновение приблизитесь к моей жене... Я приму меры и вам мало не покажется!

– Ах так? Ты мне угрожаешь, debil? – вдруг завизжала она. Схватила со стола тяжелую стеклянную пирамидку для бумаг и швырнула ее в Верещагина. Он сумел пригнуться и пирамидка угодила в стеклянную дверцу книжного шкафа. Посыпались осколки. Иван Алексеевич не успел опомниться, как в него полетел еще и стакан с карандашами.

– Вы с ума сошли! Я вызову охрану!

– Охрана тебе не поможет, козел! – визжала она и вдруг кинулась на него. Он схватил ее за руки, но она успела расцарапать ему лицо. Билась, вырывалась, визжала, брызгая слюной и грязно ругаясь.

В кабинет вбежала Виолетта Геннадьевна.

– Боже, что тут происходит? Я вызову охрану!

– Вызовите «скорую», она сумасшедшая...

Верещагин втолкнул женщину в крохотную комнатку, где иногда позволял себе прилечь на четверть часа, и запер дверь.

– Фу! Кошмар какой-то!

– Иван Алексеевич, у вас кровь! Надо промыть и залепить пластырем! Сядьте, я все сделаю. Ой, она там все разгромит!

Дама продолжала бушевать. Она колотила в дверь, орала, грязно материлась.

– Кто она такая? – полюбопытствовала Виолетта Геннадьевна.

– Понятия не имею! Просто сумасшедшая... И как ее охрана пропустила?

– А сумасшедшие они очень хитрые...

К приезду «скорой помощи» в комнатке все стихло.

– Она затаилась! – предположила Виолетта Геннадьевна. – Открывайте осторожно, ребятки!

Но видимо она выдохлась. Сидела на полу, уставившись невидящим взглядом в пространство.

– Документы есть? – спросил врач.

– Она замужем, – заглянув в паспорт, сообщил доктор. – Надо посмотреть в телефоне, может есть номер мужа.

– Нет! Не надо мужу... Я уйду! Пустите меня!

– Вы сможете идти?

– Смогу! – злобно прошипела женщина.

– Виолетта Геннадьевна, вызовите такси, – распорядился Верещагин.

– Но как же? Не положено, – забормотал врач, которому совершенно не улыбалось возиться с полоумной теткой. Он не психиатр!

– Ничего, скажете, что мы тут просто перепугались.

– Ну что ж... Нам же лучше!

Два охранника пошли сопроводить женщину до такси.

– И никогда больше не пускайте ее сюда! – напутствовал их Верещагин.

– Иван Алексеевич, вам надо выпить кофе и лучше бы с коньяком! – посоветовала Виолетта Геннадьевна.

– Нет, мне надо просто выпить коньяку! Домой меня отвезет водитель.

Господи, вот кошмар-то! И впрямь у моей Яськи дурная наследственность... И слава богу, что у нас не может быть детей! Все к лучшему в этом лучшем из миров. А вот и объяснение столь странного отношения к дочери... Она попросту сумасшедшая, эта баба. Но Яська-то моя... Она самая лучшая в мире. А говорят, от осины не рождаются апельсины. Яська дочь своего отца, а вовсе не матери. А там хорошая яблоня... А надо ли говорить Яське про сегодняшнее? Все-таки лучше сказать. Не хочу никакого вранья в наших отношениях. Она, конечно, расстроится... Но я сумею ее утешить.

– Верещагин, что с тобой? На тебя напали? – воскликнула Яся при виде его заклеенной пластырем щеки.

– Напали!

– Глаша?

– Если бы! Не Глаша, а твоя мамаша!

И он рассказал ей все.

Она заплакала.

– Ну, чего ты плачешь, дуручка?

– Это и вправду ужасная наследственность. Кто знает, как она еще может проявиться... Мне страшно!

– У тебя бывали такие приступы?

– Нет, никогда!

– А у нее?

– Бывали, но нечасто... Я просто не понимала... Знаешь, я подумала, как хорошо, что у нас не может быть детей... Говорят, такое может проявиться в третьем поколении.

– Ну все, хватит реветь, корми мужа...

– Идем! Ой, я забыла... Спальня готова, после ужина покажу тебе... Это восторг!

– Нет уж, покажи сейчас!

Она просияла и открыла дверь спальни.

Комната выглядела очаровательно. Но так по-женски... Он улыбнулся со счастливой улыбкой и произнес по-немецки:

– Das ewig Weibliche!^[1]

– Тебе не нравится?

– Да ты что! Я в восторге. Спальня – это царство женщины. И здесь так красиво и уютно... И мы сможем уже сегодня тут спать?

– Ну, конечно, Ванечка!

– Что? Ты назвала меня Ванечкой? Ну, теперь уж точно, сплошная лебедянь!

notes

Примечания

1

Вечно женственное (*нем.*).